И 8/228

И 228

ПЕРЕЖИТКИ ДРЕВНЯГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ У БѢЛОРУССОВЪ.

Этнографическій очеркъ

А. Е. Богдановича.

ГРОДНА.
Губернская Типографія.
1895.

Дозволено цензурою 3-го Іюля 1895 г.—Г. Вильна.

26
И 8/228

ПЕРЕЖИТКИ
ДРЕВНЯГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ
У БѢЛОРУССОВЪ.

Этнографическій очеркъ

А. Е. Богдановича.

ГРОДНА.

Губернская Типографія.

—

1895.

Дозволено цензурою 3-го Іюля 1895 г.—Г. Вильна.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
627453

2007237815

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Отъ автора	I—III.
	Введеніе	1
I.	Пережитки фетишизма	13
II.	Пережитки анимизма	45
III.	Пережитки олицетвореній	59
IV.	Пережитки солнечнаго культа . . .	80
V.	Олицетвореніе зла	127
VI.	Сообщники нечистой силы	133
VII.	Способы лѣченія, основанные на суевѣрныхъ представленіяхъ, и колдовство .	154
VIII.	Разныя мелкія суевѣрія	171
	Краткій предметный указатель . .	181

ОТЪ АВТОРА.

Первоначально настоящій очеркъ былъ помѣщенъ въ *Научномъ Обозрѣніи* за 1894 годъ; здѣсь онъ является въ значительно дополненномъ видѣ. Этнографическіе матеріалы, вошедшіе въ него, собраны, главнымъ образомъ, въ центральной Бѣлоруссіи — въ уѣздахъ: Борисовскомъ, Игуменскомъ, Минскомъ, Слуцкомъ и Новогрудскомъ Минской губерніи, Сѣнновскомъ и Оршанскомъ — Могилевской и Лепельскомъ — Витебской. Приводимые здѣсь пережитки древняго міросозерцанія и быта, въ большинствѣ случаевъ, общи всей этой мѣстности. Это особенно относится къ пережиткамъ міросозерцанія, къ суевѣрнымъ воззрѣніямъ на внѣшній міръ и природу человѣка, къ разнымъ повѣріямъ и предразсудкамъ: они почти всюду въ этомъ районѣ сохраняются въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. Пережитки древняго быта, застывшіе въ формѣ различныхъ обрядовъ и обычаевъ, болѣе измѣнчивы: нѣкоторые изъ нихъ свойственны только какой нибудь одной мѣстности; другіе распро-

страняются шире и иногда на значительную округу; третьи охватываютъ всю Бѣлоруссію и даже выходятъ за предѣлы ея. Самые распространенные изъ нихъ, оставаясь въ своей сущности, въ основѣ, одинаковыми или сходными, въ частностяхъ, смотря по мѣстности, болѣе или менѣе видоизмѣняются. Въ нашемъ очеркѣ мы касались обрядовъ постольку, поскольку въ нихъ замѣтно было отраженіе древняго міросозерцанія, и если описывали обрядъ, обычай, воззрѣніе, повѣріе, то старались, по мѣрѣ возможности, описывать его типично, внося въ описаніе всѣ извѣстныя намъ характерныя особенности. Разумѣется, что это возможно было сдѣлать только въ такомъ случаѣ, когда въ нашемъ распоряженіи было нѣсколько записей одного и того же пережитка, когда мы его наблюдали въ разныхъ мѣстностяхъ. Тѣ же обряды, обычаи, повѣрія и суевѣрія, которые намъ встрѣчались только въ какой-нибудь одной мѣстности, мы отмѣчаемъ указаніемъ на эту мѣстность. Это, конечно, не значитъ, что они свойственны только этой мѣстности; можетъ быть они «бытуютъ» и въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, но мы не имѣли случая или возможности наблюдать ихъ. Большинство заговоровъ, приводимыхъ здѣсь, записаны въ одной знахарской семьѣ, гдѣ они, передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, составляя, такъ сказать, фамильную собственность.

III

Всѣ записи матеріаловъ сдѣланые лично авторомъ; наблюденія производились и накоплялись имъ исподоволь, такъ какъ авторъ, будучи уроженцемъ Бѣлоруссіи, нѣкогда самъ переживалъ описанные имъ пережитки; а затѣмъ, живя подолгу въ разныхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи и будучи по своимъ служебнымъ занятіямъ близко поставленъ къ народу, имѣлъ возможность пополнять свои наблюденія.

Для выясненія и освѣщенія нашихъ матеріаловъ, мы пользовались, главнымъ образомъ, слѣдующими сочиненіями: Спенсеръ: Основан. Соціологіи, Тэйлоръ: Первобытн. культура, Бокль: Истор. цивилиз. въ Англіи, и статьею Л. Мечникова: Культурное значеніе демонизма (Дѣло, 1879 г.). Мы не пытались все объяснить въ приводимыхъ матеріалахъ; мы заботились болѣе всего о полнотѣ записей; но предназначая первоначально нашу работу для общей печати, мы не считали возможнымъ выпустить одни сырые матеріалы, безъ всякаго объясненія ихъ и освѣщенія.

А. Б.

ВВЕДЕНІЕ.

Бѣлорусскіе крестьяне, истолковывая по своему выраженіе „западный край“, — выраженіе чуждое бѣлорусской рѣчи, — передаютъ его словами „запàдлый край“, т. е заброшенный, захудалый. Хотя съ филологической точки зрѣнія можно многое возразить противъ такого вольнаго перевода, но дѣйствительность его оправдываетъ. И жизнь бѣлоруса, и его творческая дѣятельность рѣзко отмѣчены печатью неразвитости, отсталости, забитости. Именно „запàдлый“ край, „запàдлый“ народъ...

Взять хотя бы бѣлорусскія пѣсни, это общепризнанное зеркало народной души. И онѣ свидѣтельствуютъ о той же „запàдлости“. Пѣсенъ у бѣлоруссовъ довольно много, но содержаніе ихъ очень бѣдно, очень однообразно. Особеннымъ однообразіемъ отличаются тѣ изъ нихъ, которыя посвящены изображенію горькой доли замужней женщины. А пѣсенъ этого рода большинство: онѣ заполняютъ, нимало не преувеличивая, двѣ трети всего пѣсеннаго матеріала. Это безконечныя варіаціи на тему о побояхъ мужа, свекра, о преслѣдованіяхъ

свекрови, злобѣ золовокъ; къ этому господствующему мотиву присоединяется тоска по роду-племени и взрѣдка чувство ревности или мести къ злой разлучницѣ. Но вы не встрѣтите въ нихъ выраженія болѣе сложныхъ или болѣе тонкихъ чувствъ. Нѣтъ въ нихъ и помина о томъ разнообразномъ проявленіи нѣжной любви, которая такъ разлита въ малорусскихъ пѣсняхъ. Напротивъ, въ средѣ бѣлоруссовъ обращается множество пѣсенъ и прибѣвокъ самаго безстыднаго содержанія. Ихъ распѣваетъ старъ и младъ, мужскій и женскій полъ,—распѣваетъ, не стѣсняясь, какъ нѣчто совершенно обыкновенное. Впрочемъ, къ чести бѣлоруссовъ нужно сказать, что эти остатки пріапическихъ культовъ свидѣтельствуютъ не о развращенности нравовъ, а скорѣе о крайней грубости ихъ. Въ пѣсняхъ же обрядовыхъ и бытоваго содержанія нѣтъ того могучаго лиризма, свидѣтельствующаго о силѣ и свѣжести чувства, который такъ выгодно отличаетъ великорусскую пѣсню; почти всѣ онѣ блѣдны, отрывочны, невыдержаны, отзываются какой-то пришибленностью творчества, духовной бѣдностью. Форма ихъ неизящна, мало выразительна, топорной работы, какъ говорится,— и въ этомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію. Мелодіи ихъ, повидимому, еще бѣднѣе содержанія: въ Бѣлоруссіи часто цѣлый отдѣлъ пѣсенъ поется на одинъ мотивъ. Мотивы же построены по такъ называемой *китайской гаммѣ*,— безъ полутоновъ; и кромѣ того — лишены *подголосковъ*, то-есть при хоровомъ исполненіи поются въ унисонъ, не образуя гармоніи. Веселые напѣвы сравнительно рѣдки; большинство же до

послѣдней степени однообразно-заунывны, такъ что наводятъ щемящую тоску даже и на привычнаго слушателя. Былинная поэзія совершенно отсутствуетъ. Бѣлоруссъ или вовсе не принималъ участія въ созданіи того цикла эпическихъ образовъ, къ которому принадлежатъ старшіе и младшіе богатыри кіевскаго періода, или если и принималъ, то совершенно забылъ о существованіи своихъ дѣтищъ. Также нѣтъ въ Бѣлоруссіи ничего соотвѣтствующаго украинскимъ казацкимъ думамъ.

Бѣлорусскія сказки опять таки, хотя и многочисленны, но какъ и пѣсни, бѣдны по содержанію: одна повторяетъ другую. Фабула ихъ, въ большинствѣ случаевъ, крайне незамысловата, изображаемыя чувства чрезвычайно просты, воззрѣнія на внѣшній міръ очень наивны.

Обряды, сопровождающіе жизнь бѣлорусса отъ колыбели до могилы, — эти окаменѣлости прошлой дѣйствительности, — или крайне дики съ точки зрѣнія цивилизованнаго человѣка, или грубо фетишистичны. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ о сравнительно невысокомъ уровнѣ умственнаго развитія.

Объ этомъ также свидѣтельствуетъ лучшее мѣрило духовнаго развитія народа—его языкъ. Какъ извѣстно, большее или меньшее развитіе языка соотвѣтствуетъ большему или меньшему интеллектуальному развитію, потому что, если возникаютъ въ сознаніи человѣка понятія, идеи, образы, — вслѣдъ за тѣмъ неизбѣжно является потребность выраженія ихъ въ словѣ. Отсю-

да языкъ, подобно зеркалу, отражаетъ тѣ душевныя движенія, которыя испыталъ народъ на пути своего развитія, высоту выработанной имъ культуры, высоту полета его мысли, степень ея отвлеченности и пр Но бѣлорусскій языкъ, прежде всего, небогатъ словами. Нѣкоторая часть ихъ заимствована изъ польскаго языка, а въ послѣднее время, между молодымъ поколѣніемъ, довольно широко входятъ въ обращеніе русскія слова. Онъ также бѣденъ формами выраженій и формами рѣчи; такъ напримѣръ, въ немъ нѣтъ причастныхъ формъ, исключая дѣепричастія прошедшаго времени. Онъ гораздо бѣднѣе словами для обозначенія отвлеченныхъ понятій, чѣмъ великорусскій народный языкъ, и даже уступаетъ въ этомъ отношеніи малорусскому. Онъ также не обладаетъ гибкостью, силой и выразительностью перваго и мягкостью, благозвучностью послѣдняго. Словъ, соотвѣтствующихъ русскимъ существительнымъ съ окончаніемъ на *іе*, *остъ* и *есть*, въ немъ чрезвычайно мало; заимствованныя же изъ русскаго языка обращаются только среди грамотниковъ, побывавшихъ въ школѣ или въ военной службѣ, а въ среду стараго поколѣнія, а также въ деревни, отдаленныя отъ школы и, слѣдовательно, лишенныя ея просвѣтительнаго вліянія, проникаютъ весьма мало или даже совсѣмъ не проникаютъ.

Среди бѣлоруссовъ почти не сохранилось историческихъ сказаній, такъ какъ этотъ народъ нѣсколько вѣковъ не жилъ исторической жизнью. Отсюда понятно, что въ немъ заглохло и національное самосознаніе. Только въ послѣднее время оно начинаетъ

пробуждаться: подъ живительнымъ вліяніемъ школы и церкви въ бѣлоруссахъ возраждается сознаніе о своей принадлежности къ великому русскому племени. Но даже и теперь есть немало бѣлоруссовъ, которые подъ словомъ „русскіе“ разумѣютъ старовѣровъ, издавна живущихъ въ Западномъ краѣ. А если вы къ такимъ бѣлоруссамъ обратитесь съ вопросомъ—кто они такіе въ смыслѣ національности, то очень многіе вамъ только и могутъ сказать, что они „тутэйшіе“, т. е. здѣшніе, или что они мужики, словно бы это ихъ національное отличіе или словно бы только однимъ бѣлоруссамъ и свойственно быть мужиками. И къ вашему заявленію, что они русскіе или бѣлоруссы, они отнесутся довольно скептически: называй, дескать, какъ хочешь... Только въ отношеніи трудолюбія бѣлоруссъ не уступитъ ни великоруссу, ни малоруссу, а по выносливости превосходитъ того и другого. Но этого, конечно, мало,—и справедливость требуетъ поставить бѣлоруса по типу душевнаго развитія ниже его братьевъ изъ великой русской семьи.

Чѣмъ объяснить такую сравнительно значительную отсталость?

Различія между естественными условіями страны, въ которыхъ живутъ эти народы, хотя и наложили, конечно, нѣкоторый особенный отпечатокъ на духовный міръ своихъ обитателей, но эти различія не настолько велики, чтобы посредствомъ ихъ было возможно объяснить такую довольно значительную разницу. Объясненія нужно искать, по нашему мнѣнію, въ особенно-

стяхъ историческихъ условій существованія бѣлоруссовъ. Прежде всего, Бѣлоруссія издавна лишилась своей интеллигенціи, этого свѣточа въ духовной жизни народа, его путеводительницы и насадительницы новыхъ идей въ массахъ. Она, какъ извѣстно, усвоила чужой языкъ и нравы, а потому стала вдвойнѣ непонятной народу: новыя идеи сами по себѣ, въ силу своей новизны, трудно усвоиваются, а выраженныя на чужомъ языкѣ становятся еще болѣе недоступны. Но это еще полъ-горя: при благопріятныхъ обстоятельствахъ народъ могъ выдвинуть изъ своей среды новыхъ носителей сокровищъ своего духа, — новую интеллигенцію, можетъ быть еще болѣе естественную, какъ вышедшую непосредственно изъ нѣдръ народа. Но бѣда въ томъ, что онъ былъ поставленъ въ такія условія, при которыхъ это было рѣшительно невозможно. Бѣлоруссія была весьма часто ареной опустошительныхъ войнъ, разорявшихъ народъ, и тѣмъ обусловившихъ его отсталость и невѣжество, и развивавшихъ грубость нравовъ; а что всего важнѣе — она до такой степени была закрѣпощена помѣщикамъ, обязанности въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ были такъ отяготительны, что на выполненіе ихъ расходовались всѣ силы народа, такъ что у него не оставалось ни времени на размышленіе и обдумываніе, ни средствъ на обученіе, а безъ этого немыслимо умственное развитіе.

Еще слишкомъ живы воспоминанія объ этомъ печальномъ времени и живы свидѣтели перенесшіе на своихъ плечахъ всѣ его тягости. Въ любой деревнѣ вамъ сообщатъ массу невѣроятнѣйшихъ разсказовъ о

безсмысленной жестокости или самихъ помѣщиковъ, или ихъ управляющихъ, экономовъ, войтовъ, тіуновъ и прочихъ „подпапковъ“. Вамъ раскажутъ, что даже и тогда, когда число дней „панщины“ было опредѣлено закономъ, крестьяне, однако, отбывали „пригонъ“ въ такое время и въ такомъ размѣрѣ, какъ это вздумается помѣщику, хотя такой произволъ приносилъ существенный вредъ крестьянскому хозяйству. Но гдѣ было искать управы? Кому жаловаться? Папу на папа? А другой инстанціи крестьянинъ не зналъ.

Бывали помѣщики, у которыхъ каждую субботу половину пригонщиковъ жестоко сѣкли розгами: однихъ за огрѣхи при пахотѣ, другихъ за высокія „гривы“ при косьбѣ; тѣхъ за то, что высоко жали, а тѣхъ, что малыя спопы вязали, чтобы сжать установленное число копенъ и т. д. Надо было напрягать всѣ силы, пускать въ ходъ всю внимательность и изобрѣтательность, чтобы избѣжать наказанія. Но и это далеко не всегда помогало.

Видя такую изнурительную жизнь, чѣмъ питался народъ? Вѣдь отъ качества пищи много зависитъ качество мысли. „Мы только теперь узнали, что такое голодъ“, говорили намъ иронически крестьяне: — „ а за панами мы голоду не знали, потому что всегда голодали. Бывало только скотинку бережешь, а сами каждую весну ѣли травы да коренья. А когда молотили панскій хлѣбъ, то невѣянныя зерна, тайкомъ, горстями въ ротъ сыпали да ѣли“. Повѣрить можно. И теперь еще въ центральной Бѣлоруссіи крестьяне

настолько сохранили привычку къ хлѣбу съ мякиной, что только такой хлѣбъ, пушной или „полóвый“, и считаютъ настоящимъ хлѣбомъ, а къ «чистяку» относятся съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, находя, что онъ не питателенъ, что онъ какъ слюна: нѣтъ съ него никакого „посилку“.

Какъ при такихъ условіяхъ, когда крестьянинъ былъ отягощенъ безысходнымъ трудомъ, когда его личность подавлялась, его человѣческое достоинство подвергалось поруганію, какъ было тутъ развиться критическому мышленію, духу изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что для мужика школы были закрыты, а самостоятельныя попытки помимо школы проникнуть въ область хотя бы простой грамотности систематически подавлялись панами и представителями панской власти? Мужику оставалось одно: влачить изо дня въ день жизнь вола подъяремнаго, по характерному выраженію,—что день прожилъ, то къ смерти ближе,—забывая то изъ своего прошлаго, что не имѣло непосредственнаго отношенія къ текущей дѣйствительности, не заглядывая далеко въ будущее, словомъ — не выходя изъ узкаго круга чувствованій и идей, которыя давала повседневная жизнь, бѣдная событіями.

При такихъ условіяхъ все болѣе и болѣе закрѣпляется привычка мыслить по традиціи, по разъ усвоеннымъ образцамъ,—и если существенно не измѣнятся условія жизни, если не будетъ дано толчковъ извнѣ сильныхъ на столько, чтобы пробудить мышленіе и направить его на критическую переработку установив-

шихся формъ мысли и жизни, то оно рискуетъ окоченѣть въ этихъ формахъ, считая ихъ чѣмъ то неизмѣннымъ, неизбѣжнымъ и лучшимъ чѣмъ что бы то ни было чужое. Бѣлоруссъ такъ долго предавался застою, что въ немъ развилось домосѣдство, неподвижность (даже отхожихъ промысловъ не развилъ, хотя потребность въ нихъ, конечно, чувствовалась), а отсутствіе ознакомленія съ чужимъ мѣшало улучшенію своего. Онъ нѣсколько вѣковъ не жилъ нѣкоторыми сторонами своего духа, такъ что неудивительно если его воззрѣнія на внѣшній міръ и душу человѣка очень мало измѣнились и нынѣ стоятъ, по крайней мѣрѣ въ захолустьяхъ, почти на той же ступени развитія, какъ и во времена лѣтописца Нестора. Понятно, что „нечистая сила“ т. е. всякая чертовщина, вѣдьмаки, вѣдьмы, вовколаки, вампиры, хатники, хлѣвники, лѣшіе, водяники и пр. и пр., такъ же фигурируютъ въ міровоззрѣніяхъ бѣлорусса, какъ и во время оно, когда его предки „звѣринскимъ обычаемъ живяху“. Тѣсно связанные съ „нечистой силой“ чародѣйства, ворожба, заговоры, напусканія болѣзней, изгнаніе ихъ, все еще полонятъ умъ бѣлорусскаго крестьянина,—немного, можетъ быть, менѣе, чѣмъ умъ какого нибудь остяка,—все еще играютъ важную роль въ его предпріятіяхъ, въ его жизни.

Единственнымъ просвѣтительнымъ началомъ въ жизни бѣлоруссовъ было христіанство. Извѣстно, что со времени введенія христіанства, языческое міровоззрѣніе получило значеніе антихристіанскаго начала и въ этомъ смыслѣ служило предметомъ борьбы со стороны духо-

вепства. Здѣсь считаемъ нелишнимъ напомнить читателю, каковы были тѣ возрѣнія, противъ которыхъ боролись христіанскіе просвѣтители нашихъ предковъ: тогда читателю будетъ видиѣе, что сохранилось у бѣлоруссовъ отъ первобытнаго міросозерцанія и въ какихъ формахъ сохранилось. Для этого мы воспользуемся обличительною рѣчью, составленною А. Н Майковымъ изъ сводки разныхъ отрывковъ древнихъ духовныхъ писателелей, обличавшихъ языческое нечестіе русскихъ:

„О во тьмѣ блуждающіе!—восклицаетъ одинъ изъ ревнителей христіанства:— „Кумиры повержены, но вы рабствуете и поклоняетесь прежнимъ бѣсамъ! Богами нарицаете стихіи, и солнце, и огонь; и огню тоже молитесь, зовете его Сварожичемъ! Вѣруете и въ стрѣчу, и въ полазъ, и въ птичій грай и въ ворожбу; волхвуете птицами и звѣрьми! Богъ даетъ вамъ вся благая; вы же Е о не познали, а все отъ бѣсовъ своихъ имѣти мните—и обиліе плодовъ земныхъ, и раствореніе воздуховъ! Вмѣсто призыванія благодати Господней на вешнія поля и нивы, рядитесь во звѣриныя шкуры, надѣваете личины, толпами выходите вызывать Перуна или поганаго Ярилу (Ярило—ярь, весна), съ крикомъ и гамомъ бѣгаете по селамъ, ударяя въ бубны, тазы, сковороды, мѣдные доски, брянча колокольчиками и бубенчиками, хлопая бичами: тѣмъ мните зиму и мракъ прогонять, не вѣдая того, что вся отъ Господа! Покараетъ ли васъ Господь, посушитъ поля и нивы, дабы сердца ваши окаянніи подвиглись къ Нему,—вы яко слѣпы и глухи пребыва-

сте, и паки къ нечистому дѣйству прибѣгаете: обовьете дѣвку цвѣтами и травами, водите ее по полямъ, обливая водою, а сами, переряженые въ звѣриныя шкуры, бѣгаетѣ кругъ нея съ бѣсовскими пѣснями, съ плясаніемъ и скаканіемъ *). Отъ рожденія до самыя смерти бѣсамъ токмо служите: зачинаетесь въ скверѣ и грѣхѣ; бракъ ли то есть, когда собираетесь на игрища, и дѣвицу себѣ любу избравъ, на коняхъ ристающе, подскакиваете и съ собой умыкаете: и то есть вамъ бракъ! И станетъ увѣщевать васъ служитель Божій, въ продерзости отвѣщеваете; христіанскій-де обрядъ вѣнчавія годенъ токмо для князей и бояръ, а мы-де люди простые, живемъ какъ отцы и дѣды жили, и по двѣ жены имѣть можемъ!.. О горе горькое, о прелесть сатанинская! И паки скажу: какъ вы пастыря душъ встрѣчаете? Плюете, невѣгласи, встрѣтясь со святымъ отцомъ, бѣсамъ заклятія читаете и яко отъ недоброй вещи, назадъ ворочаетесь! А волхвамъ, и скоморохамъ, и гудцамъ, пѣвунамъ, что толпами изъ села въ село шатаются и поганыя требы и волхованія творятъ и басни о бѣсахъ баютъ со струннымъ гудѣніемъ,—имъ послушаете и ихъ ублажаете и чествуете, и на праздникахъ своихъ все ими указанное творите, и на кладбища съ ними съ огнемъ ходите, и окрестъ могилъ пѣсни бѣсовскія возглашаете, и скаканіемъ и плясаніемъ святое мѣсто оскверняете! Молитвы ни единой сотворить не могуще, развѣ кто

*) Г. Аѳанасьевъ думаетъ, что переряживаніе въ звѣриныя шкуры знаменовало облака, видъ свой мѣняющія, а дѣвка—алчущую землю.

„Господи помилуй“ со страхомъ скажетъ, заклятій знаетъ множество—и къ вѣтрамъ паящие ихъ Стрибожьими чадами, и къ зарѣ—яко къ нѣкоей женѣ, сѣдящей на морѣ, на Окіянѣ, въ палатахъ красна золота да чиста серебра, и къ огню-сварожичу, и къ печкѣ, и къ инымъ, иже стихіи суть, или руками дѣланная!“ *).

Христіанское духовенство много, конечно, разсѣяло первобытной тьмы. Но то, что выработано самимъ народомъ путемъ естественнаго развитія, что составляетъ естественную ступень въ эволюціи его мысли, какъ видно, полегко поддается сглаживанію и уничтоженію. Оно исчезаетъ при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы мысль человѣческая естественнымъ образомъ вступила въ слѣдующій фазисъ своего развитія. А для этого необходимы извѣстныя условія, какъ напримѣръ—нѣкоторая матеріальная обезпеченность, дающая досугъ для наблюденій, изслѣдованій и обобщеній; обогащеніе нашего ума путемъ пріобрѣтенія положительныхъ свѣдѣній изъ различныхъ отраслей знанія и т. п. А такъ какъ до послѣдняго времени ни одно изъ этихъ условій не имѣло мѣста въ жизни бѣлоруса, то понятно, почему большая половина его воззрѣній представляетъ изъ себя „живую старину“. Къ ней-то мы теперь и обратимся.

*) Майковъ. Сочин., т. II, стр. 414.

I.

Пережитки фетишизма.

Со времени „Курса позитивной философіи“ Огюста Конта, процессъ миѳологическаго развитія раздѣляютъ обыкновенно на три послѣдовательные фазиса: фетишистическій, политеистическій и монотеистическій.

Фетишизмъ—начальная ступень въ процессѣ осмысливанія человѣкомъ внѣшняго міра. Это періодъ совершенно младенческаго состоянія человѣческаго ума. Для правильнаго пониманія этого періода необходимо принять то неоспоримое положеніе *), что первобытныя идеи естественны, и, при тѣхъ условіяхъ, когда онѣ имѣютъ мѣсто,—разумны. Ставши на эту точку зрѣнія, спросимъ себя: какъ могъ поступать первобытный человѣкъ, подавленный массою разнообразныхъ явленій внѣшняго міра, чтобы разобраться въ нихъ собственными силами,—какой путь могъ избрать онъ для этой цѣли? Для него выбора не было, ибо такой путь одинъ, который, между прочимъ, практикуется не только дикаремъ, но и ученымъ изслѣдователемъ, до-

*) Спенсеръ, Основан. соціолог., т. I стр. 110.

стигшимъ вершинъ человѣческаго знанія: онъ заключается въ объясненіи неизвѣстнаго посредствомъ извѣстнаго.

Ближе всего, такъ сказать—непосредственно, первобытный человѣкъ зналъ самого себя, т. е. свои собственныя состоянія. Отсюда слѣдуетъ, что первобытные люди должны были основывать свои объясненія явленій внѣшняго міра на аналогіяхъ, почерпнутыхъ изъ своего сознанія, и вслѣдствіе этого они должны были надѣлять всѣ предметы свойствами и способностями, присущими живому человѣку: способностію чувствовать голодъ и жажду, удовольствіе и страданіе, любить похвалу и лесть, мстить обидчику и т. п. Такое апріорное заключеніе подтверждается массою фактовъ и наблюденій, собранныхъ изслѣдователями жизни дикарей. Сообразно со своими понятіями о внѣшнемъ мірѣ, дикарь устанавливаетъ и свои отношенія къ нему: бесѣдуетъ даже съ неодушевленными предметами, какъ наши дѣти съ куклами и игрушками, проситъ у нихъ помощи въ потребныхъ случаяхъ, благодаритъ ихъ, буде она оказана, бьетъ и наказываетъ за непослушаніе, дѣлится своей добычей, кормитъ ихъ и т. п. Отголоски этого далекаго прошлаго, въ силу косности человѣческаго ума, сохраняются, въ той или другой формѣ, даже въ обществахъ, стоящихъ на высшей ступени цивилизаціи. Поэтому неудивительно, хотя и печально, что довольно яркіе слѣды ихъ сохранились въ медвѣжьихъ углахъ Бѣлоруссіи въ видѣ суевѣрнаго почитанія разныхъ предметовъ, въ видѣ разныхъ повѣрій, легендъ и преданій.

Почитаніе огня. Ясные слѣды фетишизма сказываются въ почитаніи бѣлоруссами огня вообще и домашняго очага въ частности. Это черта болѣе или менѣе общая всѣмъ народамъ арійскаго корня. Такъ у римлянъ, какъ извѣстно, въ храмѣ Весты горѣлъ вѣчный огонь, поддерживавшійся предназначенными для этого жрицами-дѣвственницами, весталками; у литовцевъ предъ истуканомъ Перкуна вайделотки непрестанно жгли дубовыя дрова, поддерживая, такимъ образомъ, неугасаемый огонь *Зничъ*, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ — самостоятельное божество, носившее названіе Вѣчнаго Отца. И у нашихъ предковъ огонь почитался наряду съ солнцемъ, какъ родные братья, какъ свѣтоносныя и теплотворныя начала, что видно, между прочимъ, изъ слова нѣкоего христолюбца, обличающаго это нечестіе: «*И огневи молятсь, зовуще его Сварожичемъ*»...

Въ воззрѣніяхъ бѣлоруссовъ огонь является одной изъ основъ семьи, домашнимъ пенатомъ, началомъ цѣлебнымъ и всеочищающимъ. Особенно это сказывается въ захолустныхъ мѣстностяхъ. Тамъ въ каждой семьѣ стараются поддерживать *свой* огонь, тщательно загребая горячіе уголья въ печурку. Онъ вздувается по мѣрѣ надобности. При переходѣ изъ одного жилья въ другое, при семейномъ раздѣлѣ, несутъ съ собою огонь изъ домашняго очага. Осквернять огонь плевками или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, считается дѣломъ нечестивымъ и небезопаснымъ, обо „жижа“, какъ зовется огонь на дѣтскомъ языкѣ, кусается, — и отъ этого на лицѣ виноватаго появляется „вогникъ“ — особая

накожная болѣзнь, при которой лицо покрывается струпьями, какъ послѣ ожога. *Вогникъ* можетъ быть вылѣченъ только посредствомъ огня. Для этого, когда дрова разгорятся яркимъ пламенемъ, выгребаютъ девять раскаленныхъ угольковъ (иногда три); каждымъ изъ нихъ обмахиваютъ три раза вокругъ больного мѣста и, наотмашь, обратно вбрасываютъ въ печь, со словами: „аткуль пришоу, туды идзи“, а больной трижды цѣлуетъ припечекъ. Это называется „откидать вогникъ“.

Огнемъ лѣчатъ и другія болѣзни. Когда дѣти корчатся и кричатъ отъ боли, не спятъ по ночамъ,—это ихъ мучаютъ *Почницы*—маленькіе и злые духи ночи. Ихътолько можетъ прогнать свѣтоносное начало—огонь. Ночью, когда дитя особенно раскричится, топятъ печь, и передъ полымемъ „палаютъ“ больного ребенка. *Палать*—собственно значитъ очищать отъ шелухи ячменную или какую нибудь другую крупу, посредствомъ встряхиванія въ особыхъ почвахъ-палашкахъ. Нѣчто подобное продѣлываютъ и съ больнымъ ребенкомъ. Его кладутъ въ «приполъ», въ подолъ платья, качаютъ передъ пламенемъ, слегка встряхивая и нашептывая „заговоръ“:

Цемная ночка
Начницъ парадзила,—
Малому дзицяци
Муки парабила;
Ясное со*у*нійка *)

*) Въ бѣлорусскомъ текстѣ „у“, напечатанное курсивомъ, слѣдуетъ произносить кратко, сливая съ предшествующей гласной.

Дзень начинаець,
Пачницъ прогоняець,
Дзяпницъ насылаець,
Боль сунимаець.
Шухъ у печь! Шухъ у печь!..

Пламя или пожираетъ почницъ, или отгоняетъ прочь.

Вообще совѣтуютъ часто „палать“ дѣтей передъ печью, такъ какъ огонь считается средствомъ, очищающимъ всякую „немочь“, а равно и предохраняющимъ отъ нея. Потому-то парни и дѣвушки прыгаютъ черезъ купальскіе огни. Хорошій хозяинъ, насаживая въ овинѣ снопы первый разъ въ году, чтобы просушить ихъ для молотьбы, бросаетъ обыкновенно снопъ ржи въ овинный огонь. Это несомнѣнно отголосокъ первобытныхъ жертвъ огню.

Огонь, въ качествѣ древняго родового пепата, скрѣпляетъ различные родственные союзы. Такъ невѣста, прибывшая въ домъ жениха, чтобы „освоиться“ въ немъ, кланяется очагу и прикасается къ нему руками. То же дѣлаетъ и женихъ, идущій въ чужую семью. Въ извѣстные дни,—на праздникъ Пасхи или когда кто-нибудь изъ домашнихъ выѣхалъ на поле сѣять, а особенно, когда въ домѣ *толока* (помочи), — огня изъ очага не одолжаютъ (спичекъ одолжить можно); вѣрятъ, что за огнемъ можетъ уйти изъ дома благосостояніе, или, по крайней мѣрѣ, хлѣбъ не уродится. Въ это время огонь называютъ *богатьемъ* *).

*) Въ Полѣсье огонь вообще называютъ „богатьемъ“, т. е. богатствомъ

Впрочемъ, нѣкоторые крестьяне, по той же причинѣ, что указана выше, и въ обыкновенные дни опасаются давать изъ своего очага горячіе угли чужимъ людямъ, въ другую избу; а если даютъ, то весьма неохотно, при томъ подъ условіемъ, чтобы тѣ же угли были возвращены, хотя бы и потухшіе; трубуютъ также, чтобы одолжающій оставилъ свою вещь, пока не возвратитъ углей: это предохраняетъ отъ дурныхъ послѣдствій, которыя могли бы произойти вслѣдствіе того, что огонь былъ одолженъ. Иные съ этою цѣлію, если угли не возвращены, въ свою очередь посылаютъ къ тому сосѣду, который одолжалъ, за горячими углями, хотя бы въ нихъ и не было надобности.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бобруйскаго уѣзда и почти во всемъ Полѣсьѣ употребляется для освѣщенія такъ называемой „коминъ". Это воронкообразная труба, выходящая наружу черезъ потолокъ и крышу; снизу къ этой воронкѣ подвязывается „каганецъ" — старая сковородка, обломокъ чугуннаго горшка или глиняная лоханка; на каганцѣ жгутся сухія полѣнца или смолистые, мелкоизрубленные сосновые корни. Въ этихъ мѣстностяхъ на Ооминой недѣлѣ справляется женитьба комина. На комъ онъ женится — намъ не удалось точно узнать. Одни говорили, что „съ печью женитца", другіе — съ хатой, а большинство отвѣчали: „ кто его знаетъ! старые люди говорили: женится комин̆ъ, — и мы за ними". Къ этому времени, т. е. къ женитьбѣ, комин̆ъ бѣлятъ, охорашиваютъ, украшаютъ зеленью — плавуномъ, брусничникомъ, хвоями, — и бросаютъ въ огонь кусочки сала или масла: это ему свадебное

угощеніе. И въ этомъ также нельзя не видѣть пережитка первобытныхъ жертвъ огню.

При помощи огня гадаютъ. Если огонь горитъ весело—это вообще хорошій признакъ. Если уголь попадетъ въ горшокъ съ пищей—это означаетъ подарокъ. Если изъ печи съ трескомъ выскакиваютъ горячіе уголья—это предвѣщаетъ скорое прибытіе желаннаго гостя. Почему? Да вѣроятно потому, что въ былыя времена огонь, какъ домашній пенатъ, считался покровителемъ гостей, какъ и всѣхъ вообще находившихся подъ кровлей его обитателя.

Вода. На ряду съ царемъ-огнемъ, немалымъ почетомъ пользуется и царица-водица —другая стихія, еще болѣе важная по своему значенію для жизни человѣка. Много сохранилось упоминаній какъ въ нашихъ лѣтописяхъ, такъ и въ поученіяхъ русскихъ святителей о поклоненіи водѣ и о принесеніи ей жертвъ. Такъ воины Святослава, по словамъ Льва Діакона, послѣ погребенія павшихъ въ битвѣ товарищей, погружали въ волны Дуная пѣтуховъ и младенцевъ. Преподобный Несторъ говоритъ о поляхъ: „бяху же тогда погани, жруще езеромъ и кладеземъ и рощеніемъ, якоже и прочіи погани“.

И по сей день въ Бѣлоруссіи почитаются «езера, кладези и источницы». Особенно послѣдніе. Нѣкоторые „ключи“, издавна пользующіеся извѣстностію, періодически привлекаютъ къ себѣ поклонниковъ массами, въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ наши липецкія и пятигорскія воды. Ключевая вода, или, какъ ее часто называютъ, «живая», почитается высокимъ цѣ-

лебнымъ и очищающимъ средствомъ, такъ же, как
и огонь. Весной, послѣ перваго грома, начинается эт
своеобразное паломничество „къ ключамъ“. Совершает
оно въ извѣстные дни, издавна установленные: на Юрь
на Николу, на Ушестя (Вознесеніе), на Дзевятник
(девятый четвергъ послѣ Пасхи), на Пяцинку, н
Дзесятуху и пр. До „русальной недѣли“ (первая посл
Троицы) берутъ воду только для питья, а послѣ ру
сальной и купаются, гдѣ это удобно, а также поят
и купаютъ лошадей. Дѣлается это или чтобы излѣ
читься отъ болѣзни, или чтобы предохранить себ
отъ нея на будущее время. Плевать въ воду вообщ
предосудительно, а въ „живую“ въ особенности. Он
такъ же, какъ и огонь, употребляется для гаданій
и чародѣйствъ. Вода въ кадкѣ, употребляемая дл
питья, должна быть закрыта, иначе въ нее может
войти нечистая сила.

Земля. Подобно сказанному выше, отношеніе бѣло
русса къ кормилицѣ-землѣ носитъ также нѣсколько фе
тишистическій характеръ. Да и можетъ ли быть иначе
когда его благосостояніе, распорядокъ его личной, се
мейной и даже общественной жизни во многомъ зави
ситъ отъ неумолимой „власти земли“? Отправляясь в
чужую сторону, бѣлоруссъ, слѣдующій обычаямъ пред
ковъ, беретъ щепотку родной земли и, зашивъ ее в
лоскутокъ холста, вѣшаетъ на груди: если придетс
умереть на чужбинѣ, то его прахъ все же будетъ по
коиться вмѣстѣ съ родной землицей. Самая страшна
клятва для бѣлорусса—это клятва, произнесенная с
землею во рту или въ рукѣ. Къ этой клятвѣ прибѣ-

гаютъ рѣдко, и если бѣлоруссъ что-нибудь удостовѣряетъ, взявъ щепотку земли въ ротъ, то его земляки ему, несомнѣнно, повѣрятъ. Если же онъ солжетъ, то думаютъ, что почернѣетъ, какъ земля. Глубоко укоренилось въ сознаніи бѣлоруссовъ представленіе о землѣ, какъ о всеобщей матери; поэтому, между прочимъ, считается предосудительнымъ ругаться матерными словами, чтобы не оскорбить чести матери-земли. Великихъ грѣшниковъ „земля не прима̀е“, т. е. выбрасываетъ ихъ изъ могилы, не даетъ имъ упокоенія. Въ бѣлорусскихъ заклятіяхъ и чарахъ земля столь же часто фигурируетъ, какъ и огонь. Есть повѣрье, что предъ наступленіемъ общественныхъ бѣдствій земля стонетъ по утрамъ, предъ восходомъ солнца. Люди, одаренные чуткимъ слухомъ и при томъ свѣдущіе въ ворожбѣ, могутъ слышать этотъ стонъ и заранѣе предсказывать разныя бѣдствія: голодъ, моръ, войну и т. п., ибо стонъ земли измѣняется соотвѣтственно характеру бѣдствія. Такъ предъ голодомъ къ стону примѣшивается плачъ дѣтей, предъ моромъ — похоронныя причитанія, передъ войной слышенъ особый гулъ, какъ бы отъ топота множества ногъ и копытъ.

Хлѣбъ. Къ хлѣбу бѣлоруссы относятся съ большимъ почтеніемъ. Печь хлѣбъ должна женщина „чистая“, въ противномъ случаѣ онъ не удастся: будетъ коробиться, трескаться. Вообще это оскорбленіе хлѣба. Крошить хлѣбъ, сорить имъ — большой грѣхъ: кто такъ поступаетъ, — не будетъ имѣть хлѣба. Лучше всего — хлѣбныя крошки и корки сжигать въ печи.

Почитаніе бѣлоруссами хлѣба прекрасно иллюстри-

руется слѣдующимъ разсказомъ, широко распространеннымъ въ Бѣлоруссіи. Вотъ этотъ разсказъ. Одинъ человѣкъ, во время ѣды, нечаянно уронилъ крошку хлѣба. Испугался онъ, сталъ ее искать .. Въ это время его гумно загорѣлось. Бѣгутъ сосѣди, кричатъ ему: гумно горитъ! Онъ спокойно продолжаетъ искать оброненную крошку. Нашелъ, извинился передъ хлѣбомъ и, перекрестившись, съ благоговѣніемъ съѣлъ его. Тогда бросился гумно тушить. Но, въ то время, когда онъ умилостивливалъ хлѣбъ, гумно его мгновенно потухло.

Если обнести вокругъ горящаго дома хлѣбъ, то огонь не будетъ далѣе распространяться; только надо, чтобы хлѣбъ захотѣлъ этого. Иные, обнесши хлѣбъ вокругъ горящаго дома, бросаютъ его въ огонь, полагая, что отъэтого пожаръпрекратится. Этотъ обычай намекаетъ на жертву огню; повидимому здѣсь сила не въ хлѣбѣ, какъ намъобъясняли крестьяне, а въ томъ, чтобы умилостивить огонь.

Во всѣхъ семейныхъ торжествахъ, хлѣбъ занимаетъ высокое мѣсто, но эти обычаи такъ распространены и общеизвѣстны, что не считаемъ нужнымъ останавливаться на нихъ. По хлѣбу предсказываютъ судьбу членовъ семьи. Если хлѣбъ въ печи развалится на двѣ половины—это не къ добру: умретъ или хозяинъ, или хозяйка. Если въ мякишѣ окажется вертикальная трещина — это предвѣщаетъ близкій раздѣлъ семьи; горизонтальная трещина — вѣрный признакъ, что или дочь выйдетъ замужъ, или сынъ пойдетъ „у примы“ (въ чужую семью).

Почитаніе камней. Относительно камней сохранилось повѣрье, что въ былыя времена они, подобно животнымъ, чувствовали, росли и размножались; но когда люди прогнѣвили Бога, онъ проклялъ и людей и землю,—и земля перестала давать прежніе баснословные урожаи, и камни перестали расти. Въ Борисовскомъ уѣздѣ, около села Краснолукъ, лежитъ болѣшой камень, въ которомъ, по преданію, встарину жилъ портной. Онъ всѣмъ шилъ безденежно и шилъ очень хорошо, только не слѣдовало его просить объ этомъ: попросишь—и онъ поступитъ какъ разъ наоборотъ, а иногда просто изрѣжетъ матеріалъ въ куски и выброситъ вонъ. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова. За работу ему приносили ѣсть и пить.

Не служитъ ли послѣднее указаніемъ на поклоненіе и жертвоприношеніе камнямъ? Очень вѣроятно. Такихъ камней, съ которыми связано то или другое преданіе,—камней, прославившихся чудотворною силой, въ Бѣлоруссіи немало Два такихъ камня находятся въ Пгуменскомъ уѣздѣ близъ села Пережира. Одинъ изъ нихъ называется Дземьянъ, другой Марья. Они находятся другъ отъ друга на разстояніи, приблизительно, ста саженей. Лѣтъ двадцать тому назадъ прославился чудодѣйственною силою камень Марья: ходили слухи объ исцѣленіи паралитиковъ, хромыхъ, глухихъ и проч. Къ нему стекались на поклоненіе не только жители ближайшихъ мѣстностей, но даже издалека, изъ губерній Могилевской, Витебской, Псковской, Виленской и др. Марья въ высоту аршина два, въ ширину около аршина и въ одинъ футъ толщиною; Дземьянъ нѣсколь-

ко меньше. Глаза суевѣровъ усматриваютъ въ томъ и другомъ подобіе человѣческой фигуры, именно подобіе подбоченившагося человѣка, хотя эти камни не имѣютъ ни малѣйшихъ признаковъ головы, шеи и другихъ частей тѣла. Къ половымъ различіямъ повело присутствіе у Марьи нѣкоторыхъ возвышеній посрединѣ: они то и принимаются за женскія груди. Этимъ камнямъ приносили пожертвованія: холстъ, ленъ шерсть, поросятъ, телятъ, овецъ и деньги. Порою пожертвованія были такъ обильны, что холстъ, ленъ и т. п. возами возили. Впрочемъ, въ послѣднее время популярность Марьи значительно упала, и о прежнихъ приношеніяхъ и помина нѣтъ. Иногда только какая-нибудь дѣвушка, выпрашивая жениха, привѣситъ къ камню кольцо или нѣсколько бусъ.

Эти два камня могутъ быть отнесены къ такъ называемымъ „каменнымъ бабамъ“. Все это камни, сработанные рукой человѣка въ подобіе человѣческой фигуры, обработанные весьма грубо. Съ ними обыкновенно связываются легенды о томъ, что это были люди, которые за грѣхи превращены въ камни.

Недалеко отъ г. Несвижа (верстъ 10—12), близъ фольварка Лозовичи, князя Радзивилла, есть три камня весьма значительной величины. Одинъ изъ нихъ торчитъ изъ земли, напоминая, хотя слабо, человѣческую фигуру, а два лежатъ рядомъ близъ перваго. Относительно этихъ камней ходитъ среди окрестныхъ крестьянъ такая легенда. Жилъ въ Несвижѣ жестокій князь, который Бога не боялся, весьма народъ мучилъ. Мало того, что люди въ будни изъ силъ выбивались,

работая на барщинѣ, онъ сталъ требовать, чтобы они и въ годовые праздники на пригонъ ходили. Вотъ наступила Пасха. Снѣгъ сошелъ, поле можно пахать. И заказываетъ войтъ пригонъ, а если кто не явится по заказу, то грозится вырѣзать тому три полосы со спины. Такъ злой князь приказалъ. Плачетъ народъ. Выйти на пахоту — вышли, но за работу никто не принимается. А войтъ похаживаетъ, да кнутомъ стегаетъ непослушныхъ. Пріѣхалъ самъ князь. Тутъ войтъ еще болѣе сталъ свирѣпствовать, желая угодить князю. Вотъ и говорятъ люди войту: если ты такой умный, то попробуй самъ пахать. Войтъ захотѣлъ отличиться передъ княземъ, схватилъ соху за рогачъ и погналъ борозду. Но не дошелъ онъ и до половины борозды, какъ ударилъ громъ небесный — и войтъ съ волами окаменѣлъ. Такъ и стоятъ они до страшнаго суда.

Весьма распространены камни съ отпечаткомъ человѣческой ступни. Трудно сказать, что это такое: игра природы или дѣло рукъ человѣческихъ (послѣднее вѣроятнѣе), — но только такіе камни пользуются большимъ почетомъ въ средѣ бѣлоруссовъ и привлекаютъ немало пожертвованій.

Также и по сей день почитаются чудодѣйственными такъ называемыя „перуновы стрѣлы“; это орудія каменнаго вѣка, находимыя въ землѣ. Они употребляются въ чародѣйствахъ и для лѣченія болѣзней.

Горы. Въ Бѣлоруссіи нѣтъ сколько нибудь значительныхъ горъ. То, что здѣсь называется горами, не что иное какъ холмы, болѣе или менѣе возвышенные. Понятно, что они не могли поражать воображеніе бѣ-

лорусса, внушать къ себѣ суевѣрный страхъ, какъ это бываетъ въ странахъ горныхъ. Индусы, напримѣръ, завидѣвъ снѣговыя вершины Гималая, со страхомъ и трепетомъ, въ нѣмомъ обожаніи, простираются предъ ними, какъ предъ грознымъ, величественнымъ божествомъ. Это, конечно, грубый фетишизмъ, который въ чистомъ видѣ встрѣчается только среди народовъ, находящихся на весьма низкой ступени развитія. Но вообще нужно сказать, что въ горныхъ странахъ неразвитые умы, если и не поклоняются горамъ, какъ таковымъ, то считаютъ ихъ мѣстомъ обитанія могущественныхъ горныхъ духовъ или божествъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и славянскіе народы въ тѣ отдаленныя времена, когда они обитали на своей прародинѣ, гдѣ-то около горнаго хребта Гиндукушъ, относительно горъ раздѣляли первобытныя воззрѣнія родственныхъ племенъ, которыя и теперь являются въ недоступныхъ долинахъ и горныхъ трущобахъ Гималая чуть-ли не горопоклонниками,—во всякомъ случаѣ питаютъ суевѣрный страхъ къ горамъ.

Послѣ того какъ славяне, оставивъ свою первобытную родину, населили русскую равнину, эти вѣрованія, не находя для себя достаточной пищи на новомъ мѣстѣ, должны были, мало-по-малу, ослабѣвать, сглаживаться, терять свою яркость и опредѣленность. Однако слѣды ихъ, хотя и слабые, сохранились въ Бѣлоруссіи и доселѣ.

Такъ напримѣръ, бѣлоруссы питаютъ суевѣрный страхъ къ «лысымъ горамъ», т. е. такимъ, вершины которыхъ лишены растительности, полагая что онѣ

въ извѣстное время являются мѣстомъ сборища нечистой силы: отъ соприкосновенія съ нею онѣ и облысѣли.

Есть немало горъ, съ которыми связаны легенды и суевѣрныя преданія. Они сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что на такой то горѣ стояла нѣкогда церковь или костелъ и провалились, поглощены горой. Между прочимъ, такое преданіе связано съ холмомъ, возвышающимся среди мѣстечка Лукомля (Могилевск. губ., Сѣнновскаго уѣзда). Этотъ холмъ, вѣроятно, старое замчище; но крестьяне говорятъ, что на немъ давнымъ давно стояла церковь и провалилась. Они увѣряютъ, что на Рождество, на Пасху и нѣкоторые другіе праздники, если приложить ухо къ этой горѣ, то въ ней слышенъ колокольный звонъ и пѣніе. Намъ кажется, что такія суевѣрія объясняются тѣмъ, что въ былыя времена на горахъ находились языческіе капища и жертвенники; иначе—какъ-то не вяжется съ христіанскимъ воззрѣніемъ, чтобы церковь, святыня, проваливалась,—и намъ никогда не удавалось получить объясненіе, почему она провалилась. «Отъ старыхъ людей слышали»—говорятъ въ такихъ случаяхъ. Но въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ сохранились намеки, указывающіе на то, какое значеніе имѣли горы въ обрядовыхъ празднествахъ. Такъ въ одной „волочебной“ пѣснѣ, записанной нами, между прочимъ, восхваляется хозяинъ, прославившійся своимъ чуднымъ дворомъ:

На яго дварѣ ды стоянь горы,
Ды стоянь горы высокія;
А на тыхъ горахъ ды лежань брусья,
Ды лежань брусья цесовые;

А на томъ брусьси ды стоящь стоубы,
Ды стоящь стоубы маловапые;
А на тыхъ стоубахъ ды висящь котлы,
Ды висящь котлы отливапые;
А по-подъ котлами ды горящь агни,
А гараць агни ясненькіе,
Ды идуць дымки синенькіе;
Тамъ сидзяць дѣдки старенкіе,
Вараць воски жоуценькіе,
Сучаць свѣчи двойчастыя,
Двойчастыя и тройчастыя;
Сподзеютца любыхъ госційкоу
Любыхъ госьційкоу—великодничкоу

и пр. (*ссло Погорѣлое, Игуменскаго уѣзда*).

Это несомнѣнно картина языческаго жертвоприношенія, сопровождавшагося обыкновенно народнымъ пиршествомъ, картина, нѣсколько измѣненная въ христіанскомъ духѣ. Внѣшняя сторона этого обрядоваго торжества, обстановка его, весьма выдержана,—отъ нея такъ и вѣетъ духомъ древности; но тутъ уже дѣдки старенькіе, языческіе жрецы, не точатъ ножей булатныхъ, не собираются рѣзать козла, какъ это поется въ извѣстной великорусской „колядкѣ“, а варятъ „воски жоуценькіе“ (желтые), сучатъ свѣчи двойчастыя и тройчастыя, т. е. языческую жертву замѣняютъ христіанской. Но намъ здѣсь, главнымъ образомъ, интересно то, что для этого торжества, для встрѣчи дорогихъ гостей-великодничковъ понадобились высокія горы, настолько понадобились, что пѣвецъ, совсѣмъ не къ мѣсту, громоздитъ ихъ на хозяйскомъ дворѣ, хотя,

разумѣется, и воскъ варить, и гостей встрѣчать гораздо удобнѣе на ровномъ мѣстѣ. Здѣсь пѣсня, очевидно, остается вѣрной старинным обычаямъ, въ силу которыхъ нѣкоторыя языческія празднества должны были совершаться на горахъ.

И теперь въ Бѣлоруссіи выкликаніе весны и другіе весенніе обряды совершаются непремѣнно на горахъ, „на юру“.

Также сохранились отголоски прежняго *поклоненія „рощеніямъ“*, о которомъ упоминаетъ Густинская лѣтопись. Такъ въ Борисовскомъ уѣздѣ намъ приходилось слышать, что давнымъ давно, близъ Стараго Борисова, большого имѣнія, нѣкогда принадлежавшаго князьямъ Радзивиллямъ, расположеннаго въ мѣстности богатой лѣсами, росъ на одной полянкѣ „стародавній дубъ“ очень большихъ размѣровъ. Если кто, бывало, рубнетъ его топоромъ, то непремѣнно съ тѣмъ случалось несчастіе. А когда, по приказанію владѣльца, срубили этотъ дубъ, то, падая, онъ раздавилъ всѣхъ рубившихъ его, и, кромѣ того, цѣлую недѣлю свирѣпствовала страшная буря, съ громомъ и молніей, причинившая много бѣдъ.

Въ той же мѣстности и въ Игуменскомъ уѣздѣ до послѣдняго времени, среди выдѣлывателей клепки, ходило мнѣніе, что есть такія деревья, которыя рубить небезопасно: какъ ни берегись, а оно тебя придавитъ. Не совѣтуютъ рубить дерево, которое скрипитъ, ибо это вѣрный признакъ, что въ немъ человѣчья душа мучится. Срубившій такое дерево заставляетъ ее искать себѣ новаго пристанища, за это онъ можетъ

поплатиться увѣчьемъ, а иногда и своею жизнью. Много связано повѣрій и съ осиной. Это дерево употребляется при волхованіяхъ.

Всѣ растенія, по повѣрію, разговариваютъ между собою, и есть такіе люди, что понимаютъ ихъ рѣчь, и вслѣдствіе этого могутъ узнать, какая заключается въ нихъ сила: цѣлебная или ядовитая,—и въ какихъ болѣзняхъ извѣстное растеніе помогаетъ. Въ прежнія времена, говорятъ бѣлорусы, много было такихъ людей, а теперь очень мало, но все-таки есть они.

Особенно отличаются таинственными свойствами папоротникъ и разрывъ-трава *Папоротникъ*, какъ гласитъ повѣрье, цвѣтетъ только въ ночь на Купалу (23 іюня); цвѣтетъ онъ одинъ мигъ; цвѣтки его горятъ, какъ искорки. Завладѣть этими цвѣтками очень трудно, ибо нечистая сила поставляетъ къ этому всякія препятствія: отводитъ глаза, а болѣе всего пугаетъ разными страхами, такъ что за это дѣло надо браться умѣючи, и даже не всякому чаровнику оно по силамъ. Всего чаще ушедшіе въ лѣсъ за этимъ чуднымъ цвѣткомъ умираютъ со страху.

Собираетъ эти цвѣтки безпрепятственно только *Купальскій дзядокъ*; онъ ходитъ съ лукошечкомъ и наполняетъ его цвѣтами, такъ что лукошечко горитъ какъ жаръ. Купальскій дзядокъ—добрый. Если встрѣтиться съ нимъ и разостлать предъ нимъ бѣлую скатерть, то онъ броситъ на нее одинъ цвѣтокъ. Хватай, тогда скорѣе его и, разрѣзавши ладонь правой руки клади подъ кожу: оттуда нечистикъ не достанетъ. Счастливый обладатель чуднаго цвѣтка получаетъ даръ

всевѣдѣнія, а въ особенности знаетъ, гдѣ какіе кла-ды лежатъ и какъ къ нимъ приступиться, знаетъ, какія заклятія на нихъ наложены и какъ ихъ отчаровать. Понятно что, «ночисьцики», стерегущіе клады, всѣми силами стараются отнять цвѣтокъ.

Разрывъ-трава добывается особымъ способомъ. Эту траву знаютъ только вѣщія птицы, какъ напримѣръ, сорока, сова и сойка. Найдя гнѣздо съ птенцами одной изъ этихъ птицъ, нужно въ немъ замазать глиной отверстіе, такъ чтобы птица не могла кормить своихъ дѣтей. Подъ деревомъ, на которомъ свито гнѣздо, слѣдуетъ разостлать скатерть и самому спрятаться подъ ней. Побуждаемая пискомъ голодныхъ дѣтенышей, желая освободить ихъ изъ неволи и накормить, птица полетитъ искать разрывъ-траву. Бываетъ, что она и находитъ ее. Тогда она прикладываетъ разрывъ-траву къ гнѣзду, и замазка съ него спадаетъ. Вотъ тогда-то и нужно смотрѣть на скатерть: не упала ли разрывъ-трава. Если найдешь ее, разрѣжь ладонь на правой рукѣ и подсунь подъ кожу траву. Тогда стоитъ только толкнуть этой рукой въ запертую дверь — она отворится, стоитъ только взяться за замокъ — онъ самъ открывается.

Крестьяне вѣрятъ, что прославленные воры имѣютъ разрывъ-траву.

Животныя. Изъ міра животныхъ суевѣрное почитаніе вызываютъ главнымъ образомъ змѣи, а изъ нихъ особенно ужи. Эти послѣдніе, въ нѣкоторыхъ болотистыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи, гдѣ водится мно-

го ужей, и до сихъ поръ играютъ роль домашнихъ божковъ.

По повѣріямъ, всѣ змѣи обладаютъ вѣщею силой, необыкновенною мудростію, но одинъ только ужъ склоненъ употреблять свою мудрость на пользу дома, гдѣ онъ поселился,—и если угождать домашнему ужу, то и онъ, въ свою очередь, будетъ радѣть тому дому. Вообще поселеніе ужа въ домѣ считается хорошимъ предзнаменованіемъ: стоитъ только ужу угодить—и онъ будетъ приносить въ домъ счастіе. Но бѣда, если домашняго ужа прогнѣвить: тогда онъ постарается жестоко отомстить. Поэтому крестьяне кладутъ своимъ ужамъ пищу и питье и вообще заботятся о томъ, чтобы не раздражать ихъ. Намъ не разъ приходилось слышать, что въ южной части Бобруйскаго уѣзда и далѣе къ югу, въ Полѣсьѣ, есть много ужей, совершенно ручныхъ, которые ѣдятъ изъ одной миски съ дѣтьми, посаженными ѣсть на полъ, какъ это часто бываетъ у крестьянъ. Думаютъ, что ужъ имѣетъ ядъ, но по добротѣ своей не пускаетъ его въ дѣло, не хочетъ жалить. Намъ передавали за вѣрное слѣдующій не вѣроятный разсказъ. Въ одномъ домѣ долго жилъ большой ужъ. Положилъ онъ въ хлѣву въ навозѣ свои яйца. Когда копали навозъ, нашли ихъ и взяли „на пробу“, чтобы узнать, какъ отнесется къ этому ужъ. Скоро онъ замѣтилъ пропажу яицъ. Тогда онъ забрался въ клѣть и сталъ „плевать“ въ горшки съ молокомъ, чтобы отравить ихъ своимъ ядомъ. Это видѣла хозяйка. Отсюда заключили, что съ ужами нельзя шутить такихъ шутокъ

и немедленно возвратили яйца въ его гнѣздо. Увидѣвъ, что яйца принесены обратно, ужъ опять забрался въ клѣть и, обвившись головой за ножку стола, а хвостомъ за молочный горшокъ, неопрокидывалъ всѣ горшки, чтобы не отравить людей напрасно. Убить ужа—большой грѣхъ, полагаютъ бѣлоруссы, а убить гадюку—дѣло душеспасительное: за это отпускается 12 грѣховъ.

Надъ всѣми гадами есть царь. Подъ его личнымъ начальствомъ змѣи идутъ на зимнюю спячку. Царь-змѣй идетъ впереди, а за нимъ, въ несмѣтномъ числѣ, его пресмыкающіеся подданные. Онъ по величинѣ больше всѣхъ ихъ, чешуя его отливаетъ серебромъ и золотомъ, на головѣ его корона изъ маленькихъ золотыхъ рожковъ. Трудно встрѣтить змѣй во время ихъ такого перехода, ибо они выбираютъ для этого непроходимыя для человѣка мѣста. А если удастся встрѣтить змѣиный „выройˮ, и разостлать передъ змѣинымъ царемъ скатерть, и положить хлѣбъ-соль, и поклониться ему до земли, то онъ, проползая чрезъ скатерть, въ знакъ благодарности, сброситъ съ головы одинъ золотой рожокъ. Кто имѣетъ такой рожокъ, тотъ обладаетъ необыкновенной мудростію и проницательностію, такъ что въ состояніи угадывать чужія мысли, давать подходящія объясненія, выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Кромѣ того, никакой ядъ не дѣйствуетъ на счастливаго обладателя змѣинаго рожка.

Другое повѣріе относительно змѣй говоритъ, что змѣиное мясо, приготовленное такимъ образомъ, чтобы

оно лишилось ядовитости (а такой способъ приготовленія знаютъ только большіе чаровники), сообщаетъ тому, кто имъ питается, умѣнье понимать рѣчь животныхъ.

Къ *пѣнію курицы по-петушиному* бѣлоруссы питаютъ суевѣрный страхъ, полагая, что такое пѣніе предвѣщаетъ бѣду той семьѣ, чья курица,—не только предвѣщаетъ, но даже накликаетъ ее. Услышавъ, что курица поетъ пѣтухомъ, крестьяне говорятъ: на свою голову!—и тотчасъ же отрубаютъ зловѣщей пѣвунъѣ голову, на порогѣ избы. Это предохраняетъ отъ несчастія. Иные въ этомъ случаѣ поступаютъ такъ. Поймавъ ту курицу, которая пѣла, мѣряютъ ею, какъ аршиномъ, по прямой линіи, пространство отъ почетнаго угла до порога, поворачивая курицу попеременно то хвостомъ впередъ, то головою,—и если на порогъ ляжетъ голова, то ее тутъ же отрубаютъ, и курицу, зажаривъ или сваривъ, съѣдаютъ; если же ляжетъ хвостъ, то, отрубивъ конецъ хвоста, сжигаютъ его, а курицу пускаютъ на свободу. Если она снова запоетъ, тутъ ужъ сразу отрубаютъ ей голову. Вѣроятно,—это остатокъ первобытныхъ умилостивительныхъ жертвъ домовымъ божествамъ.

По воззрѣніямъ бѣлоруссовъ, *вѣщими свойствами* отличаются: сорока, воронъ, кукушка и сова; всѣ эти птицы обладаютъ свѣдѣніями относительно судьбы человѣка и предсказываютъ ее, только надо понимать ихъ языкъ. Чаровники и ворожбиты умѣютъ понимать ихъ, поэтому-то, между прочимъ, они и предсказываютъ будущее. У нѣкоторыхъ чаровниковъ эти птицы состо-

лять въ услуженіи и приносятъ имъ всевозможныя вѣсти. Но и простые смертные могутъ кое-что предугадывать при помощи этихъ вѣщихъ птицъ. Сорока приноситъ и хорошія и дурныя вѣсти, но неважныя. Воронъ, каркающій надъ домомъ, предвѣщаетъ смерть одного изъ обитателей этого дома. По кукованію кукушки гадаютъ о долголѣтіи, замужествѣ, богатствѣ. Крикъ совы надъ домомъ—дурное предзнаменованіе.

Съ летучей мышью, черной кошкой и чернымъ пѣтухомъ также связаны нѣкоторыя суевѣрныя представленія, но мы обратимся теперь къ самому распространенному виду фетишизма—къ *фетишизму слова*.

На первыхъ ступеняхъ развитія умъ первобытнаго человѣка не отличаетъ вполнѣ предмета отъ его обозначенія словомъ: предметъ и его названіе какъ-то сливаются воедино въ сознаніи дикаря. Съ точки зрѣнія интеллигентнаго человѣка: „что имя?—звукъ пустой“... Мы сознаемъ, что не въ названіи дѣло. Но дикарь думаетъ иначе. По его понятіямъ, сообщить другому человѣку свое имя—это значитъ въ извѣстной степени подчинить себя власти этого человѣка: обладая именемъ, колдуя надъ нимъ, онъ можетъ причинить вредъ самому носителю этого имени. Поэтому дикари или не сообщаютъ своихъ именъ тѣмъ людямъ, которые могли бы злоупотребить такимъ довѣріемъ, или же мѣняютъ имена. Къ этому порядку идей, свойственныхъ первобытному уму, слѣдуетъ отнести воззрѣнія на *тотэмовъ*, т. е. на одноименные предметы. Поясникъ это. У дикарей въ обычаѣ давать людямъ имена одинаковыя съ названіями разныхъ предметовъ изъ міра животныхъ

или неодушевленной природы, напримѣръ: Сѣрый Волкъ, Дикая Кошка, Дубъ и т. д. Отсюда вотъ что выходитъ. Дикарь, который называется, положимъ, Дикая Кошка, не различая предмета отъ его названія, считаетъ всякую дикую кошку чѣмъ-то общимъ, чѣмъ-то однороднымъ съ нимъ самимъ; она для него *тотэмъ*, тезка,—и этого довольно, чтобы онъ считалъ ее предметомъ священнымъ для себя. Онъ не только не убьетъ своего *тотэма*, но будетъ опасаться причинить ему какое-либо зло, хотя бы невольно. Слова, сливавшіяся въ представленіи дикаря въ одно цѣлое съ соотносительными предметами, во время господства фетишистическаго міросозерцанія надѣлялись такими же свойствами, какъ и самый предметъ, и были такими же фетишами, какъ и весь міръ. Въ періодъ одухотворенія и олицетворенія стихій, слово почиталось такою же стихійною силою, какъ и силы природы, и такъ же, какъ и эти послѣднія, имѣло своихъ боговъ.

Такое грубо-фетишистическое отношеніе къ слову сохранилось въ средѣ бѣлоруссовъ до сихъ поръ—и сохранилось въ значительной степени. Такъ они вѣрятъ, что можно овладѣть всякою вещью посредствомъ особаго слова: скажи только такое слово—и вещь или животное, или человѣкъ пойдутъ за тобою, будутъ дѣлать то, что имъ прикажешь. Также и въ колдовствѣ имя человѣка, котораго желаютъ „очаровать“, занимаетъ не послѣднее мѣсто.

Въ Бѣлоруссіи, до возсоединенія уніатовъ, а въ полѣсской ея части и въ недавнее время, практиковался такой обычай. Если почему-либо было неудобно

везти новорожденнаго къ священнику крестить, и крещеніе отлагалось на нѣкоторое время, а вмѣстѣ съ тѣмъ желали дать ребенку имя, то кумовья или родители отправлялись къ священнику одни и просили его прочитать молитвы, положенныя при нареченіи имени, и произнести это имя надъ шапкой или дѣтскимъ чепчикомъ; шапку сжимали рукой, иногда завязывали, чтобы имя не улетучилось изъ нея, и, принеся ее домой, одѣвали на голову ребенку. Такъ какъ не многіе священники соглашались исполнять такую просьбу, то крестьяне продѣлывали этотъ обрядъ самостоятельно: произносили имя въ шапку и одѣвали ее на голову ребенку.

Полагаютъ, что особенно чудесную силу имѣютъ слова, скомбинированныя въ созвучія, въ рѣчь размѣренную: почти всѣ бѣлорусскія заговоры и причитанія имѣютъ извѣстный складъ, иногда размѣръ и рифмы. Магическая сила слова можетъ быть механически передана другимъ предметамъ: стоитъ только произнести данныя слова или цѣлый заговоръ надъ водой, хлѣбомъ, водкой и т. п. Кто проглотитъ „нашептанный“ хлѣбъ, воду, тотъ, полагаютъ, проглатываетъ и самыя слова. Если написать заговоръ на бумагу и проглотить ее самое или, сжегши, проглотить пепелъ, результатъ будетъ одинаковъ: слова или вселяютъ въ человѣка боль, или вытѣсняютъ ее, смотря по тому, какія это были слова. Можно „пускать слова по вѣтру“, съ цѣлью причинить кому-нибудь зло, но это не совсѣмъ-то удобно, потому что они могутъ попасть и не туда, куда слѣдуетъ. Есть такія слова, которымъ повинуется

нечистая сила, но такія слова знаютъ только „хорошіе чаровники“.

Выше мы попутно приводили заговоръ противъ „почницъ“. Но чтобы дать читателю болѣе полное понятіе о „фетишизмѣ слова“, приведемъ здѣсь тѣ заговоры, которые не сопровождаются особыми чародѣйскими дѣйствіями.

Вотъ заговоръ противъ укушенія змѣи, чтобы оно не имѣло дурныхъ послѣдствій:

На синемъ мори двапанцыть дубу;
Подъ тыми дубами двапанцыть папу читаюць,
Поганые зубы замоуляюць.

Нужно проговорить трижды надъ больнымъ мѣстомъ, не переводя духа.

А вотъ другой противъ такъ называемаго *золотника* (болѣзнь матки):

Золотникъ, золотничокъ,
Золоценечкій рожокъ!
Сядзь на своемъ мѣсьци,
Якъ панъ на кресли.

(*Игуменскаго у. с. Пережиръ*).

Заговоръ противъ вывиха и полома костей:

У городзи Русалимѣ Христа распинали, пакуту давали, къ храсту пригвождали, ручки ножки ломали, косточки хрущали. Приходзила Прачистая Матка, горкія слезки проливала, Яго раны цалёвала (исцѣляла), косточки зращала, суставы скрѣпляла. Зрасцися ты,

косць, у раба (*такого-то или такой-то*) скрапицеся яго суставы, закрыйцися яго раны.

(Холоневичи, Борисовскаго уѣзда).

Этотъ заговоръ надо нашептывать каждый день, передъ восходомъ и закатомъ солнца, до тѣхъ поръ пока не спадетъ опухоль. Впрочемъ, не ограничиваясь вѣрой въ цѣлебную силу заговора, бѣлорусскія знахарки умѣло вправляютъ вывихи и дѣлаютъ перевязки поломовъ костей; и та знахарка, которая сообщила намъ вышеприведенный заговоръ, въ цѣлительную силу котораго она безусловно вѣрила, искусно вправляла вывихи и налагала повязки при поломахъ, употребляя лубки и глину вмѣсто гипса.

Заговоры отъ кровотеченія:

Съ-надъ дуба каранистаго цекла Юрданьрѣка: тамъ ишоу Исусь Христосъ и святая Ильля: вадзяные ключи закрывалися, Юрданьрѣка стапавилася. Закрыйцися жилы кровавыя! стань, не цячи, кроу чирвопая!

(Борисовскаго у).

Ишоу панъ Езусъ празъ Юрдань;
Рѣка стала и кроу стань.

(Новогрудскаго у.).

Заговоръ передъ отъѣздомъ въ дальнюю дорогу:

Першимъ разомъ, добрымъ часомъ. Господу Богу помолимся, храсту паклонимся. Учора зъ вячора соупійка играло, добрую до-

рогу провѣщало; сягоння зъ ранку зара занялася, у неби на парози зъ сонцемъ споткалася; залатые ключи у ручки брала, дубовую дзверку одмыкала, шоуковый пологъ подымала, соунійко не небо выпущала, добрую дорогу провѣщала. Устау (или устала) я рано — подвыйду къ ваконцу; щира я щира уздыхну до Бога: дай-же мнѣ, Боже, счасливу дорогу! Ажъ св. Юрій каня запрагае, св. Ауласъ помогае, отъ бяды, напасьци зберегае.

Заговоръ произносится предъ иконами, на колѣняхъ, а также его говорятъ на дворѣ, обходя вокругъ лошади.

Приведемъ здѣсь еще нѣсколько заговоровъ, которые нашептываются на воду. Дѣлается это такъ. Беретъ знахарь кружку воды, выходитъ на дворъ, становится лицомъ къ востоку и произноситъ надъ водой заговоръ, потомъ поворачивается лицомъ къ югу и западу, каждый разъ произнося одно и то же. Самое лучшее — продѣлывать это при восходѣ солнца. Это называется „даць воды“: самый употребительный видъ знахарскаго врачеванія въ Бѣлоруссіи. Наговорную воду пьютъ, обмываютъ ею больныя мѣста, вливаютъ въ уши и т. п.

Вотъ два заговора противъ „нутраныхъ“ болѣзней:

Чорная хмара (туча) на неба усхадзила, ясное сонце закрыла; напасила чорная хмара мжаку (мглу) и туманы, напущала тугу (печаль, тоску) и болѣзьци, чорную и бѣлую

немочь на людзей, на живёла (животныхъ). А мы Господа молимъ, мы святыцеля просимъ: нашли, Божа, цеплые вѣтры, прагани чорную хмару, тугу и балѣзьци, чорную и бѣлую немочь, кабъ рабу (такому-то) быць здоровымъ, кабъ яго ножки стояли—ня млѣли, кабъ яго ручки работыньку брали—крапчѣли, кабъ яго вочки весяло глядзѣли.

*
* *

У цемнымъ лѣси стоиць гора высокая, тамъ растуць дубы вячистые, тамъ стоиць церква свящепая, тамъ бяжиць вода цудоуная. А я жь тую воду брала, балючее цѣла обмывала, пиць давала, слауцо вымоуляла: пашла немочь зъ цѣла вонъ! Кали ты трасца идзи у балота; кали падвѣй ты—идзи па вѣцеръ; кали ты рѣзапка—зарѣжься; кали ты суроцы—соль табѣ у вочи, кали ты съ пуду—сама спужайся. Пашла хира (болѣзнь) зъ цѣла вонъ!

(Холопичи, Борисовскаго у.).

Послѣдній заговоръ записанъ отъ знахарки, которая объяснила, что это заговоръ „жапоцкій“, т. е. употребляющійся женщинами.

Заговоръ отъ „зъѣду:“

Помолимся мы и поклонимся Господу Богу и духу святому, тройцы святой ядыной, и прачистой мацери божай, и святому воскрасенійку христовому, честному, милосерному, и

усимъ святочкамъ, годовымъ празьничкамъ, кіявськимъ, пячерськимъ и рымськимъ и русалимськимъ, и Исакову и Якову, и Антонияму и Хвядосяму, и святому Юру и Ягору, и святому вотчу Миколу. И святый вотча Миколочка, вы скорые помошники, вы божія угодники, вы вяликія молитвеньники, вы жъ скоранько помогаетя,—гэтому рабѣ бажаму чаловѣку, зьѣдъ замовляйтя, и злого чаловѣка на мхи на болоты ссылайтя. И найсвепшая Марея ина стоиць у храми Господнямъ, дзяржиць ина свое ключики золотэя при столи, чаровнику и злой хвороби замыкая губы и зубы, засылая ина яго и злую хворобу на мхи на болоты, на пицую лозу, на колючую грушу, дзѣ жъ быдлы не бѣгаюць, дзѣ итицы не летаюць, дзѣ вужи-гады не живуць, тамъ пехай злый чаловѣкъ и злая хвороба проживая и пробывая.

(Церковищ. вол. Могил. у).

Заговоръ отъ „уроцъ“ (сглазу):

Царица водица, красная дзявица, самоцвѣтница и угодница, и ходзила и гуляла, рыдысь-брыдысь обмывала, круты бéроги обрывала, жовты пяски приносила, бѣло каменьня, сыро коренья. Обмывала царей, королей и увесь народъ хрисціяньскій,—обмый раба божаго (имя). Уговарюю я яго уроцы стрѣшныя и попярешныя, подзивныя и посмѣшныя, жень-

скій и мужськѣй и дзявоцкіи лихен. И ссылаю, издымаю усю печь яго,—не самъ собою, Господомъ Богомъ.

(М. Рудня, Оршанск. у.) *).

Заговоры и чародѣйства представляютъ наиболѣе интимную часть пережитковъ далекаго прошлаго. Когда мы обращались даже къ знакомымъ знахарямъ и чаровникамъ съ просьбою сообщить намъ извѣстные имъ заговоры, то почти всегда получали отказъ и увѣреніе, что они кромѣ того, какъ перекреститься, ничего не знаютъ. Въ силу этой интимности, въ силу того, что заговоры обыкновенно сохраняются въ одномъ какомъ-нибудь родѣ, а не пускаются въ оборотъ, не являются общимъ достояніемъ, какъ, напр., пѣсни,—въ силу всего этого въ нихъ должны наиболѣе чисто сохраниться воззрѣнія языческой старины. И дѣйствительно, въ нихъ фигурируютъ обычные предметы поклоненія первобытныхъ людей: и дубы зеленые, корепистые, „вячистые“, упоминаемые иногда ни къ селу, ни къ городу,—безъ всякой видимой связи съ остальнымъ текстомъ заговора, и вода чудодѣйственная, и борьба двухъ началъ—свѣта и тьмы, солнца и тучи, закрывающей его и такимъ образомъ лишающей людей его живительнаго дѣйствія и вмѣстѣ съ тѣмъ насылающей на все живое „тугу и болѣзни, черную и бѣлую немочь“, тутъ и заря, отворяющая золотыми ключами

*) Послѣдніе два заговора заимствованы изъ Бѣлорск сборн. Е. Р. Романова, вып. V, гдѣ собранъ богатѣйшій запасъ этого рода матеріаловъ.

небо, подымающая шелковый пологъ и выпускающая солнце и т. п. Однако, на ряду съ этими, несомнѣнно, первобытными чертами, въ нихъ заключаются и позднѣйшія наслоенія въ родѣ обращенія къ помощи Божьей Матери и святыхъ, въ родѣ упоминанія объ Іерусалимѣ, Іордань-рѣкѣ, церкви, священникахъ. Тутъ очевидно произведена замѣна древнихъ воззрѣній новѣйшими, языческихъ божествъ—христіанскими святыми. Но это нимало не лишаетъ эти заговоры фетишистическаго характера, заключающагося въ самой сущности воззрѣній на значеніе заговоровъ, въ вѣрѣ въ ихъ чудодѣйственную силу: „что скажется, то и сбудется". А эта вѣра крѣпко укоренилась въ народѣ. И всего печальнѣе то, что бѣлоруссы обращаются къ знахарю съ просьбой „дать воды" именно при серьезныхъ заболѣваніяхъ, когда обычныхъ народныхъ медикаментовъ, вродѣ питья липоваго цвѣта, натиранія камфорой, тертой рѣдькой, хрѣномъ, паренья въ банѣ крапивой вмѣсто вѣника и т. п. бываетъ недостаточно.

II.

Пережитки анимизма.

Въ началѣ предыдущей главы мы коснулись процесса осмысливанія внѣшняго міра, выражавшагося въ перенесеніи свойствъ человѣческой личности на внѣшніе предметы. На ряду съ этимъ, въ душѣ первобытнаго человѣка развивался и другой процессъ, который антропологи называютъ *анимизмомъ*.

Сущность анимизма заключается въ томъ воззрѣніи, что человѣкъ и всѣ чувственные предметы — двойственны; что они состоятъ изъ видимой, осязаемой оболочки, за которою скрывается нѣчто неуловимое, тонкое, невещественное, но все-таки существующее и тѣсно связанное съ нашимъ личнымъ существованіемъ, съ нашимъ страданіемъ и благополучіемъ.

Къ такому понятію, по мнѣнію Спенсера *), приводили дикаря наблюденія надъ облаками, которыя то появляются, сгущаясь, въ извѣстныхъ очертаніяхъ, то таютъ и исчезаютъ; надъ звѣздами, появляющимися вечеромъ и исчезающими при дневномъ свѣтѣ; надъ

*) Основ. Соціол. т. 1.

вѣтромъ, который качаетъ деревья, вырываетъ ихъ съ корнями и однако невидимъ; также наблюденія надъ такими явленіями, какъ, наприм., тѣни: онѣ хотя и похожи на тѣ предметы, которые ихъ отбрасываютъ, но отличаются не уловимостью, тѣмъ, что ихъ „изъ стѣны не вырубишь“; а также и надъ такими, какъ отраженіе предметовъ въ водѣ, какъ эхо и т. п. Но самое главное значеніе въ процессѣ выработки анимистическаго строя мышленія имѣли сновидѣнія. Въ виду ихъ важности въ этомъ отношеніи, мы считаемъ необходимымъ остановиться на нихъ нѣсколько дольше.

Представьте себѣ дикаря, которому приснилось, что онъ охотится съ олешемъ, убиваетъ его, жадно пьетъ его теплую кровь, пожираетъ лучшіе куски мяса. Вотъ къ нему приходятъ его знакомые; съ одними онъ дѣлится своей добычей, другихъ отгоняетъ прочь, вступаетъ съ ними въ драку .. Онъ видитъ своихъ покойныхъ родителей, родственниковъ и сосѣдей, давно умершихъ. Словомъ, онъ живетъ во снѣ полною жизнью, нѣсколько отличною отъ той, которую онъ ведетъ на яву.

Какое объясненіе можетъ дать дикарь всѣмъ этимъ явленіямъ? Какіе онъ долженъ сдѣлать отсюда выводы?

Съ одной стороны, онъ лежалъ неподвижно, закрывши глаза, что удостовѣряютъ бывшіе въ хижинѣ во время его сна; съ другой — онъ ясно помнитъ, что онъ ходилъ, охотился, видѣлъ, ѣлъ, пилъ и проч. Какъ то, такъ и другое — одинаково несомнѣнно. Примирить это противорѣчіе возможно только при допущеніи, что въ немъ существуетъ другое „я“, которое

можетъ оставлять свою оболочку, тѣло, и удаляться въ міръ, отличный отъ нашего, ибо въ этомъ мірѣ наблюдаются такія явленія, какихъ въ дѣйствительности не увидишь. Изъ того, что онъ видѣлъ во снѣ своихъ отсутствующихъ друзей и знакомыхъ, онъ долженъ заключить, что ихъ „я“, что ихъ души, такъ же, какъ и его душа, способны покидать свои тѣла на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Случаи обмиранія, летаргіи, эпилепсіи и т. п., нерѣдко встрѣчаемые въ дѣйствительности, приводятъ дикаря къ тому же заключенію и еще болѣе убѣждаютъ его въ справедливости своего предположенія. Изъ того же, что онъ видѣлъ во снѣ своего дѣда или сосѣда, которые давно умерли, онъ долженъ заключить, что умеръ не весь его дѣдъ, а только одна грубо-вещественная его оболочка; что внутренняя сущность отжившаго предка, его душа, не умерла, а только переселилась въ особый міръ, который и души живыхъ посѣщаютъ во время сна.

Такъ возникаетъ и укрѣпляется мнѣніе объ аналогичности явленій сна и смерти, мнѣніе, что смерть есть продолжительный сонъ и что, слѣдовательно, умершіе нуждаются въ удовлетвореніи потребностей, свойственныхъ живымъ людямъ. Отсюда же, мало по малу, развивается культъ предковъ, общій всѣмъ первобытнымъ народамъ; а также отсюда ведутъ свое начало воззрѣнія на происхожденіе нѣкоторыхъ болѣзней и средства къ лѣченію ихъ *).

*) См. объ этомъ Спенсера—Основ. Соціол. и Тэйлора—Первобыт. культур.

Пережитки анимистическаго строя мышленія живо сохранились и въ міросозерцаніи бѣлоруссовъ. Но мы здѣсь разсмотримъ только тѣ изъ нихъ, которые связаны съ представленіями о снѣ и сновидѣніяхъ, душѣ и загробной жизни, относя въ особую главу анимистическія воззрѣнія на происхожденіе болѣзней и ихъ лѣченіе.

Сонъ и сновидѣнія. Бѣлоруссы еще сохраняютъ воззрѣніе, свойственное первобытной ступени умственнаго развитія, что во время сна душа выходитъ изъ тѣла и посѣщаетъ разныя мѣста, въ томъ числѣ и такія, которыя недоступны человѣку въ бодрственномъ состояніи, какъ напримѣръ загробный міръ. Однако она не покидаетъ тѣла совершенно. По мнѣнію однихъ *) — она какъ бы вытягивается изо рта въ видѣ неизмѣримой ленты, которая однимъ концомъ остается въ человѣкѣ, а другимъ можетъ быть, гдѣ хочетъ. Этимъ объясняется, что тѣло во время сна живо. Другіе же, игнорируя послѣднее соображеніе, полагаютъ, что душа выходитъ изъ тѣла вполнѣ, но, какъ бы далеко она не отлучилась, не упускаетъ тѣла изъ виду, и если ему грозитъ опасность или если спящаго будятъ, то спѣшитъ возвратиться на свое мѣсто. Какъ тѣ, такъ и другіе толкователи согласны въ томъ, что крѣпкій сонъ, когда человѣка трудно разбудить, зависитъ отъ крайняго удаленія души.

Сны — это видѣнія души во время ея странствованія. Въ реальности этихъ видѣній бѣлоруссы нимало

*) Между прочими — Розаліи Осьмаковой — знахарки и толковательницы сновъ (Борисовск. уѣз.).

не сомнѣваются. Только надо ихъ, эти видѣнія, понимать. Отсюда толкованія сновъ. Одно понимается прямо, другое—аллегорически или по аналогіямъ, а иное толкуется въ обратномъ смыслѣ,—словомъ, предоставляется широкій просторъ сновидцамъ.

Приведемъ, для примѣра, нѣсколько традиціонныхъ толкованій.

Видѣть во снѣ попа—имѣть дѣло съ нечистой силой; видѣть похороны—къ свадьбѣ; пожаръ—счастіе, богатство; видѣть бобы, горохъ—лить слезы; вырвать зубъ или лишиться какого нибудь члена своего тѣла—означаетъ смерть близкаго человѣка; если при этомъ течетъ кровь—значитъ умретъ кровный родственникъ и т. п.

Особое значеніе придается сновидѣніямъ, въ которыхъ фигурируетъ кто нибудь изъ умершихъ родственниковъ. Тутъ надо стараться такъ или иначе угадать ихъ волю и исполнить ее *).

Пророческій смыслъ придается также „сонному бреду". Но такъ какъ онъ часто бываетъ отрывоченъ, безсвязенъ, такъ что изъ него, при самыхъ грубыхъ натяжкахъ, мудрено вывести какое нибудь заключеніе, то, чтобы избѣжать этого, совѣтуютъ, лишь только начнется бредъ, взять спящаго одной рукой за мизинецъ и, слегка поглаживая другой рукой его руку, да-

*) Даже самое названіе сновидѣній указываетъ на отношеніе ихъ къ загробному міру. „Видѣть во снѣ" — по бѣлорусски *трызнить*. Это слово стоитъ особнякомъ въ бѣлорусской рѣчи, не имѣя однокоренныхъ и производныхъ. Намъ кажется, что не будетъ излишней смѣлостью сблизить его съ древн. славянск. словомъ „тризна".

вать ему вопросы; тогда онъ будетъ отвѣчать связно и толково и не будетъ въ состояніи утаить что-нибудь. Между прочимъ, такимъ способомъ ревнивые мужья испытываютъ вѣрность своихъ женъ.

Понятіе о душѣ. Изъ предыдущаго отчасти видно, что бѣлорусы представляютъ себѣ душу, какъ нѣчто матеріальное, но болѣе тонкое, чѣмъ осязаемые предметы. Душа, по ихъ объясненію, — „духъ“, паръ (какъ въ банѣ), который можетъ безконечно измѣнять свою форму и принимать различные образы, а равно быть невидимымъ. Многіе положительно увѣряютъ, что они, будучи при умирающемъ, видѣли, какъ душа выходитъ изо рта въ видѣ пара *). Въ недавнія времена, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи и теперь, тотчасъ послѣ смерти одного изъ домашнихъ, ставятъ на столѣ миску съ водой и вѣшаютъ передъ образами или около окна чистое полотенце, чтобы душа могла умыться и утереться.

Въ случаѣ долгой агоніи, когда „душѣ трудно разстаться съ тѣломъ“, открываютъ отдушину, а иногда выдираютъ изъ потолка доску, чтобы дать душѣ свободный выходъ на вольный воздухъ.

Чаровникамъ, что „душу чорту запродали“, особенно трудно умирать; имъ не помогаетъ и „громничная“ свѣча **), которую, обыкновенно, даютъ въ руку умирающимъ: душа ихъ, зная, что ее ожидаетъ

*) Въ Малороссіи, наоборотъ, крестьяне полагаютъ, что душа, подобная пару, существуетъ только у нехристей.

**) Освященная на „Громницы“ (2 февр.), предохраняющая отъ грома и пожара.

въ загробномъ мірѣ, не хочетъ покидать тѣла, и черти выдираютъ ее особыми крючьями.

Загробный міръ и пережитки культа предковъ. Послѣ смерти человѣка душа его не сразу переходитъ въ загробный міръ: сорокъ дней она еще остается въ родномъ селѣ; изъ нихъ сначала шесть дней бродитъ около дома и три дня по своимъ огородамъ и полямъ. Послѣ этого срока она или отправляется на тотъ свѣтъ, куда ей предназначено — въ пекло, въ отхланъ (нѣчто въ родѣ чистилища), въ рай — или же остается здѣсь, на землѣ, отбывать свою „покуту“: поселяется въ деревѣ (такое дерево скрипитъ), въ животномъ и даже въ человѣкѣ. Такой человѣкъ страдаетъ всю жизнь, пока поселившаяся въ немъ душа не искупитъ своихъ грѣховъ.

Эти послѣдовательные переходы души во время путешествія ея въ загробный міръ сопровождаются „поминальными столами“, вѣроятными остатками языческой тризны, основанными на томъ представленіи, что человѣкъ и по смерти нуждается въ пищѣ и питьѣ и что удовлетвореніе этихъ потребностей покойника есть нравственный долгъ его родственниковъ, за невыполненіе котораго они рискуютъ подвергнуться мести со стороны умершаго. Первый поминальный столъ устраивается въ день погребенія и приглашаются къ этому столу всѣ бывшіе на „хавтурахъ“. Обязательныя блюда — кутья, клецки и блины; что сверхъ этого — зависитъ отъ состоятельности родственниковъ покойника, по тѣмъ больше будетъ „потрапъ“, кушаньевъ, тѣмъ больше чести умершему. Ни одинъ поминальный столъ

не обходится безъ водки, но пьютъ въ мѣру: напиться допьяна, какъ это бываетъ на свадьбѣ, на крестинахъ, въ этомъ случаѣ было бы неприличіемъ. Пьютъ не только посторонніе, но и близкіе покойному люди, пьютъ, чтобы заглушить горе, чтобы притупить сознаніе невозвратимой потери. Застольныя бесѣды посвящаются памяти „небожчика“, при чемъ выставляются на видъ только лучшія стороны его характера и только похвальные поступки.

Другіе поминальные столы — шестины, девятины, сорочины и погодки — ничѣмъ не отличаются отъ вышеописаннаго, и даже шестины и девятины въ послѣднее время рѣдко устраиваются: развѣ ужь семья покойнаго очень богата и желаетъ оказать ему особую честь. Но сорочины и погодки должны быть обязательно справляемы. Первые, если то позволяетъ время года, сопровождаются „прикладзинами“, т. е. приведеніемъ въ приличный видъ могилы и постановкою креста или памятника. Памятники ставятся изъ камня, изъ дерева, отесаннаго на подобіе гроба, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сооружается надъ могилою маленькій домикъ. На сорочины приглашаются только родственники и ближайшіе сосѣди. Послѣ постановки креста или памятника, женщины начинаютъ, обыкновенно, голосить по усопшемъ, „причитывать“, принадлежащій къ его могилѣ. Причитанье — это слезная импровизація, въ которой, съ одной стороны, дается исходъ естественному чувству горести, но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ обрядъ, такъ сказать, публичное выраженіе горя, связанное съ восхваленіемъ покойнаго: нѣчто въ родѣ

надгробныхъ рѣчей, принятыхъ въ образованномъ обществѣ. Въ этомъ смыслѣ причитанью придается немаловажное значеніе, такъ что, напримѣръ, одинокіе люди нерѣдко скорбятъ о томъ, что на ихъ могилѣ некому будетъ плакать. Иногда роль плакальщицъ берутъ на себя постороннія женщины, но это выходитъ изъ обычая. По окончаніи голошенія для присутствующихъ устраивается трапеза тутъ же на могилѣ, когда это удобно, или въ хатѣ.

Если въ могилѣ находятъ человѣческія кости, то или роютъ яму въ другомъ мѣстѣ, или бросаютъ въ нее мѣдную монету на покупку мѣста у прежняго владѣльца, „кабъ небожчики не дралися“.

Погребеніе, подъ вліяніемъ духовенства и школы, въ послѣднее время болѣе или менѣе очистилось отъ языческихъ обычаевъ; но и теперь иногда кладутъ въ карманъ покойнику-курильщику трубку съ табакомъ, а нюхальщику — табакерку. Въ недавнія же времена клали ножи, гребни, а мастерамъ нѣкоторые ихъ инструменты, а тѣмъ, кто любилъ выпить, и водку ставили въ бутылкахъ или „глякахъ“ (глиняныя бутылки). На кладбищахъ, копая могилы, иногда находятъ эти вещи *).

Теперь въ этомъ отношеніи сталъ распространяться болѣе возвышенный взглядъ: самымъ вѣрнымъ спосо-

*) Ходятъ разсказы, что копальщики ямъ находили бутылки съ *водкой*. Кто выпивалъ ее, то тутъ же падалъ мертвымъ, потому что водка напиталась „мертвымъ духомъ“. Намъ случалось видѣть вырытые „гляки“, но они были безъ водки, потому что пробка сгнила и водка вылилась или испарилась.

бомъ для передачи чего нибудь покойнику считается дареніе нищему. Это мнѣніе отразилось даже въ народномъ творчествѣ. Такъ въ одной сказкѣ говорится, что одинъ покойникъ, явясь на тотъ свѣтъ, былъ очень удивленъ, когда ангелъ подвелъ его къ пустому столу, тогда какъ другіе покойники имѣли передъ собой столы, уставленные разными „напитками и пѣдками“. Онъ проситъ разъяснить ему: почему это такъ? что онъ за исключеніе? Ему отвѣчаютъ, что тѣ, которые имѣютъ пищу, принесли ее съ собой. Тогда онъ проситъ Бога отпустить его домой, чтобы запастись пищей, такъ какъ ему нечего ѣсть. Не умирать же ему съ голоду? Богъ его отпустилъ. Явился этотъ человѣкъ домой и приказалъ своимъ домочадцамъ приготовить самой разнообразной пищи и питья и при томъ въ возможно большомъ количествѣ. Приготовили изрядный запасъ. Все это свалили ему въ могилу. Отправился онъ и самъ на кладбище въ сопровожденіе друзей и знакомыхъ. Слѣдомъ шло много нищихъ, которые просили у него подаянія. Но онъ, изъ жадности, ничего не хотѣлъ имъ дать. Случилось, что одинъ пирогъ, при перевозкѣ, свалился въ грязь. Постыдился онъ нести его на тотъ свѣтъ и отдалъ нищему. Чуть только легъ этотъ человѣкъ въ гробъ, какъ и очутился на томъ свѣтѣ. Подходитъ онъ къ своему столу и видитъ, что на немъ лежитъ только тотъ грязный пирогъ, что онъ отдалъ нищему.

Въ этомъ разсказѣ, несомнѣнно, слышится протестъ противъ грубо-матеріалистическаго взгляда на загробный міръ. Однако прогрессъ въ этомъ отношеніи сдѣ-

лавъ еще незначительный: большинство и по сей день вѣрятъ, что матери, оставившія послѣ смерти грудныхъ младенцевъ, являются ихъ кормить, и частыя боли въ животѣ ребенка приписываютъ недоброкачественности „мертвецкаго“ молока; объ этомъ же свидѣтельствуютъ и вѣрованія въ *дьдовъ и бабъ* и обряды, основанные на этихъ вѣрованіяхъ.

Такъ, по возрѣніямъ бѣлоруссовъ, весной, вмѣстѣ съ оживаніемъ природы, съ пробужденіемъ ея отъ зимняго сна, оживаютъ и души мертвыхъ и выходятъ изъ тѣсныхъ гробовъ на вольный свѣтъ. Полагаютъ, что онѣ нуждаются въ пищѣ и питьѣ, что онѣ ѣдятъ и пьютъ, но рѣдко: три—четыре раза въ годъ съ нихъ вполнѣ достаточно. Для удовлетворенія этой потребности и въ знакъ уваженія къ предкамъ, періодически устраиваются поминальные столы, по-бѣлорусски—«дзяды» *). Въ такіе дни всѣ какъ-то торжественно настроены, полны ожиданія чего-то таинственнаго. Разговоры, обыкновенно, вращаются около умершихъ; вспоминаются обстоятельства ихъ жизни, вкусы, привычки; чисто случайныя явленія приводятся въ связь съ обитателями загробнаго міра: сядетъ, напримѣръ, птичка на окно, какъ ужъ въ ней видятъ душу покойника, который чего-то хочетъ отъ родныхъ, о чемъ-то напоминаетъ имъ. Начинаются догадки, предположенія... Старики, которые уже хранятъ „сорочку на смерть“, видятъ въ этомъ знаменіе своей близкой

*) Въ Бѣлоруссіи „дзяды“ справляются въ субботу предъ мясопустною недѣлей, во вторникъ на Оомицой, на канунѣ Троицы и 24 октября (Дмировскіе дзяды).

кончины: „Это такой то, говорятъ они, за мной являлся; нужно готовиться въ дальнюю дорогу“... Въ этотъ день обязательно чистятъ избу, словно бы къ пріему дорогихъ гостей.

«Дзѣдующь» поздно вечеромъ. Покрываютъ столъ бѣлой скатертью, кладутъ хлѣбъ-соль, ставятъ кутью; предъ образами зажигается свѣча,— и всѣ молятся за усопшихъ. Послѣ сего хозяинъ выходитъ за дверь и призываетъ предковъ, «дзядовъ», раздѣлить со всѣми домочадцами обрядовую трапезу, которая доходитъ до 7 блюдъ. Ждятъ «покладаючися», т. е. проголятъ ложку «потравы» и предоставляютъ то же сдѣлать дзѣдамъ — кладутъ для нихъ свои ложки. Но, принимая во вниманіе, что дзѣдовъ можетъ быть больше, чѣмъ кладется ложекъ, хозяева отливаютъ и откладываютъ всякой пищи на окна и подъ столъ.

Есть обычай—ничего не убирать со стола послѣ этой вечери, чтобы „дзѣдамъ“ было что ѣсть, когда они соберутся ночью.

Бабы справляются на канунѣ дзѣдовъ. Но этотъ обычай распространенъ весьма мало; мы наблюдали его только въ Лепельскомъ уѣздѣ. По существу обрядовая сторона «бабъ» ничѣмъ не отличается отъ «дзѣдовъ», только блюдъ готовится меньше.

Радоуница, или „небожчицкій великъ день“ (вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ) отличается отъ другихъ дзѣдовъ тѣмъ, что въ этотъ день поминальная трапеза устраивается непремѣнно на могилкахъ. Въ этотъ день хозяйки обязательно пекутъ „грибки“, т. е. толстые блины изъ пшеничной муки, на маслѣ и яйцахъ; запа-

саются водкой; къ этому прибавляются куличи, яйца, сыръ, масло и другіе остатки пасхальныхъ яствъ. Все это, завязанное въ скатерть, несутъ на кладбище; тамъ покрываютъ скатертью могилу, которая къ этому дню проводится въ порядокъ, и разставляютъ на ней принесенное. Что не съѣдятъ, оставляютъ на могилѣ; на нее же льютъ водку, если покойникъ любилъ выпить, сыплютъ табакъ, если онъ былъ курильщикъ или нюхальщикъ. Иные, слѣдуя болѣе возвышенному взгляду, всѣ остатки отдаютъ нищимъ, оставляя на могилѣ только пасхальное яйцо.

Вампиры. Самымъ чудовищнымъ порожденіемъ первобытнаго анимизма, несомнѣнно, является вѣра въ вампировъ или, по бѣлорусскому произношенію, вупаро*ў*, упырей. Эти чудовища страшно кровожадны; особенно они любятъ кровь человѣческую, но, при случаѣ, не брезгаютъ и кровью животныхъ.

Только люди, знавшіеся при жизни съ нечистой силой, превращаются по смерти въ вампировъ. По ночамъ они приходятъ въ дома своихъ бывшихъ недруговъ, а иногда даже друзей и родныхъ, ложатся на грудь избранной жертвы, припадаютъ губами къ ея сердцу и высасываютъ горячую кровь. Увидѣвъ „вупара“, можно узнать, кѣмъ онъ былъ при жизни, ибо основныя черты онъ сохраняетъ и послѣ смерти, только у него губы раздуваются отъ частаго сосанія, а языкъ дѣлается остеръ, какъ змѣиное жало. Его-то вупаръ и запускаетъ въ грудь человѣка и потомъ изъ ранки высасываетъ кровь. Рана остается небольшая, такъ что ее и не замѣтишь, тѣмъ болѣе, что вам-

пиръ ее искусно засасываетъ. Только по блѣдному лицу — такъ говоритъ повѣрье — можно узнать жертву алчности вампира. Тогда нужно пригласить свѣдущаго человѣка, знахаря, чтобы узнать, кто этотъ вупиръ. Впрочемъ, для смѣльчака — это дѣло нетрудное. Нужно на ночь спрятать подъ сосудъ зажженную восковую свѣчку, стараясь, чтобы свѣчка не потухла А послѣ полуночи — когда разгуливаетъ нечистая сила — нужно, по временамъ, приподнимать сосудъ и освѣщать комнату. При внезапномъ освѣщеніи вупиръ виденъ. Тогда бей его на отмашь осиновымъ колѣномъ, заранѣе, конечно, приготовленнымъ. Такимъ образомъ его можно „отвадить“ отъ этого дома. Но чтобы окончательно прекратить его ночныя похожденія, для этого повѣрье рекомендуетъ присмотрѣться, на кого изъ умершихъ извѣстныхъ чаровниковъ онъ похожъ. Узнавши, надо раскопать гробъ этого чаровника, отрубить ему голову и положить ее между ногъ, а тѣло прибить къ землѣ осиновымъ коломъ. Это считается радикальнымъ средствомъ противъ вампира.

III.

Пережитки олицетвореній.

При посредствѣ сновидѣній и нѣкоторыхъ другихъ факторовъ, первобытный человѣкъ, какъ мы видѣли, научился одухотворять предметы, находить за ихъ чувственной, матеріальной оболочкой неуловимую, неосязаемую сущность,—словомъ, пришелъ къ заключенію о двойственности какъ его самого, человѣка, такъ и всего внѣшняго міра.

Это весьма важный шагъ впередъ въ процессѣ развитія человѣческой мысли и въ дѣлѣ выработки міросозерцанія. Важенъ онъ и самъ по себѣ, и по своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ. Достаточно обратить вниманіе на то обстоятельство, что фантазія, подъ вліяніемъ сновидѣній, создавая міръ грезъ, наполняя его причудливыми образами, тѣмъ самымъ шевелила застывшій мозгъ дикаря, пробуждала его коснѣющую мысль, призывала ее къ дѣятельности. Работа мысли не пропадаетъ даромъ: она даетъ въ результатѣ или увеличеніе запаса знаній, большую точность ихъ, или улучшеніе мыслительной способности; всякій шагъ на этомъ пути облегчаетъ слѣдующій, иногда его обу-

словливаетъ. Пробужденная мысль первобытнаго человѣка, подчиняясь данному ей толчку, начинаетъ углубляться въ раскрывающійся предъ ней міръ, проникаетъ въ него дальше и разностороннѣе, чѣмъ это было возможно при одномъ грубо-матеріалистическомъ отношеніи къ предметамъ наблюденія. Если прежде, въ періодъ фетишизма, дикарь зналъ отдѣльные предметы, легко подмѣчалъ единичные признаки, то на дальнѣйшей ступени развитія, по мѣрѣ накопленія наблюденій, онъ сталъ подмѣчать болѣе общіе признаки, видовые и родовые,—и умъ его, поднятый анимистическимъ строемъ мышленія на высшую ступень, получилъ нѣкоторую способность къ отвлеченіямъ: онъ разбилъ наблюдаемыя явленія на группы, сообразно ихъ общимъ признакамъ, и создалъ соотвѣтствующія понятія видовыя и родовыя. Прежде, положимъ, первобытный человѣкъ зналъ березу, сосну, дубъ,—теперь онъ знаетъ *дерево*. Прежде, положимъ, онъ зналъ *свой огонь*, приносилъ ему жертвы, попросту—кормилъ его, бросая въ очагъ часть своей добычи, въ благодарность за то, что онъ его обогрѣлъ; но замѣтивъ тождество между своимъ огнемъ и всякимъ другимъ, онъ сталъ поклоняться *огню вообще* и приносить ему жертвы. То же самое можно вывести и относительно другихъ предметовъ, которымъ поклоняются дикари.

Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе накопленія все большаго и большаго количества наблюденій, при чемъ предполагается, что умъ человѣческій ихъ перерабатывалъ, группировалъ, обобщалъ; вслѣдствіе педагогическаго вліянія старшихъ поколѣній, болѣе опытныхъ,

на младшихъ; вслѣдствіе, наконецъ, такихъ факторовъ, какъ естественный подборъ и борьба за существованіе, изъ которыхъ первый подхватывалъ улучшенія въ органѣ мышленія, передавая ихъ по наслѣдству, закрѣпляя ихъ въ потомствѣ, а второй давалъ побѣду умнѣйшему, болѣе приспособленному къ борьбѣ,— вслѣдствіе всего этого мысль человѣческая, въ рядѣ поколѣній, все болѣе и болѣе совершенствовалась, становилась способной къ болѣе широкимъ обобщеніямъ и отвлеченіямъ.

Отсюда въ процессѣ выработки міросозерцанія вотъ что выходитъ. Человѣкъ, подмѣтивъ единообразіе извѣстнаго класса явленій, заключаетъ о единствѣ воли ихъ производящей. Но волю онъ знаетъ только въ личностяхъ; поэтому онъ создаетъ *личныхъ* дѣятелей, управляющихъ этими явленіями. Подобно тому, какъ нѣкогда онъ переносилъ на предметы внѣшняго міра свойства своей личности, такъ и теперь воображаемыхъ дѣятелей природы онъ творитъ по образу и подобію своему, надѣляя ихъ свойствами, присущими человѣку. Такъ наступаетъ стадія *политеизма*, олицетворяются стихіи, являются „ово бо́ги небесніи, а другіи земніи, а другіи польстіи (полевые), а другіи водніи“. .

Характеръ этихъ олицетвореній, ихъ свойства, ихъ размѣры, ихъ сила зависитъ, какъ показалъ Бокль *), главнымъ образомъ, отъ *общаго вида природы*, среди которой обитаетъ данный народъ. Такъ напримѣръ въ странахъ, наполненныхъ высокими горами,

*) Истор. цивилиз. въ Англіи, т. I.

вершины которыхъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, подверженныхъ частымъ землетрясеніямъ и вулканическимъ изверженіямъ; въ странахъ, гдѣ протекаютъ большія рѣки, причиняющія страшныя наводненія, иногда образующія шумныя водопады, гдѣ свирѣпствуютъ опустошительные ураганы, гдѣ растительность пышна, могуча, недоступна для человѣка, гдѣ множество ядовитыхъ змѣй, кровожадныхъ звѣрей, словомъ, гдѣ жизнь дикаря въ постоянной опасности,—въ такихъ странахъ, умъ первобытнаго человѣка, подавленный величіемъ природы, цѣпенѣетъ, мало развивается, а фантазія, возбуждаемая разнообразными явленіями къ дѣятельности и не регулируемая, не сдерживаемая въ надлежащихъ предѣлахъ разсудкомъ, напротивъ, чрезмѣрно развивается. Дѣло понятное. Съ одной стороны, сопоставляя, сравнивая свои слабыя силы съ силами величественной природы, человѣкъ, невооруженный знаніемъ, долженъ притти къ печальному сознанію своего безсилія, а при такихъ условіяхъ у него едва-ли могутъ пробудиться попытки къ ближайшему изслѣдованію природы, къ подчиненію ея своей власти, ибо сознаніе своего безсилія—плохой помощникъ во всякомъ дѣлѣ, въ томъ числѣ и въ дѣлѣ изслѣдованія природы, проникновенія въ ея тайны. Съ другой стороны, непониманіе грозныхъ явленій природы порождаетъ страхъ передъ ними, а страхъ возбуждаетъ фантазію, иногда до болѣзненности. Естественно, что воображеніе, пораженное страхомъ, олицетворяя грозную, могущественную стихію, придаетъ своему созданію соотвѣтственно грозный, могущественный, даже чудовищный образъ.

Совершенно противоположное мы видимъ на крайнемъ сѣверѣ. Чрезвычайное однообразіе природы этого края, а слѣдовательно и скудость впечатлѣній отъ внѣшней дѣйствительности, обусловило бѣдность миоологическаго творчества его обитателей. Тамъ мачиха-природа, такъ сказать, придавила своей ледяной рукой творчество своихъ пасынковъ, парализовало его.

Среднее между двумя этими крайностями представляетъ намъ природа умѣренныхъ странъ, особенно тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ высокихъ горъ, вулкановъ и частыхъ землетрясеній, гдѣ растительность не столь пышна и недоступна, какъ въ странахъ тропическихъ, гдѣ крупныхъ хищниковъ и другихъ вредныхъ животныхъ гораздо меньше, гдѣ климатъ здоровѣе, словомъ—гдѣ природа представляется заботливою матерью, которая не балуетъ своихъ дѣтей излишней роскошью, не изнѣживаетъ ихъ, но и не пугаетъ своей суровостью или недоступностью. Въ такихъ странахъ умъ человѣческій менѣе запуганъ, критическая мысль болѣе развита и равновѣсіе между развитіемъ ума и фантазіи не нарушено, а вслѣдствіе этого и образы миоологическаго творчества обитателей такихъ мѣстностей лишены чрезмѣрной чудовищности и колоссальности, болѣе подходятъ къ размѣрамъ человѣческой личности.

Въ зависимости отъ природы бѣлорусскаго края, не блещущей, какъ извѣстно, яркими красотами, величественностію, могуществомъ, недоступностію, и оли-

цетворенія ея силъ и другія созданія миѳологическаго творчества бѣлоруссовъ, поскольку они сохранились въ памяти и воображеніи этого народа, также не отличаются величіемъ, особеннымъ могуществомъ, пластичностью своихъ формъ, отчетливостью очертаній; напротивъ, почти всѣ они блѣдны, расплывчаты, недостаточно опредѣленны. Надо полагать, что они потускнѣли отъ времени, поистерлись, какъ стирается старая монета отъ долговременнаго употребленія; но, въ силу вышесказанныхъ основаній, можно думать, что и въ былыя времена они не отличались особенной яркостью и рельефностью. — Отъ нѣкоторыхъ миѳологическихъ созданій сохранились лишь незначительные обрывки, клочки, по которымъ нельзя составить цѣльнаго представленія.

Чуръ. Такъ напримѣръ бѣлорусское заклятіе, употребляемое для огражденія отъ нечистой силы: «Чуръ мяне!» — представляетъ, какъ думаютъ, обращеніе къ покровительству божества Чура или Щура. Названіе отдаленнаго предка, производное отъ Щуръ, именно — прашуръ, употребляемое и теперь не только у бѣлоруссовъ, но и у великоруссовъ и малоруссовъ, даетъ основаніе предполагать, что Чуръ — божество родовое, прадокъ, родоначальникъ, который и по смерти „радѣетъ“ своему роду и охраняетъ его членовъ отъ козней духовъ враждебныхъ родовъ и вообще отъ всякой нечистой силы. Другое производное бѣлорусское слово отъ этогоже имени „зачураться“ значитъ призвать Чура и тѣмъ оградить себя отъ нечистой силы, з

также значитъ провести черту угленъ или мѣломъ *) или чѣмъ-нибудь другимъ на землѣ или на полу, за которую, согласно повѣрію, никакая нечистая сила не можетъ перейти. Такъ „чураются“ всѣ тѣ, которымъ приходится имѣть дѣло съ нечистой силой, особенно съ вампирами; такъ „чураются“ въ подобныхъ же случаяхъ герои народныхъ сказокъ. Изъ этого можно заключить, что Чуръ, вѣроятно, считался охранителемъ границъ родовыхъ владѣній, что онъ не позволялъ другимъ духамъ проникать за черту, за свою межу. Это мнѣніе отчасти подкрѣпляется смысломъ другого бѣлорусскаго глагола: „отчураться“, что вообще значитъ—не касаться, считать себя непричастнымъ, а въ частности значитъ отказаться отъ батьковщины. Даже и въ первомъ случаѣ, когда желаютъ выразить окончательный, рѣшительный отказъ отъ чего-нибудь, то употребляютъ выраженіе: „отчураться хаты и таты“. Это наводитъ на мысль, что первоначальный смыслъ слова выражалъ отказъ отъ родового имущества и рода, означалъ, такъ сказать, выходъ изъ-подъ власти и вѣдѣнія Чура. Вотъ, кажется, и все, что сохранилось въ языкѣ народа относящагося къ Чуру, но въ воображеніи народа не осталось о немъ никакого представленія.

Пережитки вѣрованій въ усадебныхъ божествъ. Болѣе посчастливилось въ этомъ отношеніи другимъ

*) Угли для этого надо выбирать изъ печи, вытопленной въ Страстной четвергъ до восхода солнца, или брать съ „каганца“, когда справляется „женитьба комина“, а мѣлъ рекомендуютъ употреблять тотъ, которымъ пишутъ кресты на косякахъ въ день Крещенія.

первобытнымъ божествамъ, которыхъ мы назвали бы *усадебными*, ибо подвѣдомственная имъ область ограничивается крестьянской усадьбой; впрочемъ, даже и эта тѣсная сфера размежевана между ними довольно точно и опредѣленно. Мы говоримъ о дымовомъ (домовомъ) или хатникѣ, ёуникѣ или гуменникѣ, лазьникѣ и хлѣуникѣ. Первыя три божества разнятся только названіями, да сферою своего вліянія, а по своему характеру и даже по своему виду, или, вѣрнѣе, по тому виду, которымъ ихъ надѣляютъ бѣлоруссы, сходны между собою. Есть основанія полагать, что хатникъ, овникъ и лазьникъ (отъ лазьня — баня) — это олицетворенія первобытнаго домашняго фетиша—огня.

Хатникъ или дымовый напоминаетъ собою великорусскаго домового. Въ воззрѣніяхъ бѣлорусса онъ надѣляется всѣми качествами домовитаго хозяина. Тѣ, кому онъ „здаваўся“, какъ выражаются бѣлоруссы, т. е. представлялся, привидѣлся,—говорятъ, что онъ имѣетъ видъ старенькаго дѣдка, съ сѣдой бородою и длинными сѣдыми волосами; одѣтъ онъ въ „насоў“ (бѣлорусск. холщевый кафтанъ), а другіе говорятъ—въ бѣлую рубаху; подпоясанъ онъ „дягой“ (ременнымъ поясомъ), а по другимъ версіямъ—лыкомъ. Спитъ онъ на печи или подъ печью, поэтому его иногда называютъ *подпечникомъ*. Встаетъ онъ рано и пугаетъ пѣтуха, толкая его. Пѣтухъ, съ испугу, хлопаетъ крыльями и кричитъ, чѣмъ будитъ хозяевъ на работу. Иногда домовой, какъ говорятъ многочисленные

разсказы и повѣрья о немъ, вздуваетъ огонь и идетъ въ клѣть или въ „свиренъ“ (амбаръ) и просушиваетъ хлѣбъ, пересыпая его горстями; заглядываетъ въ хлѣвъ и задаетъ корму лошадямъ и коровамъ, гладитъ ихъ и холитъ. Такія ухаживанія „господаря“ (другое названіе домового) очень благодѣтельны: зерно „спорѣетъ“ отъ пересыпаній домового, скотъ становится бодрымъ и выносливымъ отъ его поглаживаній. „Господарь“ любитъ дружную семью, онъ не терпитъ сварливыхъ бабъ и иногда строго наказываетъ зачинщиковъ семейныхъ несогласій: ночью, во время сна, онъ наваливается зачинщику на грудь и душитъ его. Иногда же онъ любитъ и пошалить, когда въ хорошемъ расположеніи духа, когда всѣ дѣла идутъ хорошо и хорошее предвидится въ будущемъ: тогда онъ плишетъ на „лавѣ“ въ хатѣ или въ клѣти или въ сѣняхъ. Когда же семьѣ предстоятъ несчастія, онъ, предчувствуя это, начинаетъ завывать по ночамъ и этимъ предупреждаетъ хозяина. Съ домовымъ нужно жить въ мирѣ, нужно умѣть ему угождать, а это требуетъ извѣстнаго искусства со стороны домохозяина. Прогнѣвишь домового — и онъ не только не будетъ „спріять“, но даже можетъ повредить въ хозяйствѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи (Борисовскій и Лепельскій уѣзды), при закладкѣ новаго дома, подъ однимъ изъ угловъ отрубаютъ голову пѣтуху, которую и зарываютъ тутъ же въ землю или просто кладутъ подъ угловой камень. Пѣтуха же зажариваютъ для обычной закуски при закладкѣ всякаго новаго зданія. Иногда этотъ обрядъ совершается при

закладкѣ печи *). Это несомнѣнно остатокъ прежнихъ жертвъ домовому; тѣмъ болѣе, что въ древности куръ часто приносили въ жертву богамъ, какъ объ этомъ, между прочимъ, упоминается въ словѣ Христолюбца: „Куры имъ (богамъ) рѣжютъ“.

Къ отголоскамъ первобытныхъ жертвоприношеній домовому также надо отнести повсемѣстно распространенный въ Бѣлоруссіи обычай затыкать въ углы и щели дома человѣчьи волосы, вычесанные или остриженные, и ногти. Въ настоящее время домовые, какъ видно, менѣе кровожадны, если, вмѣсто животрепещущаго мяса и теплой крови, довольствуются такими неудобоваримыми вещами, какъ волосы и ногти.

Намъ кажется, что домовой представляетъ съ одной стороны антропоморфизацію огня, домашняго очага, на что указываетъ названіе „дымовый“ **), а также то обстоятельство, что его мѣстопребываніе главнымъ образомъ пріурочивается къ печи, къ очагу. Правда, по тѣмъ же вѣрованіямъ, живетъ онъ и въ клѣти; но клѣти въ Бѣлоруссіи въ большинствѣ слу-

*) Пониманіе значенія этого обряда утеряно бѣлоруссами; совершается онъ просто по традиціи. Намъ, впрочемъ, объясняли зачѣмъ отрубаютъ голову пѣтуху при закладкѣ печи „чтобъ куры плодились“. (Зимой ихъ держатъ въ подпечникѣ)

**) Впрочемъ, можетъ быть, что это искаженное произношеніе великорусскаго „домовой“; это названіе (дымовый) малоупотребительно въ Бѣлоруссіи: домовой больше слыветъ подъ именемъ *господаря*, *хатника*, *подпечника*, иногда—*запечника*. Но если даже это только неправильное произношеніе великорусскаго слова, то и оно характерно, такъ какъ показываетъ, что домового, хатника народъ ставитъ въ непосредственную связь съ огнемъ.

чаевъ устраиваютъ теплыя, съ печами, чтобы можно было пускать туда зимній приплодъ домашнихъ животныхъ и ставить все то, что не должно замерзать (такія клѣти называются *истопками, издобками*; отъ слова — топить, топливо), и тамъ, въ клѣти, его помѣщаютъ на печи или подъ печью, что не только не опровергаетъ нашего предположенія, а скорѣе подкрѣпляетъ его. Съ другой стороны — на домового, вѣроятно, перенесены нѣкоторыя черты Чура, обоготворенпаго родоначальника, ибо домовой, по повѣріямъ, отличается такими аттрибутами, которые свойственны родовому божеству: домовой, напр., убаюкиваетъ раскричавшихся дѣтей и надсматриваетъ за ними, если они предоставлены самимъ себѣ *).

Евникъ и Лазьникъ. Но за то отъ домового отдѣлились евникъ и лазьникъ, которые тоже, несомнѣнно, „огненнаго происхожденія", тожо олицетворенія огня. Они получили свои особыя, слишкомъ ужъ узкія, области: первый — евню (овинъ), второй — лазью (баню). Бѣлорусскій овинъ и баня, по своему устройству, очень мало отличаются другъ отъ друга, и овинъ нерѣдко замѣняетъ баню. Также мало отличаются другъ отъ друга и ихъ оберегатели, такъ что мы можемъ считать евника и лазьника родными братьями и ближайшими родственниками домового.

Евникъ живетъ въ овинѣ, въ печкѣ или на печкѣ; по внѣшности онъ отличается отъ домового только тѣмъ, что этотъ послѣдній „сдается" въ бѣломъ „на-

*) Отсюда, вѣроятно, пословица: Богатому чортъ дѣтей колышетъ.

совѣ", а овинкъ черенъ (надо полагать—отъ постоянной копоти безтрубой печи), только глаза, какъ угли горятъ. Тотъ и другой съ рѣшительно хозяйственными наклонностями: овинкъ по ночамъ подметаетъ гумно, вѣетъ зерно, придаетъ ему „спорию", а у *знающихъ* хозяевъ даже молотитъ по утрамъ.

Когда насаживаютъ овню, т. е. кладутъ снопы для просушки, то бросаютъ снопъ въ огонь; также по окончаніи молотьбы, оставляютъ снопъ ржи въ овнѣ, чтобы овинку „была заятка". Если прогнѣвить его, то онъ начнетъ бросать снопы въ огонь и сожжетъ овинъ,—такъ объясняютъ бѣлорусскіе крестьяне частые пожары овиновъ, происходящіе отъ дурной насадки сноповъ.

Лазьникъ любитъ париться и мыться; ему оставляютъ для этой цѣли вѣникъ и воду. Свои омовенія онъ совершаетъ послѣ полуночи, а потому не любитъ, чтобы кто-нибудь оставался до этого времени въ банѣ. Если же кто остается такъ долго, то лазьникъ начинаетъ бросать съ печи камни, стараясь убить дерзновеннаго.

Хлѣвникъ. Нѣсколько инымъ характеромъ отличается хлѣвникъ. Домовой и овинкъ всегда желанные гости, съ ними дружатъ, имъ угождаютъ. Они сравнительно права безобиднаго, заботятся о пріумноженіи хозяйства, если живутъ въ ладу съ хозяиномъ. Но не таковъ хлѣвникъ и не таково отношеніе къ нему. Какъ только обнаруживаютъ, что онъ завелся, сейчасъ же стараются его выжить, избавиться отъ него. И не диво! по повѣрію—онъ портитъ скотъ; онъ ѣздитъ не

ночамъ на лошадяхъ въ конюшнѣ, а отъ такой ѣзды лошадь быстро худѣетъ слабѣетъ и, если не избавить ее до время отъ хлѣвника, то вскорѣ околѣваетъ. Иногда онъ ѣздитъ попеременно то на одной, то на другой лошади, а иногда привязывается къ какой нибудь одной излюбленной. Лошадь бьется, мечется, старается сбросить хлѣвника, но это ей не удается. Она ржетъ, зоветъ на помощь хозяина; войдетъ онъ — никого нѣтъ, только лошадь взмылена и не можетъ отдышаться. То же бываетъ и съ коровами, — и на нихъ хлѣвникъ ѣздитъ. Коровы бѣгаютъ по хлѣву, мычатъ, быстро тощаютъ и перестаютъ давать молоко.

Хлѣвникъ почему-то боится сороки, и опытные кучера вѣшаютъ эту вѣщую птицу надъ дверями конюшни. Но ворожбитка и лѣкарка м. Холощевичъ Борисовск. уѣзда, Розалія Осьмакъ, отъ которой мы позаимствовали значительную часть нашихъ матеріаловъ, сообщила намъ, что самое вѣрное средство изгнать хлѣвника — слѣдующее. Нужно свить изъ «поскони» *) кнутъ (пугу), — свить въ три „стволки“; на концѣ завязать три узелка; отъ нихъ на разстояніи одной пяди еще три, а черезъ пядь и еще три. Этотъ кнутикъ навязать на осиновое «пугавье». Въ ночь, когда настаетъ „молодзикъ“ (новолуніе), передъ воротами хлѣва поставить жаровню съ осиновыми горячими углями; впрочемъ, могутъ быть угли и другіе, но осиновые какъ будто бы лучше. Когда все это готово, тогда, взявши корову или лошадь за хвостъ, нужно гнать ее

*) Конопля съ тычинковыми цвѣтками.

черезъ хлѣвъ къ двери, стегая наотмашь кнутикомъ и стараясь перегнать черезъ жаровню. И такъ перебрать всѣхъ коровъ и лошадей. При этомъ слѣдуетъ приговаривать: „Пошла, хира (немочь, болѣзнь, погань) на-у́звѣй вѣцеръ“!

Или же:

Якъ у насъ Юрья
Кони пасець,
Статокъ сциражець,
Нячистую силу
Прочь отгоняиць,
Хлѣ*у*ника и цмока
Вожахомъ пориць,
Приговариваиць:
Хира у лѣсъ! (3) *).

Если на которомъ нибудь животномъ и сидѣлъ хлѣвникъ, то, отъ соединеннаго воздѣйствія кнута изъ „посконныхъ“ волоконъ, который разсѣкаетъ его тѣло до крови, огня, котораго онъ боится, и, наконецъ, заговора, которому придается чудесная сила, онъ не дерзнетъ возвратиться вспять и оставитъ стадо въ покоѣ.

Изъ сказаннаго видно, что хлѣвникъ едва-ли былъ когда нибудь богомъ-покровителемъ стадъ. Аттрибуты Волоса, скотьяго бога, перенесены на св. Георгія, котораго народъ и считаетъ покровителемъ стадъ, защитникомъ отъ волковъ, вовколаковъ, хлѣвниковъ, гадовъ, вѣдьмъ-коровницъ, отбирающихъ у коровъ молоко; тог-

*) Этотъ же заговоръ произносятъ пастухи, обходя стадо, когда въ первый разъ выгоняютъ его на пастбище.

да какъ хлѣвникъ является силой враждебной, недоброжелательной, причиняющей вредъ стаду, силой, противъ которой необходимо бороться при помощи св. Юрья и огня-очистителя. Искуснымъ считается тотъ пастухъ или конюхъ, который умѣетъ умилостивить св. Юрья и изгнать, въ случаѣ надобности, хлѣвника.

Также очевидно, что хлѣвникъ не представляетъ, такъ сказать, разновидности домового, ибо домовой, какъ мы видѣли выше, любитъ лошадей и коровъ, ласкаетъ ихъ, холитъ и отъ его ухаживаній скотъ улучшается, тогда какъ хлѣвникъ, разъ онъ поселился въ хлѣву, приноситъ животнымъ только вредъ. И прототипъ домового, огонь, имѣетъ свойство изгонять его. Домовому надлежитъ быть въ каждомъ порядочномъ домѣ, а хлѣвникъ появляется случайно или насылается лихими людьми.

Змѣй-денегоносецъ. Чтобы покончить съ домашней «нечистой силой», намъ еще необходимо сказать нѣсколько словъ о змѣѣ-носителѣ-денегъ.

Про каждаго сколько нибудь богатаго крестьянина въ Бѣлоруссіи говорятъ, что „ему змѣй гроши носитъ“, и вы встрѣтите немало людей, которые самолично, воочію, видѣли-де этого змѣя; при томъ вамъ укажутъ чей онъ, т. е. какому богачу принадлежитъ. Но всего интереснѣе то, что такіе змѣи, по разсказамъ, производятся искусственно. На этотъ счетъ существуетъ такое повѣрье. Если черный пѣтухъ проживетъ семь лѣтъ, то къ концу седмого года снесетъ особаго вида яйцо, напоминающее, будто бы, по формѣ раковину обыкновенной улитки. Это яйцо нужно по-

сить подъ мышкой три года. Тогда вылупится изъ него маленькій змѣеныш. Его нужно холить, держать въ теплѣ, кормить яичницей (это его исключительная пища) и ничѣмъ не раздражать. Выросши, онъ станетъ летать, отыскивать клады и носить деньги своему хозяину. Живетъ змѣй въ клѣти (истопкѣ), никому не показывается. Туда ему хозяинъ или хозяйка каждодневно носятъ свѣжую яичницу. Но ее почему-то нельзя солить: ничѣмъ такъ не прогнѣвишь змѣя, какъ посоливши ему яичницу. За это онъ сжигаетъ все хозяйское добро и самъ улетаетъ. Вообще онъ, разсердившись, мститъ пожаромъ. Если кто-нибудь увидитъ его несущаго деньги и оскорбитъ непріязнію, то онъ деньги разсыплетъ, а своего хозяина почему-то сожжетъ.

Каковъ видъ у этого змѣя?

Мы предлагали этотъ вопросъ тѣмъ лицамъ, которыя, по ихъ словамъ, видѣли его. Отвѣты получались разные Но большинство того мнѣнія, что онъ похожъ на обыкновеннаго ужа, только гораздо больше его,— весь золотой, горитъ, какъ жаръ, и имѣетъ крылья. Другіе уподобляютъ его человѣку, который, впрочемъ, можетъ летать.

Намъ часто приходилось слышать въ деревнѣ: Змѣй полетѣлъ. Это былъ какой нибудь блестящій метеоръ.

Сопоставляя все вышесказанное, мы затрудняемся гдѣ искать предковъ змѣя. Что это одинъ изъ пенатовъ, изъ домовыхъ, не подлежитъ сомнѣнію: это только особый видъ домового; это — клѣтникъ, потом

что въ хатѣ онъ не живетъ, а только въ клѣтя. Возможно, что онъ представляетъ дальнѣйшую эволюцію ужей-фетишей; но съ другой стороны — слишкомъ бросается въ глаза его „огненный характеръ“: онъ и самъ какъ жаръ горитъ, и когда летитъ, то оставляетъ огненный слѣдъ, и разсердившись, сжигаетъ хозяйское добро, такъ что послѣднее заставляетъ предполагать въ немъ одно изъ олицетвореній огня. Чтобы примирить эти противорѣчія, намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ предположить, что это созданіе народной фантазіи представляетъ слiяніе двухъ фетишей: огня и ужа; такимъ образомъ и получилось представленіе объ „огненномъ змѣѣ“, какимъ его воображаетъ бѣлорусскій народъ. А если вѣрно предположеніе, что домовикъ, котораго бѣлоруссы воображаютъ въ человѣческомъ видѣ, есть олицетвореніе огня, тогда становится понятнымъ и уподобленіе змѣя-деньгоносца человѣку.

Олицетворенія стихій. Выше мы видѣли, что усадебныя божества, за исключеніемъ одного Чура, довольно отчетливо представляются воображенію бѣлорусса. Но нельзя того же сказать о стихійныхъ божествахъ, олицетвореніяхъ силъ природы, болѣе удаленныхъ отъ непосредственныхъ, такъ сказать, домашнихъ интересовъ бѣлорусскаго крестьянина.

Напримѣръ отъ *Перуна*, бога небеснаго огня (слѣдовательно, родственника домового), — бога, какъ говорятъ лѣтописи, нѣкогда главенствовавшаго на славянскомъ Олимпѣ, — отъ этого громоноснаго и дождящаго бога сохранилось очень немного. Перунъ убиваетъ,

посылая свои каменныя стрѣлы въ клубахъ огня; стрѣлы убиваютъ, а огонь сожигаетъ. Свои удары онъ направляетъ болѣе всего на чорта; а чортъ любитъ прятаться во время грозы подъ деревомъ, поэтому опасно становиться подъ деревья, чтобы укрыться отъ дождя: вмѣсто чорта Перунъ можетъ убить человѣка. При громѣ и молніи надо креститься, чтобы отогнать отъ себя чорта.

Намъ не разъ приходилось слышать такое объясненіе происхожденія грома и молніи. Перунъ держитъ въ рукахъ два чрезвычайно громадныхъ жернова, третъ ими и ударяетъ одинъ о другой; треніемъ и ударами онъ производитъ громъ и извлекаетъ молнію, подобно тому, какъ извлекаютъ искры, ударяя сталью о кремень. Осколки жернововъ, отскакивающіе при ударахъ, летятъ на землю и поражаютъ, какъ стрѣлы. Мы уже имѣли случай говорить, что перуновыми стрѣлами народъ называетъ каменные топоры и ножи.

Водяникъ или *Водяный* живетъ въ „живой“ водѣ, т. е. только-что пробившейся изъ-подъ почвы. Каждый „вирь“ (водоворотъ, а также источникъ въ рѣкѣ или озерѣ) имѣетъ своего водяника; они же обитаютъ въ криницахъ бездонныхъ, въ глубинѣ рѣкъ и озеръ, вообще въ такихъ мѣстахъ, которыя зимою не замерзаютъ: это — по объясненію народа — ледъ таетъ отъ дыханія водяника. Сохранилось до сихъ поръ возрѣніе, что водяникъ требуетъ человѣческой жертвы, и невольные утопленники считаются жертвами его хищничества: онъ тянетъ ихъ къ себѣ на дно. Въ Бѣлоруссіи указываютъ много мѣстъ, на которыхъ, по

преданію, были нѣкогда озера, и въ нихъ обитали слишкомъ жадные водяные. Они очень часто таскали людей „у вирь“. Тогда окрестные жители обращались къ какой нибудь знахаркѣ, и она, отыскавъ виръ, смѣло ныряла на дно, затыкала жерло — главный источникъ озера — „горохвинами“ и закладывала сверху камнемъ. Вода въ озерѣ мало-по-малу изсякала, и водяной переселялся куда-нибудь въ другое мѣсто.

Русалки. Въ водѣ же живутъ и русалки. Онѣ, впрочемъ, могутъ считаться „земноводными“, потому что обитаютъ въ водѣ только съ осени до „русальной недѣли“ (первая послѣ Троицы). Тогда онѣ выходятъ изъ воды и поселяются на вѣтвяхъ деревьевъ, особенно на березахъ. Русалки качаются на ихъ гибкихъ вѣтвяхъ, подзывая прохожихъ: „человѣкъ! человѣкъ! ходи колыхаться!“ А если кто сдуру подойдетъ къ нимъ близко, то онѣ защекочутъ его до смерти.

Представляются онѣ воображенію бѣлоруса красивыми женщинами, съ распущенными длинными волосами. Пока русалки не выйдутъ изъ воды, т. е. до русальной недѣли, считается опаснымъ купаться, потому что или болѣзнь какая нибудь приключится, или русалки къ себѣ затащатъ въ глубь рѣки и утопятъ.

Существуетъ повѣріе, что души дѣтей, умершихъ до крещенія, превращаются въ русалокъ.

Лѣшій. Надъ лѣсами и всѣмъ, что въ нихъ, властвуетъ лѣшій. Это, кажется, наиболѣе величественный образъ, созданный фантазіей бѣлоруса. Оно и понятно: въ природѣ его страны, за исключеніемъ грозовыхъ явленій, дремучіе лѣса были наиболѣе вели-

чественны, таинственны, болѣе всего поражали воображеніе своимъ заунывнымъ шумомъ при легкомъ вѣтрѣ и трескомъ ломающихся деревьевъ, стономъ, пронзительными воплями, дикимъ хохотомъ и другими страшными звуками, которые наполняютъ лѣсъ во время бури или урагана. Подъ вліяніемъ впечатлѣній изъ жизни могучихъ лѣсовъ своей родины бѣлоруссъ создалъ образъ своего лѣсовика или лѣшаго. Онъ ростомъ въ уровень съ деревьями того лѣса, въ которомъ разгуливаетъ. Онъ можетъ увеличиваться и умаляться, приноравливаясь къ величинѣ деревьевъ. Онъ чрезвычайно силенъ: когда разыграется въ лѣсу во время бури, то съ корнемъ вырываетъ могучіе дубы, на куски ломаетъ вѣковыя сосны, въ лескъ кладетъ множество деревьевъ, застилая свой путь въ лѣсу, чтобы никакая сила не могла пробраться по его слѣдамъ къ его логовищу. А живетъ онъ въ такъ называемомъ „маточникѣ“ — это средина пущи, совершенно недоступная для обыкновеннаго смертнаго. *Маточникъ* окруженъ непроходимымъ лѣсомъ, запруженъ *массою валежника* и *сверхъ того* — его облегаютъ засасывающія *болота*, которыя не замерзаютъ и въ самыя суровыя зимы. Тамъ-то и живетъ лѣшій со своими звѣрями и птицами. Всѣ крупные звѣри туда идутъ умирать: они только знаютъ таинственныя тропы, которыми можно пробраться въ маточникъ.

Когда лѣшій разгуливаетъ по своимъ владѣніямъ его сопровождаютъ стада звѣрей и стаи птицъ, особенно совы, филины, во́роны и сороки. Голова его покрыта длинными кудрями, такъ что напоминаетъ вер-

хушку сосны; громадное туловище одѣто въ звѣриныя шкуры—волчьи и медвѣжьи — шерстью навыворотъ; руки и ноги толсты и крѣпки, какъ стволы дубовъ, глаза горятъ, какъ у волка или совы. Онъ „ржець“, хохочетъ, когда веселъ; волкомъ воетъ, когда печаленъ; рычитъ, какъ медвѣдь, когда золъ, а по временамъ дико взвизгиваетъ. Онъ плещетъ въ ладоши, и отъ этого трескъ идетъ по лѣсу. Въ рукахъ онъ держитъ иногда громадную дубину, которою ударяетъ по деревьямъ; оттого-то, какъ полагаютъ, и слышится въ лѣсу грохотъ. По другой версіи—въ рукахъ у него длинный бичъ, которымъ онъ хлопаетъ, подгоняя своихъ спутниковъ.

Такой лѣшій водится только въ большихъ лѣсахъ и пущахъ; съ нимъ очень ужъ опасно встрѣчаться. А въ малыхъ лѣсахъ и лѣшій бываетъ поменьше; впрочемъ и ему пальца въ ротъ не клади: можетъ изрядно напугать человѣка и волками затравить.

Подвѣй—это тотъ духъ, который кружится въ вихрѣ. Онъ поражаетъ людей особой болѣзнью, которая тоже называется подвѣемъ: набѣжитъ вихрь на человѣка—и свернетъ ему голову набокъ, отниметъ языкъ, а нето скрючитъ руку или ногу. Поэтому надо спасаться отъ вихря. Когда онъ кружится, надо показывать ему букишъ: этого подвѣй не любитъ и промчится стороной, не набѣжавъ на человѣка.

Другихъ олицетвореній изъ области атмосферическихъ явленій бѣлоруссы не знаютъ.

IV.

Порожитки солнечнаго культа.

Достигнувъ извѣстной степени умственнаго разви-тія, первобытный человѣкъ, наблюдая явленія приро-ды, не могъ не замѣтить той зависимости, въ которой находятся растенія отъ солнечной теплоты и свѣта. Когда-же такъ или иначе было сознано, что без теплоты и свѣта не можетъ быть растительной жизни, то отсюда не трудно сдѣлать выводъ, что безъ расте-ній не возможна жизнь животныхъ, а безъ тѣхъ и дру-гихъ не возможна жизнь человѣка. Это сознаніе, в ряду съ другими причинами, въ разборъ которыхъ м. не намѣрены вдаваться, повело къ обоготворенію соли-ца, какъ источника теплоты и свѣта, какъ плодотвор-наго начала, *дождь-бога*, дающаго изобиліе плодов земныхъ и самую жизнь; а обоготвореніе повело к созданію культа, въ которомъ выражалось въ извѣст-ныхъ формахъ отношеніе человѣка къ обоготворяемо свѣтилу.

Культъ солнца былъ тѣмъ болѣе развитъ и с проникновеніе въ міросозерцаніе народа тѣмъ глубже значительнѣе, чѣмъ больше народъ освоился съ мирн

ми земледѣльческими занятіями и зависѣлъ отъ нихъ, а не отъ войны и грабежа.

Наши предки, какъ извѣстно, вынесли свои вѣрованія изъ своей первобытной родины — арійскаго нагорья, страны вѣчнаго солнца и лазурнаго неба, гдѣ имъ были уже извѣстны начатки земледѣлія. А такъ какъ и осѣвши на новыхъ мѣстахъ они продолжали заниматься земледѣліемъ, то понятно, что культъ бога земледѣлія и мирныхъ искусствъ, солнца, игралъ въ ихъ міросозерцаніи и въ обрядовой сторонѣ ихъ жизни важную роль, о чемъ свидѣтельствуютъ памятники нашей древней письменности и многочисленные пережитки.

Бѣлорусы, какъ народъ преимущественно земледѣльческій, въ своихъ воззрѣніяхъ, обрядовыхъ пѣсняхъ и празднествахъ сохранили немало такихъ характерныхъ особенностей, которыя являются видимымъ отраженіемъ древняго солнечнаго культа. Правда, въ бѣлорусской рѣчи не сохранилось пережитковъ наименованій, приписываемыхъ солнцу, въ родѣ Сварожича, Хорса Дажьбога, Ярила, но древнія празднества въ честь солнца, связанныя съ весеннимъ и осеннимъ равноденствіемъ, съ зимнимъ и лѣтнимъ солнцестояніемъ, и теперь отбываются въ Бѣлоруссіи. Они, конечно, приноровлены къ христіанскимъ праздникамъ, но связаны съ такими воззрѣніями и сопровождаются такими обрядами, которые ничего общаго не имѣютъ съ христіанскимъ значеніемъ праздника. Таковы коляды, масленица и великодни, купала и богачъ.

Общая черта всѣхъ этихъ праздествъ — ихъ открытый, общественный характеръ; они празднуются „сборъ-

дружиной", толпой; это не то что „дзяды", которые справляются каждой семьей отдѣльно.

Колядьі. Трудно сказать, что означало слово *коляда*. Было-ли это названіе божества, или названіе празднества, посвященнаго нѣкоторому божеству, или то и другое вмѣстѣ,—на этотъ счетъ только можно дѣлать болѣе или мѣнѣе остроумныя догадки: ученыя изслѣдованія, поскольку они касались этого вопроса, не даютъ ничего положительнаго и убѣдительнаго. Но наблюдая обряды и суевѣрія, связанные съ этимъ празднествомъ, изслѣдуя колядныя пѣсни, можно придти къ заключенію, во-первыхъ, что коляды служили началомъ года, во-вторыхъ, что празднованіе ихъ имѣло тѣсную связь съ хозяйственной стороною жизни народа, съ его земледѣльческими воззрѣніями и въ-третьихъ, имѣло, въ нѣкоторой степени, связь съ брачными или вообще половыми отношеніями народа.

Все это даетъ основаніе отнести коляды къ числу празднествъ солнечнаго культа.

А такое празднество могло возникнуть только тогда, когда первобытный человѣкъ настолько обогатился наблюденіями, настолько развилъ свой умъ, что могъ установить связь между важнѣйшими явленіями внѣшняго міра, могъ понять, хотя бы и несовершенно, грубо-эмпирически, соотношеніе между ними; когда онъ уже имѣлъ представленія о прошломъ и заглядывалъ въ будущее, а не только жилъ интересами текущаго дня. Для этого, какъ показали наблюденія надъ жизнію дикарей, человѣкъ долженъ былъ пройти долгій путь

Но когда была замѣчена правильная послѣдовательность временъ года и установлена зависимость ихъ отъ того или иного положенія солнца на небѣ, было естественно считать началомъ года то время, когда солнце какъ-бы возрождается, поднимается все выше и выше, свѣтитъ дольше, когда дни увеличиваются, а ночи уменьшаются; празднованіе же колядъ почти совпадаетъ съ этимъ временемъ. Затѣмъ, разъ установлена связь между солнцемъ и плодородіемъ, естественно было придать празднеству въ честь солнца земледѣльческій характеръ. А такъ какъ эта связь понимается первобытнымъ умомъ въ томъ смыслѣ, что солнцѣ своими любовными ласками оплодотворяетъ землю, отсюда могло возникнуть представленіе, что любовь, половое влеченіе, находится въ зависимости отъ солнца, есть слѣдствіе его вліянія. Отсюда *любовный* (въ половомъ смыслѣ) характеръ празднества. Впрочемъ, должно сказать, что эта сторона солнечнаго культа довольно слабо выражена въ колядныхъ обрядахъ; она сосредоточена главнымъ образомъ въ празднованіи купалы.

Бѣлоруссы употребляютъ слово *коляда* въ двухъ значеніяхъ: какъ названіе празднества и какъ названіе продуктовъ, приготовляемыхъ къ колядамъ изъ свинины: колбасъ, сала, окороковъ, — все это въ собирательномъ смыслѣ называется колядою. Напримѣръ, выражаются такъ: далъ ему немного колиды, разумѣя кольцо колбасы, кусокъ сала и т. п.; или же: у него всю коляду украли, — при чемъ также разумѣются

продукты, приготовленные изъ свинаго мяса Въ этомъ же смыслѣ поется въ колядной пѣснѣ:

Вхала Коляда по ляду,
Разсыпала коляду.

А въ первомъ смыслѣ, въ смыслѣ празднества, названіе коляда присвоивается тремъ днямъ: канун Рождества — это постная коляда; канун новаго года — это богатая коляда, иначе тоустая, тлустая (жирная), щедрык; и канун Крещенія Господня — это кіевская коляда или голодная. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подъ словомъ коляды разумѣютъ все время съ 24 декабря по 6 января. Иногда вмѣсто коляда употребляютъ слова *кутя*, т. е. названіе главнаго блюда, обязательно приготовляемаго на каждую коляду, присваиваютъ самому дню. Но какого нибудь личнаго существа, называемаго колядой, народъ не представляетъ; по крайней мѣрѣ намъ не удалось подмѣтить сколько нибудь ясныхъ признаковъ того, что такое представленіе существуетъ, хотя это и можно бы думать, судя по вышеприведенному отрывку пѣсни.

Какъ безъ блина — не масленица, такъ безъ колбасы, жирной верещаки — не коляды, — и каждый хозяинъ старается заколоть къ этимъ праздникамъ откормленнаго кабана, а пото и двухъ, кто посостоятельнѣе. Странное дѣло: какъ ни блюдутъ крестьяне посты, но при разборѣ убитой свиньи многіе не могутъ устоять отъ соблазна, чтобы не полакомиться „свѣжинкой“, особенно бѣлоруссы-католики, которые менѣе строго относятся къ соблюденію постовъ.

Пластанье колядной убонны—это цѣлый обрядъ, которому бѣлорусы придаютъ важное значеніе въ смыслѣ гаданія, главнымъ образомъ, на счетъ урожаевъ будущаго года. Сначала кабану дѣлаютъ крестообразно надрѣзъ на груди; потомъ перерѣзываютъ горло и собираютъ кровь въ особый сосудъ (изъ крови, смѣшанной съ мукой, пекутъ блины). Если кровь льется обильно, непрерывной струей—это значитъ, что лѣто будетъ дождливое; отсюда выводъ, что навозъ надо запахивать, а не сѣять „подъ пристилку“. Длинная грудобрюшная преграда—по бѣлорусски *коса* — предвѣщаетъ долгое лѣто; если она быстро суживается къ концу—это знакъ, что только первые посѣвы будутъ удачны. Наблюдаютъ, какихъ зеренъ больше въ требухѣ, полагая, что такой родъ хлѣба будетъ наиболѣе урожайнымъ. Такъ гадаютъ старики, отцы семействъ, озабоченные на счетъ урожаевъ будущаго года, а дѣвушки, заинтересованныя больше по части жениховъ, получаютъ въ свое распоряженіе печень и, всматриваясь въ ея блестящую поверхность, стараются увидѣть тамъ отраженіе своей будущей судьбы.

Во всемъ этомъ нельзя не усмотрѣть связи съ языческими жертвоприношеніями, которыя, какъ извѣстно сопровождались гаданіями по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ. Весьма вѣроятно, что у нашихъ предковъ на коляды—время зимняго солнцеворота, именно кабанъ приносился въ жертву солнцу, и по внутренностямъ животнаго гадали о тѣхъ предметахъ, которые, по первобытнымъ воззрѣніямъ, находились зависимости отъ этого божества. Какъ мы увидимъ

далѣе, всѣ коляды сопровождаются гаданіями, при чемъ эти послѣдніе распадаются на три отдѣла: гаданія, такъ сказать, хозяйственныя, земледѣльческія; гаданія о суженомъ, любовныя; и гаданія вообще о грядущей судьбѣ: „про животъ, про смерть, про весь родъ человѣчь“. Всего естественнѣе было гадать о будущемъ въ началѣ года, а это отчасти указываетъ на то, что колляды считались именно началомъ года; также естественно гадать объ урожаяхъ и любовныхъ дѣлахъ въ то время, когда справляли праздникъ именно бога земледѣлія, плодородія и любви, каковымъ несомнѣнно считалось солнце. Въ дальнѣйшемъ мы найдемъ еще подтвержденія всему этому.

На *постную коляду* (24 декабря) приготовляютъ кутью съ сытой, поливку съ грибами или рыбой, оладьи съ медомъ или макомъ, блины, рыбу жареную, клёцки, кисель,— словомъ, чтобы было не больше блюдъ, но никакъ не меньше семи,— число, которое въ обрядовыхъ трапезахъ имѣетъ, повидимому, символическое значеніе.

Вечеромъ, какъ только покажутся звѣзды, когда уже все въ избѣ прибрано, вымето́но, вычищено, кладутъ на столъ сѣно, сверху покрываютъ скатертью, кладутъ хлѣбъ-соль и ставятъ кутью. Всѣ молятся Богу. Затѣмъ хозяинъ беретъ кутью и, выйдя на дворъ, обноситъ вокругъ дома, если это возможно, или кругомъ двора, потомъ, подойдя къ окну, стучитъ трижды. Изъ избы хозяйка или старшій въ семьѣ спрашиваетъ: «хто тамъ». Хозяинъ отвѣчаетъ: „самъ богъ идзецъ, кутцю нясецъ“— и послѣ это-

оригинальной церемоніи входить въ хату. Кутья ставится на столъ, и начинаютъ ѣсть всѣ изъ одной миски, не сѣвши, наблюдая, чтобы всѣ брали по очереди, по старшинству. Описанный обычай существуетъ въ Бобруйскомъ уѣздѣ; въ другихъ мѣстностяхъ зовутъ морозъ кутью ѣсть, при чемъ просятъ его, чтобы онъ не поморозилъ всходовъ. Всѣ ѣдятъ до отвала; нельзя ни одного блюда пренебречь.

Послѣ вечери *гадаютъ*. Вытягиваютъ изъ-подъ скатерти стебельки сѣна и по длинѣ заключаютъ, какой ленъ будетъ—длинный или короткій. Ищутъ въ сѣнѣ зернышекъ, и если найдутъ, скажемъ, ячменное зерно—значитъ ячмень уродится. Вытягиваютъ колосистыя травы и посходству ихъ колосковъ съ колосьями хлѣбныхъ растеній заключаютъ какой хлѣбъ будетъ наиболѣе урожайнымъ. Частыя звѣзды на небѣ въ эту ночь означаютъ, что будетъ много грибовъ и ягодъ. Парни и дѣвушки топятъ воскъ и льютъ въ воду, стараясь по отлившимся фигурамъ угадать свою судьбу. Дѣвушки, захвативъ краюху хлѣба, выбѣгаютъ на „смалище“ (мѣсто, гдѣ обжигали кабана) и, кушая хлѣбъ, слушаютъ, въ какой сторонѣ раздастся звукъ—говоръ, лай собаки и т. п.—туда ей выйти замужъ. Гадаютъ и на другія коляды. Наканунѣ новаго года льютъ олово или свинецъ въ воду и по фигурамъ гадаютъ. Уединившись въ комнатѣ или въ клѣти, смотрятъ чрезъ кольцо на пламя свѣчи, надѣясь увидѣть суженаго или то, что будетъ. Есть и другой подобный способъ гаданія. Надо, запершись ночью въ банѣ и поставивъ передъ собой зеркало, а

по бокамъ его двѣ свѣчи, смотрѣть въ зеркало, не мигая, не отрывая глазъ и не осматриваясь по сторонамъ. Кто не труслива и выполнитъ всѣ условія въ точности, тотъ увидитъ-де все, что ему предстоитъ важнаго въ будущемъ. Въ вечеръ передъ Крещеньемъ считаютъ колья въ заборѣ; перебираютъ ихъ всѣ до конца, приговаривая: колъ—колица, колъ—колица; если на послѣдній придется—колъ, значитъ выйдетъ замужъ, а если колица—значитъ не выйдетъ. Берутъ дрова въ охапку и, принеся ихъ въ избу, считаютъ четное или нечетное число поленьевъ захвачено; выводъ тотъ, что если четное число, т выйти замужъ. И много другихъ есть способовъ гаданія.

На *богатую коляду* приготовляютъ множество блюдъ, при томъ все скоромныхъ, жирныхъ, тогда какъ на крещенскую коляду всѣ блюда постные и приготовляется ихъ менѣе, потому то она и называется *голодной*. Особыми обрядами, кромѣ гаданій, о которыхъ мы уже упомянули, онѣ не отличаются.

Колядные обычаи и игры. Рождественская коляда начинаетъ и кончаетъ хозяйственный годъ. По обычаю, заведенному изстари, съ этого дня нанимаютъ батраковъ на годъ; такъ и уговариваются: отъ коляды до колядъ. Но обычай требуетъ, чтобы батракъ, отбывшій свой срокъ, не былъ удаляемъ до втораго дня Рождества. При расчетѣ его одаряютъ *колядой*: колбасами и саломъ. Бездомные батраки или гуляки отправляются въ корчму, чтобы кутнуть на остатки полученнаго жалованья.

На коляды, послѣ вечери, господари „сѣютъ бобъ“ по избѣ и по двору, чтобы хлѣбъ родился какъ бобъ. А хозяйки кормятъ куръ кутьей въ обручѣ, чтобы онѣ держались своего дома, не клали яицъ гдѣ попало. Въ теченіе двухъ недѣль между первой и послѣдней колядой, даже въ будни, нельзя производить никакихъ серьезныхъ хозяйственныхъ работъ, кромѣ какъ присмотрѣть за скотомъ — задать корму, напоить—да приготовить обѣдъ. А вечеромъ и совсѣмъ ничего нельзя дѣлать Эти вечера зовутъ *святыми*, а въ иныхъ мѣстахъ *кривыми*, вѣроятно вслѣдствіе того повѣрія, что если въ эти вечера работать, то приплодъ домашняго скота будетъ рожаться уродливымъ. Особенно нельзя шить и прясть; отъ перваго, не только домашнія животныя, но и дѣти могутъ родиться слѣпыми, а отъ втораго можетъ свиться колтунъ въ волосахъ. Въ эти вечера крестьяне собираются по избамъ, которыя по исторіѣ, и проводятъ время въ бесѣдахъ, играхъ и забавахъ. Старики разсказываютъ подросткамъ сказки, поучительныя бывальщины, примѣры, загадываютъ загадки. Таковъ обычай. Также въ обычаѣ грызть въ эти вечера орѣхи, играть въ четъ и нечетъ.

Взрослые молодые люди, собравшись отдѣльно, справляютъ *женитьбу Терешки*. Это спеціально колядная игра. Другія игры, какъ напримѣръ „яицуръ“ или „яшерь“, игра въ „Бога и чорта“, хотя устраиваются въ колядные вечера, но не обязательно: въ эти игры играютъ и въ другое время и при томъ играютъ больше дѣти и подростки; а въ женитьбу

Терешки играютъ исключительно на коляды и при томъ взрослые парни и дѣвушки.

Женитьба Терешки —это игра-пляска, сама по себѣ не сложная. Она интересуетъ взрослыхъ молодыхъ людей главнымъ образомъ потому, что здѣсь непринужденно обнаруживаются ихъ вкусы и взаимныя влеченія. Порядокъ игры таковъ Сначала устраивается въ въ сладчину выпивка и закуска, между прочимъ—для большей развязанности. Потомъ выбираютъ *сватью*,—разбитную вдову, солдатку или дѣвушку, которая побойчѣе. Это та же *пани-матка* малорусскихъ вечериицъ. Она ставитъ играющихъ въ два ряда, по одной сторонѣ парней, по другой—дѣвушекъ, и начинаетъ сватовство. Беретъ одного изъ парней за руку и, выйдши съ нимъ на средину, запѣваетъ особый куплетъ, подпѣвая въ тактъ напѣва:

Цярешка валочитца,
Во жапитца хочитца;
Епъ туды—сюды зирпець,
Гдзѣ милу сваю найдзець.
Валочитца, выглядае,
Хто къ яму любось мае.

Скрипачъ при этомъ наигрываетъ подходящій мотивъ, а стоящіе по сторонамъ плещутъ въ ладоши и въ отвѣтъ дѣвушки поютъ:

Цярешка, Цярешечка!
Къ моей хаци стежечка
Битая, топтапая;
Я *у* мамки кахапая.

Пройдя раза три — четыре взадъ и впередъ, сватья выхватываетъ одну изъ дѣвушекъ и вручаетъ ее парню. Сватья пока отходитъ въ сторону, а эта пара начинаетъ плясать подъ пѣніе хора:

Цярешка хадзіу, блукаю,—
Ешъ жаны шукаю, шукаю,
Кабъ была пригожая,
Хоць куды дыць гожая.
Узяю сабѣ дзѣвочку
Якъ тую пралесочку,
Тонкую, высокую,
Лицомъ бѣлолицую.

Но тутъ дѣвушка, если ей сосватанный парень не нравится, ловкимъ движеніемъ увертывается отъ него и убѣгаетъ въ рядъ своихъ подругъ. *Мужъ* старается ее поймать, а дѣвушки закрываютъ. При этомъ поется:

Цярешку бѣда стала:
Съ кимъ яго жана спала?
Подъ дубомъ зялепенькимъ
Съ казакомъ молодзенькимъ.

Парень ни съ чѣмъ отходитъ на свое мѣсто. Если же молодые люди чувствуютъ другъ къ другу нѣкоторую склонность или не желаютъ обращать на себя вниманія, то они отходятъ въ сторону и становятся рядомъ, отдѣльно отъ тѣхъ, которые еще не женились.

Тогда сватья снова выступаетъ на сцену и такимъ же порядкомъ, какъ выше описано, соединяетъ новую пару. И такъ до тѣхъ поръ, пока всѣхъ не пережe-

нить. Все это пересыпается остротами, шутками, прибаутками какъ по адресу свати, когда она сдѣлаетъ неудачный выборъ, такъ и по адресу „молодыхъ“, если есть къ тому поводъ, особенно, если парень неловокъ и не сумѣетъ удержать дѣвушку. Зубоскалятъ больше парни: дѣвушки заняты пѣніемъ.

Когда всѣ пережженны, тогда съ двухъ противоположныхъ сторонъ выступаютъ двѣ пары и начинаютъ плясать, а остальные поютъ:

Маа-жъ ты лапулечка,
А я-жъ твой мужулечка!
Мы-жъ будземъ на свѣци жиць,
Мы-жъ будземъ дзяцей пладзиць;
Мы-жъ будземъ гарѣлку пиць,
Мы-жъ будземъ дзяцей жаниць
и пр...

Въ это время дѣвушки снова ускользаютъ отъ парней, а тѣ ихъ ловятъ, ищутъ. Когда такъ проплящутъ всѣ пары, та же процедура повторяется снова, съ тою только разницею, что уже убѣгаютъ парни, а дѣвушки ихъ ищутъ, при чемъ и куплеты соотвѣтственно измѣняются, которые, надо сказать, довольно многочисленны и, смотря по мѣстностямъ, варьируются на разные лады.

Эта игра въ женитьбу служитъ какъ бы прелюдіей къ предстоящему брачному сезону, и многія парочки впослѣдствіи дѣйствительно соединяются брачными узами. Но мы остановились на этой игрѣ потому, что въ ней, повидимому, отразились пережитки древнихъ

брачныхъ отношеній и обычаевъ, имѣвшихъ, вѣроятно, связь съ празднованіемъ колядъ, съ культомъ того божества, въ честь котораго совершалось это празднество.

Яцуръ или *яцеръ* Теперь въ эту игру играютъ только дѣти да подростки. Играютъ зимой въ хатѣ, весной—на лужайкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣвочки сплетаютъ вѣнки изъ цвѣтовъ и одѣваютъ ихъ на головы, а зимой, на святкахъ или въ мясоѣдъ, вмѣсто вѣнковъ, довольствуются обыкновенными платками. Сначала дѣвочки выбираютъ изъ мальчиковъ „яцура". Онъ покрывается большимъ платкомъ, завязывая концы его на шеѣ, такъ что выходитъ нѣчто въ родѣ мантіи.

Яцуръ усаживается на чемъ нибудь, а вокругъ него дѣвочки, взявшись за руки, образуютъ *коло танокъ*, хороводъ, и, кружась то въ одну сторону, то въ другую, напѣваютъ:

Сядзиць, сядзиць, яцуръ,—
Ладо, ладу,
Ладо, ладу!—
Въ арѣховомъ кусцѣ—*)
Ладо, ладу,
Ладо, ладу! **)
Арѣшечки луща;
Енъ женитца хочиць;
Ты жанися, яцуръ,

*) Варіантъ: Посярод гароду (огорода),
У зяленомъ кусьцѣ и пр.
**) Въ такомъ же порядкѣ припѣвъ повторяется послѣ каждой строчки.

Бяри сабѣ панну,
Каторую хочешь;
Панну (такую-то) Марильку,
За бѣлую ручку,
За русую коску,
За золото-персьцень.

Тогда „ящуръ“ встаетъ и снимаетъ съ указанной дѣвочки вѣнокъ или платокъ и кладетъ возлѣ себя. А въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ, взявъ дѣвочку за руку, нѣсколько разъ кружитъ вокругъ себя и тогда снимаетъ вѣнокъ. Все это повторяется до тѣхъ поръ, пока ящуръ не поснимаетъ всѣхъ вѣнковъ.

Тогда начинается выкупъ вѣнковъ. Одна изъ дѣвочекъ выходитъ изъ круга и, кланяясь ящуру, поетъ:

Пане ящеру, паночикъ,
Атдай жа мой вяночикъ!
Зиму (?), лѣто хадзила,
Ручки-ножки сцирала,
По красочцы збирала,
У вяночикъ звивала;
Я атъ таткиховалася,
Я атъ мамки тулялася.
Пане ящуру, паночикъ,
Атдай жа мой вяночикъ!

Ящуръ требуетъ выкупа. „Поцалуй мяне, говоритъ, дыкъ атдамъ“. Или же, если ему дѣвушка не нравится, то заставляетъ ее плакать, плясать, больше просить и т. п., какъ это, напримѣръ, дѣлается при

игрѣ въ фанты. Дѣвочка, получивъ вѣнокъ, пляшетъ вокругъ ящура и поетъ:

Я свой вѣнчикъ выплакала,
Я свой вѣнчикъ выпросила,
Я свой вѣнчикъ выскакала,
Я свой вѣнчикъ выкупила.

А хоръ одпѣваетъ:

Ладо, ладу,
Ладо, ладу.

Когда всѣ вѣнки выкупятъ, то или прекращается игра, или начинаютъ ее снова, выбравъ новаго ящура.

Какъ мы сказали, теперь это дѣтская игра, но повидимому въ ней скрытъ какой-то пережитокъ древняго обычая или обряда, уже утратившаго для взрослыхъ свое значеніе и смыслъ. Можно догадываться, что это былъ обычай любовнаго характера; на это намекаетъ сущность игры: женитьба ящура, выкупъ вѣнковъ, поцѣлуи и т. п. Затѣмъ, что это отголосокъ далекаго прошлаго, указываетъ припѣвъ: Ладо, ладу, а также названіе самой игры, созвучное со словомъ щуръ. При этомъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что ящуръ по-бѣлорусски вовсе не значитъ ящерица, равно какъ этимъ именемъ не называютъ извѣстной лошадиной болѣзни; оно сохранилось только какъ названіе игры.

Колядовщики. На первый и второй день Рождества Христова, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ также на богатую коляду, ходятъ по домамъ колядовщики. Это толпа молодежи, которая, подходя подъ окна, если не препятствуетъ погода, или же войдя въ хату,

пѣснями славитъ хозяевъ и за это получаетъ *коляду* т. е., какъ мы уже объяснили, сало и колбасы. Колядовщики напоминаютъ пасхальныхъ волочебниковъ, и пѣсни ихъ носятъ отчасти тотъ же земледѣльческій характеръ, что и волочебныя, (о нихъ будетъ рѣчь—впереди) только эта сторона въ волочебныхъ пѣсняхъ болѣе ярко выражена. Но въ нѣкоторыхъ колядныхъ пѣсняхъ есть и особенности; это именно сравненіе хозяина съ мѣсяцемъ, жены его—съ солнышкомъ, а дѣтей съ звѣздами,—сравненіе, котораго намъ не приходилось встрѣчать въ волочебныхъ пѣсняхъ. А сами колядовщики тѣмъ отличаются отъ волочебниковъ, что нерѣдко *водятъ козу*, чего волочебники не дѣлаютъ. Въ такомъ случаѣ, т. е. если ходятъ съ козой, то поютъ только одну пѣсню, приспособленную именно къ этому обычаю.

Коза снаряжается такъ. Берутъ козью голову, насаживаютъ ее на палку и пришиваютъ къ кожуху; а если нѣтъ настоящей головы, то дѣлаютъ ее изъ дерева, окрашиваютъ въ бѣлый цвѣтъ, выводятъ глаза, прилаживаютъ рога и т. п. Кожухъ, вывороченный шерстью вверхъ, одѣваетъ какой нибудь ловкій парень—и коза готова. Толпа колядовщиковъ, вводя козу въ хату, затягиваетъ обычную пѣсню:

Богъ-помочь таму,
Хто *у* гэтымъ даму!
Мы *у* госьци идземъ
И казу видземъ.
Го-го! каза,
Го-го! шѣра!
Гдзѣ каза ходзиць,
Тамъ жито родзиць,
Гдзѣ каза нагой,
Тамъ жита капой,

Гдзѣ каза рогомъ,
Тамъ жита стогомъ.
А наша каза
Была у бару,
Грызла тамъ кару
Съ козенятками;
Споткала воука
Съ воученятками;
Якъ хвацiць ваучокъ
Казу за бачокъ,
А ваученятки —
За козенятки.
Ледзь-ня-ледзь коза
Атъ воука у цекла,
У сяло пришла.
А ты, козынька,
Топни поженькой,
Не бойся ваука,—
Енъ: ня зъѣсь цябе;
А бойся, каза,
Стараго дзѣда:
Ець цябе згубиць,
Скуру облупиць.
Вже бяре енъ мечъ,
Кабъ козыньку сѣчь.
Поцекла юшка (кровь)
Зъ праваго вушка;
Козынька пала —
Здохла, пропала.
—Гаспадарочикъ,
Сличный папочикъ!
Гаспадынічка;
Якъ малиночка!
Ты вазьми ключи
Залацеькіе;
Запали свѣчку,
Пайдзи у клѣтку:
Припяси казѣ
Рѣшето авса;
Рѣшето авса,
На верхъ килбаса
И кусокъ сала,
Кабъ каза устала.

(*Игуменск. уѣз.*).

Во время пѣнія, коза неуклюже поворачивается изъ стороны и въ сторону, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ пѣсни притопываетъ ногами, постукиваетъ рогами, кланяется, падаетъ и лежитъ, словно мертвая, а въ концѣ мгновенно оживаетъ, вскакиваетъ на ноги. Въ этомъ и вся штука. Что же касается пѣсенъ, подъ которые пляшетъ коза, то всѣ онѣ по складу совер-

менно одинаковы, поются однимъ напѣвомъ, но по содержанію разнятся. Нѣкоторые изъ нихъ представляются какъ бы отрывками разныхъ пѣсенъ,—отрывками, сложенными вмѣстѣ только вслѣдствіе сходства размѣра, но безъ всякой логической связи между частями и безъ общаго смысла. Мы привели здѣсь наиболѣе типичную и цѣльную изъ нихъ и привели потому, что въ ней сквозятъ, хотя слабо, намеки на древнее жертвоприношеніе: именно упоминаніе о старомъ дѣдѣ, который собирается погубить козу. Этотъ дѣдъ нѣсколько намекаетъ на языческаго жреца; въ такомъ случаѣ въ козѣ можно бы видѣть жертвенное животное, и тогда весь обрядъ получилъ бы смыслъ. Но, въ виду бѣдности содержанія этого рода пѣсенъ, трудно сдѣлать какой-либо опредѣленный выводъ, тѣмъ болѣе, что есть варіанты, указывающіе на то, что дѣдъ хочетъ содрать кожу съ козы затѣмъ, чтобы сдѣлать дуду.

Масленица. Празднованіе масленицы сопровождается тѣми же катаньями съ горъ, катаньями на тройкахъ (это какъ бы прощаніе съ зимой, со снѣгомъ, съ санной дорогой), блинами, что и въ Великороссіи; но есть и особенности или спеціально свойственныя Бѣлоруссіи, или сохранившіяся въ ней отчетливѣе.

На Авласа (Власія, 11-го февраля), празднованіе котораго часто совпадаетъ съ масленицей, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи справляется «конское свято»,—задаютъ лучшій кормъ лошадямъ, но ничего на нихъ не работаютъ, и объѣзжаютъ молодыхъ лошадей. Если у лошади или коровы въ этотъ день по-

пурый видъ—это признакъ, что она не выживетъ года: или волкъ съѣстъ, или околѣетъ.

Въ смежныхъ уѣздахъ разныхъ губерній—въ Борисовскомъ, Сѣнновскомъ и Лепельскомъ—существуетъ масленичный обычай „возить бабу на почастунокъ“ (угощеніе). Это выполняютъ внуки, которые или сами запрягаются въ саночки и съ торжествомъ везутъ свою бабку-повитуху къ себѣ на блины, или пріѣзжаютъ за ней на лошадяхъ, что въ послѣднее время чаще практикуется.

Въ той же мѣстности въ понедѣльникъ и во вторникъ первой недѣли великаго поста женщины „цвиляютъ колодки“ холостякамъ, требуя отъ нихъ угощенія за то, что тѣ не женились. Колодку надо прицѣпить незамѣтно, и если это выполнено, то угощеніе, состоящее изъ выпивки и закуски, должно быть непремѣнно поставлено. Цвиляютъ колодки и женатымъ но это считается отступленіемъ отъ обычая. Кромѣ того, компаніи женщинъ „вяжутъ неженатыхъ“, т. е. крутятъ имъ платкомъ руки, и въ такомъ видѣ приводятъ въ корчму, заставляя купить водки, меду или пива и закуски, и только тогда развязываютъ, когда ихъ требованіе выполнено.

На масленицѣ, по вечерамъ, дѣвушки собираются на улицѣ пѣть „масленичныя“ пѣсни, содержаніе которыхъ распадается на два отдѣла. Содержаніе одной части: призывъ весны, ожиданіе наступленія ея и полевыхъ работъ; другой—жизнь замужней женщины съ ея радостями и горестями. Послѣднія нерѣдко поются подъ окнами „молодыхъ“, которые въ этотъ

„мясоѣдъ“ повѣнчались. Приводимъ наиболѣе типичную изъ этихъ пѣсенъ:

На вулицѣ дзѣ*у*ки гуляли *)
Про мяне молоду гукали:
Што *у* мяне молодой мужъ лихій,—
На вулку гуляць не пусті*у*;
А хоць пусті*у*—позненько:
Усѣ дзѣвочки розненько.
А я выйду и гукну,
Усихъ дзѣвокъ созаву,
Звонкаго музыку я найму
И буду гуляць до свѣту
Ажъ до позняго абѣду!
А дамо*у* итци баюся,—
Дзевератоньку кланюся:
„А ты, дзевератка,—большій братъ,—
Завядзи мене до дому!
Пошію кашульку до долу,
Дамъ табѣ хусту ша*у*кову“.
А почу*у* тое лихій мужъ:
„А я табѣ, шельма, бокъ набью,
До долу кашульку самъ знашу,
Ша*у*кову хусту самъ сотру.

„Молодые“ иногда приглашаютъ дѣвушекъ въ хату и угощаютъ ихъ. Тогда въ хатѣ они поютъ шуточныя или укоризненныя пѣсни по адресу придир-

*) Послѣднее слово каждой строчки повторяется 2 раза.

чивой свекрови или свекра, какъ бы заступаясь за свою бывшую подругу. Напримѣръ:

На дворѣ бабы сядзѣли,
Кулакомъ землю пробили,
Про нявѣсточекъ судзили:
А моя нявѣстка шельма была:
Цѣлую клѣтку добра звела!
А тамъ добра много было:
Орѣхова чашка круп было,
Желудова чашка меду было,
Мяшокъ и рагожа платця было,
Въ стянѣ иголка больш долота

и т. д.

На „Сороки“ (40 мучен. Севастійскихъ, 9 марта) молодежь собирается по гумнамъ, гдѣ къ этому дню устраиваются качели; приносятъ съ собой печенье—„жаворонковъ“—и цѣлый день проводятъ въ качаньи на качеляхъ, распѣвая „весновскіе“ пѣсни, выкликая весну:

Благослови, Боже,
Зиму замыкаци,
Вясну выкликаци.
Дай же намъ, Боже,
Жита и пшаницы,
Зяленой травицы.
Дай же намъ, Боже,
На хлѣбъ-жита родъ,
А на статокъ (на стадо) плодъ,
На людзей здоровье.

Встарину, по разсказамъ, пѣніе весновскихъ пѣсенъ, не прекращалось въ теченіе всего Великаго поста, но въ послѣднее время, подъ вліяніемъ духовенства и болѣе сознательнаго отношенія къ христіанской вѣрѣ, въ Великій постъ пѣніе рѣдко слышится, а во вторую его половину почти совершенно прекращается. Но послѣ Пасхи, когда очистится отъ снѣга земля, молодежь обоего пола, по вечерамъ, собирается на пригоркахъ и тамъ пѣснями призываетъ весну. И такъ продолжается до Николина дня.

Не можемъ не привести одной изъ этихъ пѣсенъ, записанной нами въ Борисовскомъ уѣздѣ:

Дзякуй табѣ, Боже,
Што зиму скончали,
Што вясны дождали!
Помажи намъ Боже,
У добрый часъ начаци
Вясну выкликаци!
Придзи, придзи, весна,
Придзи, придзи, красна,
Къ намъ у таночикъ (хороводъ)!
Прияли намъ збожжа (зернов. хлѣба),
Прияли намъ красокъ (цвѣтовъ),
Кабъ намъ звиць вяночикъ!
Вдзиць весна, ѣдзиць,
На залатомъ *) кони
Въ зялёномъ сани,
На сосѣ (сохѣ) сѣдзючи,

*) Въ бѣлорусскихъ сказкахъ очень часто упоминается о конѣ „золотая шерстинка — серебряная шерстинка".

Сыру зямлю аручи,
Правой рукой сѣючи,
А смыкомъ скародзючи.
Вязець, вязець весна,
Вязець, вязець красна
Ясные дзянёчки,
Частые дожджочки,
Зяленые травы,
Красные цвяточки
Намъ на вяночки

Въ основаніи этихъ призывовъ лежатъ, прежде всего, пережитки миѳологическихъ вѣрованій народа, но эти вѣрованія поддерживаются также факторами психологическаго и экономическаго порядка. Во-первыхъ, всякому живому существу присуще стремленіе къ свѣту и теплу. А во-вторыхъ, надо имѣть въ виду, что къ веснѣ частенько крестьянъ постигаетъ безхлѣбица и корма для скота бываютъ на исходѣ. Въ это время иногда и зажиточные мужики „солому сѣкутъ—пироги пекутъ, сѣномъ подмазываютъ“, какъ поется въ бѣлорусской „весняникѣ“. Это, разумѣется, гипербола, но въ иные годы она довольно близко подходитъ къ трезвой дѣйствительности. Въ такомъ случаѣ, какъ не ждать весны, когда она приноситъ съ собой „шпитку-матку, дзягеля-батьку, щавель-братку, крапивку сестрицу“—травы, которыми питается весной отощавшій, полуголодный народъ. На его счастье красное солнышко работаетъ, борется съ чарами лютой зимы, точитъ ледяную кору, покрывающую землю, пробуждаетъ ручьи и потоки отъ зимняго сна. Злое чудо-

вице, зима, противится доброму солнышку, не поддается, посылаетъ свои послѣдніе морозы и метели, но изо дня въ день ослабѣваетъ, словно бы изнемогая въ борьбѣ. И народъ, съ участіемъ слѣдившій за этой стихійной борьбой, живо заинтересованный въ ея скорѣйшемъ окончаніи, начинаетъ, по обычаю своихъ предковъ, выходя на взгорки, „выкликать“ весну. И вотъ наконецъ она, какъ бы послушная призывамъ, одѣтая въ зеленый сарафанъ, ѣдетъ на золотомъ конѣ, въ сопровожденіи ясныхъ теплыхъ дней, осыпая свой торжественный путь цвѣтами... Счастливая пора — пора любви, пора цвѣтовъ!

Но для крестьянина этого мало. Онъ, конечно, знаетъ, что цвѣты красивы, но, какъ мы видѣли, болѣе помышляетъ о шпитѣ-маткѣ, дзяголѣ-батькѣ и прочихъ травяныхъ кормильцахъ. Онъ еще далекъ отъ осуществленія своего завѣтнаго идеала человѣческаго благосостоянія, который въ томъ заключается, чтобы мужикъ могъ вдоволь поѣсть хлѣба съ березовикомъ. Обыкновенно такъ бываетъ, что есть березовый сокъ, да хлѣба нѣтъ; или же есть хлѣбъ, да березовику нѣтъ. Поэтому для бѣлоруса весна не только „краса природы“, но главнымъ образомъ — время полевыхъ работъ, отъ которыхъ зависитъ все его благосостояніе. Поэтому его фантазія снабжаетъ весну аттрибутами земледѣлія: она сидитъ на сохѣ, хотя это и не совсѣмъ-то удобный экипажъ; она бороздитъ мать-сыру-землю, сѣетъ хлѣбъ, и смыкомъ, первобытной бороной, устраиваемой изъ суковатыхъ еловыхъ плашекъ, связанныхъ вмѣстѣ, скородитъ посѣянное. Она поси-

лаетъ частые дождики, столь необходимые для посѣвовъ. А въ золотомъ конѣ нетрудно видѣть одно изъ уподобленій солнца, приносящаго весну.

Хотя въ настоящее время намъ не приходилось наблюдать особаго обряда встрѣчи весны, кромѣ простыхъ выкликаній, но, по разсказамъ, „за упѣцкихъ часовъ“ такіе обряды совершались. Намъ передавала старуха-крестьянка, отъ которой мы записали вышеприведенную веснянку, что она въ молодости была участницей слѣдующаго обряда встрѣчи весны, обряда, въ то время распространеннаго почти по всѣмъ деревнямъ Борисовскаго уѣзда. Весной, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, подъ вечеръ, молодежь обоего пола собиралась на полѣ, предназначенномъ подъ яровые посѣвы. Раскладывали костры, приглашали „музыку“ — большею частію дударя (въ то время дудари были очень распространены въ Борисовскомъ уѣздѣ) и приступали къ выбору изъ дѣвушекъ „весноуки“. Въ выборѣ принимали участіе и парни и дѣвушки. Требовалось, чтобы избранница была красива и работяща. Ее украшали вѣнкомъ изъ весеннихъ травъ и цвѣтовъ и сажали на „смыкъ“, застланный сверху плавуномъ; въ борону впрягались молодые люди и возили „весноуку“ по полю вокругъ огней, при чемъ дѣвушки пѣли, подъ аккомпаниментъ дуды, вышеприведенную пѣсню. Послѣ этого тутъ же возлѣ костра устраивались «танки», хороводы. Молодежь, взявшись за руки, кружилась вокругъ «весновки,» сидящей на боронѣ. Потомъ начинались обыкновенные танцы, въ которыхъ принимала участіе и «весновка». Необходилось дѣло

безъ вышивки и закуски, при чемъ первую доставляли парни, а вторую дѣвушки.

Великодни. Къ особенностямъ празднованія Пасхи въ Бѣлоруссіи надо отнести хожденіе по домамъ „волочебниковъ“ для прославленія хозяевъ и собиранія „да́ровъ“. Хоръ волочебниковъ составляется не только изъ бѣдняковъ, но и людей зажиточныхъ, что лишаетъ волочебниковъ нищенскаго характера. Во главѣ хора стоитъ „починальникъ“ – запѣвало, и музыка; кромѣ того есть еще „мѣхоноша“, носитель и хранитель „да́ровъ“, а остальные называются „подхватниками“. Подойдя подъ окно со всею громадой, починальникъ поетъ, сопровождаемый скрипачемъ, волочебную пѣсню, а подхватники послѣ каждаго стиха выкрикиваютъ хоромъ припѣвъ: Христосъ воскресъ Сынъ Божій или: Зеленый садъ вишневый и др. Подаютъ имъ деньги, яйца, сыры, сбожже и кое-что изъ пасхальныхъ яствъ, въ изобиліи приготовляемыхъ къ этому торжественному дню. Изъ собраннаго устраивается общее для всѣхъ волочебниковъ угощеніе.

Въ содержаніи волочебныхъ пѣсенъ, слышанныхъ нами и записанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи, нѣтъ ничего такого, что указывало бы на христіанское значеніе праздника Пасхи, если не считать припѣва: „Христосъ воскресъ“, замѣняемаго вирочемъ и другими припѣвами, въ родѣ — „Зелена елка, зелена“, или: „Спѣвайте, молойцы, спѣвайте“.

„Великоднями“ начинается земледѣльческій годъ, и пѣсни великодныя почти сплошь посвящены воспѣванію земледѣльческаго труда; даже волочебниковъ въ

нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи (Новогрудск. и Слонимск. уѣзды) называютъ *ралешниками*, (отъ слова ралля, оральля — пахота), т. е. нѣвцами земледѣлія. Въ нихъ поется о томъ, какое участіе принимаютъ въ земледѣльческомъ трудѣ „святые святочки“: какъ Сороки въ поле соху волокли, а святая Благовѣщенія заорывала; какъ св. Юрій, Божій ключникъ, землю отмыкаетъ, росу выпущаетъ; св. Борисъ „ляды палицъ“, а св. Микола по межахъ ходитъ — жито родитъ, св. Ушесця (Вознес. Госп.) поле подметаетъ, св. Девятникъ жито ровняетъ, а Десятуха „краску“ даетъ, а Пятница „краску“ снимаетъ; св. Петро косы острить, сѣно косить, св. Павла „грабли робицъ“, св. Илья, славная жнея, жито зажинаетъ въ снопы вяжетъ, а Прачистая съ поля возитъ т. д. Большая половина этихъ нѣсенъ представляетъ «земледѣльческій календарь» въ родѣ приведеннаго. Другая часть нѣсенъ восхваляетъ хозяина и его домочадцевъ, при чемъ выставляется на видъ ихъ трудолюбіе и вытекающее отсюда благосостояніе: какъ на небѣ зори часты - густы, такъ у него (хозяина) на полѣ копны часты-густы; у него въ гумнѣ навезисто и намолотисто *), въ клѣти насыписто, въ мельницѣ — намелисто, въ дежѣ - хлѣбницѣ — подыходисто и т. п. Обыкновенно этого рода прославленія оканчиваются пожеланіемъ быть „веселымъ, якъ хороша весна, здоровымъ, якъ кринична вода и богатымъ, якъ сырая земля“.

Нигдѣ въ бѣлорусскихъ нѣсняхъ не отводится

*) Особая форма бѣлорусск. нарѣчія и имени прилаг. съ усѣчен. оконч.; значитъ: много навезено, насыпано и т. д.

столь почетное мѣсто земледѣльческому труду, какъ въ волочебныхъ, и это, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ-что въ нихъ почти не затрогивается христіанское значеніе Пасхи, по нашему мнѣнію, указываетъ, что эти пѣсни нѣкогда относились къ празднеству нехристіанскаго происхожденія, къ празднеству, которымъ наши предки ознаменовывали наступленіе „великихъ дней", господства солнца, начала полевыхъ работъ, послѣ преобладающей зимою ночи,—дней, вѣроятно, посвящавшихся солнцу и другимъ земледѣльческимъ божествамъ, особенности которыхъ перенесены на святыхъ христіанской церкви, по христіанскому воззрѣнію ничего общаго не имѣющихъ съ тѣми свойствами, которыя имъ приписываются народомъ.

Празднованіе Пасхи не ограничивается тремя днями, какъ это установлено церковію, а продолжается гораздо долѣе: среда пасхальной недѣли празднуется „отъ граду", и она такъ и называется „градовая середа", четвергъ —отъ грома, пятница — отъ засухи, суббота — отъ падежа скота,—какъ видитъ читатель все это празднества, имѣющіе отношеніе къ земледѣлію. Нужно еще замѣтить, что названіе „великодни" относится не къ одной Пасхѣ *), а ко всѣмъ празднествамъ, начиная съ Пасхи и до Миколы включительно. Юрій и Микола такъ и называются „святочками - великодничками". При томъ на одного и другого перенесены свойства земледѣльческихъ божествъ:

Святый Юрій, Божій ключникъ,

*) Если бѣлорусы хотятъ указать именно на Пасху, то употребляютъ выраженіе „великъ-дзень".

Землю одмыкае — росу выпущае;
Росу выпущае, — статокъ выгоняе;
Статокъ выгоняе, слоуцо вымоуляе:
Кабъ тому статку не было ушадку,
Отъ того змѣя грамучаго,
Отъ того гада бягучаго,
Отъ той вѣдзьмы кароуницы.
А св. Микола, старая особа,
По межахъ ходзить — житцо родзить, —
Ядрописто, колосисто —
Зерня къ зерню — колосокъ у землю;
Колосы гнутца, у землю бьютца и т. д.

(Село Погорѣлое, Нѣм. уѣзда).

Сообразно съ этими воззрѣніями, совершаются и обряды. На Юрья, до восхода солнца, каждый хозяинъ выгоняетъ освященной вербой свой скотъ въ поле на „Юрьеву росу“. Онъ беретъ съ собой освященное яйцо, соль, кости отъ пасхальныхъ яствъ и угли съ домашняго очага. Все это зарывается по четыремъ угламъ поля, чтобы предохранить его отъ града, засухи и „заломовъ“. Потомъ скотъ гонятъ домой, и хозяйки сдаютъ его общему пастуху съ подписками, который обыкновенно нанимается къ этому времени и съ этого дня вступаетъ въ отправленіе своихъ обязанностей. При этомъ пастуху приносятъ хлѣбъ, сыръ, масло и яйца *). Пастухи, выгнавъ стадо на поле, разводятъ огонь,

*) Въ Бѣлоруссіи пастухи 4 раза въ лѣто ходятъ за сборомъ въ свою пользу, который, въ большинствѣ случаевъ, платится натурою. Его кормятъ и одѣваютъ хозяева по недѣлямъ или сколько придется по расчету.

жарятъ яичницу себѣ на закуску, и, прежде чѣмъ приступить къ ѣдѣ, обходятъ стадо съ хлѣбомъ и солью и съ горящими головнями въ рукахъ, при чемъ старшій пастухъ произноситъ заговоръ, который мы привели при описаніи обряда изгнанія „хлѣвника“.

Потомъ приступаютъ сами къ угощенію и коровъ кормятъ хлѣбомъ съ солью.

Въ недавнія времена, если цѣлая деревня или кто нибудь изъ ея обитателей были постигнуты неурожаемъ, то, чтобы обезпечить хорошій урожай въ будущемъ году, справлялась микольщина: въ первомъ случаѣ всей деревней, а во второмъ—отдѣльнымъ хозяиномъ Микольщину также справляли въ благодарность за хорошій урожай предыдущаго года.

Микольщина—это „бесѣда“, пирушка, устраиваемая въ Николинъ день (9 мая) или наканунѣ, „на Миколинаго батьку“ (Іоанна Богослова). Если погода позволяла, то микольщина устраивалась въ полѣ, а въ противномъ случаѣ въ домѣ. Всей-ли деревней она устраивалась на общія средства или однимъ хозяиномъ, но на эту „бесѣду“ приглашались всѣ односельчане, даже нищіе, прохожіе и проѣзжіе. На праздникѣ, угостившись водкой и медомъ, гости затягивали пѣсни въ честь св. Николая, которыя такъ и называются микольскими. Теперь микольщину справляютъ только пастухи да конюхи.

Намъ кажется вѣроятнымъ предположить, что это также остатокъ прежнихъ празднествъ въ честь земледѣльческаго божества.

Купала. Едва ли есть другое народное празднество,

болѣе богатое пережитками языческой старины, чѣмъ празднованіе купалы, въ ночь съ 23 на 24 іюня; къ этому празднеству относится много любопытныхъ воззрѣній, легендъ, преданій и обрядовъ.

Мы уже упомянали о цвѣтеніи папоротника въ ночь на купалу, о Купальскомъ Дѣдушкѣ, собирающемъ таинственныя цвѣтки, дающіе всевѣдѣніе, въ томъ числѣ и средство къ нахожденію кладовъ. Кромѣ того, на купалу „солнце играетъ“, т. е. распадается на нѣсколько солнцъ, которыя то разбѣгаются въ стороны, то соединяются въ одно солнце. Травы и цвѣты, собранныя въ этотъ день, пріобрѣтаютъ особую силу— цѣлительную или чародѣйную.

Въ этотъ день дѣвушки и замужнія женщины расходятся по полямъ и лугамъ для сбора травъ и цвѣтовъ, которые на слѣдующій день приносятся въ церковь для освященія. Такія травы употребляются какъ лѣкарственное средство. Особенное значеніе придается „купалкѣ“. Къ сожалѣнію не можемъ привести ботаническаго названія этого растенія. Кажется, что это ranunculus acris. Оно принадлежитъ къ отряду сложноцвѣтныхъ и имѣетъ бѣлые пушистые цвѣтки, напоминающіе „баранки“ ивы, но имѣютъ чашелистики. Эти цвѣтки, подобно одуванчикамъ, при солнечномъ свѣтѣ подымаютъ свои головки и раскрываютъ свой пушистый вѣнчикъ. Ими пользуются для гаданій: втыкаютъ къ образамъ „купалку“, и если она на слѣдующій день окажется развернувшейся, это означаетъ исполненіе желаннаго и на оборотъ. Растенія въ купальскую ночь разговариваютъ между собою, ходятъ

другъ къ другу въ гости, даже пляшутъ, только для обыкновенныхъ очей это не видно.

Клады на купалу выходятъ изъ-подъ земли на поверхность, „купаются и сушатся“; они въ это время „здаются“, представляются людямъ въ разныхъ образахъ, чаще всего въ видѣ огня или жара, который, при приближеніи къ нему, мгновенно исчезаетъ. Чтобы овладѣть кладомъ, надо знать какое заклятіе на него положено. Заклятія же кладутся страшныя, въ родѣ, напр., слѣдующихъ: кто мертвымъ заарець (будетъ пахать), той гэтыя грошы спожывець; или: хто тутъ сына забьець, той гэтыя грошы спожывець и т. п. По поводу перваго заклятія разсказываютъ, что его наложилъ было одинъ старикъ, пряча передъ своею смертью деньги, чтобы они не достались его дѣтямъ, которыхъ онъ не любилъ. А невѣстка и подслушала его заклятіе. Какъ только умеръ старикъ она позвала своего мужа и разсказала ему о заклятіи. Дѣлать нечего: не пропадать же деньгамъ! Тотчасъ надѣли отцу хомутъ, запрягли его въ соху и стали бороздить сѣни, гдѣ былъ зарытъ кладъ: деньги сами и вынырнули изъ земли. Другой же, зарывая деньги въ гумнѣ, заклиналъ ихъ такъ: хто голову положиць, той мое грошы возьмиць. Ему казалось, что его сокровище окажется навсегда недоступнымъ для людей. Анъ нѣтъ. За нимъ подсматривалъ зять и воспользовался его оплошностью—тѣмъ, что онъ не упомянулъ—какую голову надо положить. Принесъ зять пѣтуха, отрубилъ ему голову на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ зарытъ кладъ, и тотчасъ же безпрепятственно добылъ деньги.

Въ Лепельскомъ уѣздѣ указываютъ гору, на которой, по преданію, стоялъ замокъ, въ подвалахъ котораго скрыты несмѣтныя сокровища. Но владѣлецъ замка наложилъ на нихъ мудреное заклятіе: никакъ ими овладѣть нельзя. Въ давнія времена, на купалу, эти деньги „пересушивались“: земля разступалась, были видны желѣзныя рѣшетки, а за ними блестѣло золото, пересыпаясь въ „анкаркахъ“. Какъ ни ломали рѣшетки — не поддаются. Пробовали на длинныя жерди наматывать тряпки; макали ихъ въ горячую смолу и погружали въ бочепки съ золотомъ: пристанутъ червонцы къ смолѣ, а какъ станешь вытягивать палку вонъ, они всѣ и попадаютъ. Народъ просто съ ума сходилъ, такъ что ксендзы, для прекращанія соблазна, наложили новое заклятіе, и кладъ являться пересталъ.

Въ эту ночь снятся вѣщіе сны. Вотъ одинъ образчикъ. Снилось мужику, что онъ на такомъ-то мосту найдетъ деньги. Онъ и пошелъ туда искать ихъ. Искалъ, искалъ — не нашелъ. Зашелъ къ мельнику, что возлѣ моста жилъ, и разсказываетъ, какой онъ страшный сонъ видѣлъ, повѣрилъ этому сну и обманулся. Мельникъ ему и говоритъ: „Не всякому сну вѣрь. Вотъ и мнѣ нѣсколько разъ снилось, что у такого-то (называетъ имя нашего искателя), живущаго тамъ-то, подъ печью деньги зарыты. Тогда догадался нашъ искатель, что значилъ его сонъ. Пришелъ домой, сталъ рыть подъ печкой и нашелъ деньги.

Въ этотъ же день, по повѣрію, „вѣдьмы-коровницы отбираютъ молоко у коровъ“, „портятъ статокъ„. У „порченой“ коровы или удой уменьшается, или

молоко дѣлается жидкимъ, лишеннымъ сливокъ; это значитъ, что молоко и сливки „отобраны“ вѣдьмой и перенесены на ея коровъ; у нихъ, вслѣдствіе этого, молоко становится такъ густо, что во время доенія „сбивается“ въ комочки масла.

Для этого вѣдьма въ купальскую ночь ходитъ по огородамъ, собираетъ цѣдилкой росу въ подойникъ, даетъ ее пить своимъ коровамъ и обмываетъ имъ росою вымя. Отъ этого пропадаетъ молоко у коровъ тѣхъ хозяевъ, у которыхъ такимъ образомъ собрана роса. Еще собираютъ камни по чужимъ дворамъ и употребляютъ ихъ для „паренья“ молочныхъ горшковъ. Поэтому заботливыя хозяйки всю купальную ночь стерегутъ свои огороды, чтобы „коровница“ не собрала на нихъ росы.

Какая связь между собираніемъ росы и убылью молока? Намъ объясняли, что роса это „сокъ земли“, дающій растеніямъ питательность; что роса можетъ быть живительная и вредоносная. Первымъ свойствомъ она особенно отличается на Юрья, потому-то и выгоняютъ скотъ на Юрьеву росу. На купалу же она „молочная“: повѣріе говоритъ, что въ былыя времена случалось, что если намочить цѣдилку въ купальской росѣ, то съ нея лилось настоящее молоко. Объясненіе, очевидно, недостаточное, но другого народъ не знаетъ; первоначальный смыслъ этого воззрѣнія, кроющійся въ особенностяхъ первобытнаго мышленія, въ настоящее время утерянъ.

Вѣдьмы могутъ портить росу и тѣмъ вредить скоту. Для того, чтобы узнать вредная ли роса или

нѣтъ, знахарки вывѣшиваютъ на ночь тряпочку и утромъ пробуютъ — какова роса на вкусъ: если сладковата, значитъ порченая, и тогда нельзя выгонять скота на пастбище, пока не обсохнетъ роса, иначе скотъ можетъ заболѣть или въ молокѣ будетъ показываться кровь.

На Купалу, чтобы предохранить коровъ отъ порчи, прогоняютъ ихъ чрезъ огонь, разложенный у воротъ. Если же и это не поможетъ, и молоко будетъ отобрано, тогда варятъ цѣдилку въ „купальскомъ зельѣ“ и отваръ даютъ пить коровамъ. Такимъ вываріваніемъ цѣдилки достигается и другая цѣль: вѣдьма, отобравшая молоко, должна отъ этого исчахнуть, если только ей ничего не одолжить въ теченіе трехъ дней.

Купала вмѣстѣ съ тѣмъ и праздникъ огня. Въ купальскую ночь молодежь обоего пола собирается на полянку „въ житнюю смѣну“; тамъ раскладываютъ огонь; приносятъ съ собой водку, купленную въ складчину; дѣвушки жарятъ яичницу изъ принесенныхъ яицъ. Когда все готово, садятся вокругъ огня и закусываютъ. Потомъ зажигаютъ старое колесо, облитое дегтемъ и насаженное на жердь. Эту жердь вбиваютъ въ землю такъ, чтобы колесо высоко горѣло. Когда одно колесо сгоритъ, зажигаютъ другое и такъ далѣе, если только они припасены — и пляшутъ вокругъ колеса, взявшись за руки, подъ пѣніе купальскихъ пѣсенъ или „купалокъ“. Прежде всего поется пѣсня очевидно сложенная въ честь солнца:

Купальская ночка короткая,—со*у*пійка, со*у*пійка!

Соунійка рано усходзила—соунійка, соунійка! *)
Рана усхадзила поле асвяцила;
Дзѣвокъ, хлопцоу будзила,
Работку давала—у поле посылало,
Кабъ хлопчики огни палили,
Поле свяцили, жита пильновали,
Кабъ вѣдзьмы заломоу не ломали,
У кароу малака не 'тбирали.
Отбери, Божа, таму ручки-ножки,
Выдзяри, сова, со лба вочки,
Кабъ яны свѣту не бачили,
Яснаго сонца ня видзѣли!
А дзѣвочки кабъ жита зажинали,
Краски-цвяточки сбирали,
Вяночки звивали,
На галовоньку клали,
У тапочку скакали,
Хлопцоу привабляли.

Послѣ этого парни и дѣвушки, по парно и въ одиночку, прыгаютъ черезъ огонь, чтобы очистить себя и предохранить отъ „немочей, порчи и заговóровъ“.

На этомъ, повидимому, кончается одна часть праздничнаго обряда, посвященная очевидно лѣтнему солнцу и его земному замѣстителю—огню (надо сказать, что все это совершается по традиціи, безъ сознательнаго пониманія значенія обряда), и начинается другая часть, напоминающая одно изъ тѣхъ празднествъ любви, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, когда описываетъ

*) Слова: соунійка, соунійка,—повторяются послѣ каждой строчки.

обычаи Сѣверянъ, Радимичей, Вятичей и Кривичей: „браци (браковъ) не бываху въ нихъ, но игрища, межю селы. Схожахуся на игрища, на плясаніе, и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто совѣщашеся“.

Мы уже говорили, какъ связывается въ понятіи народа въ одно цѣлое представленіе о солнцѣ, какъ началѣ плодородія, съ одной стороны — и любви съ другой. Несомнѣнно, что эта связь устанавливается посредствомъ аналогіи между плодородіемъ земли и дѣторождіемъ. Подобно тому какъ плодородіе земли въ представленіи народа является послѣдствіемъ живительнаго дѣйствія солнца, какъ бы оплодотворяющаго землю, такъ и чувство любви и дѣторожденіе, при помощи уподобленія, подводится подъ дѣйствіе, какъ часть къ общему, того же начала, дающаго жизнь всему,—солнца. Кромѣ того, весной, лѣтомъ, т. е. во время господства солнца, происходитъ, какъ извѣстно, спариваніе животныхъ, что первобытная мысль могла приписывать вліянію солнца.

Какъ бы тамъ ни было, но дальнѣйшіе обряды празднованія купалы сохранили ясные слѣды любовнаго культа. Такъ въ Борисовскомъ уѣздѣ, послѣ описаннаго нами, дѣвушки съ вѣнками на головахъ изъ цвѣтовъ и ржаныхъ колосьевъ, становятся въ перемежку съ парнями, составляя, такимъ образомъ, новый хороводъ. Тѣ изъ дѣвушекъ, которыя сосватаны, запасаются „рушниками“ или кусками тонкаго холста, своего издѣлія. Всѣ кружатся, и дѣвушки поютъ пѣсню, въ которой выхваляютъ достоинства однихъ парней и

осмѣиваются недостатки другихъ: у такого-то голова, какъ ведро,—воду носить, волосы, какъ помело,—печь вымотать; языкъ, какъ лопата,—хлѣбъ сажать; носъ какъ „копачъ“ — навозъ разбрасывать; руки, какъ грабли—сѣно согребать; ноги, какъ „кочережки“,—жаръ загребать. А у такого-то кудрявая голова,—дѣвушекъ приманивать, ясные очи, дѣвушекъ высматривать, румяные губы—дѣвушекъ цѣловать и т. д.

Потомъ выходитъ на средину хоровода одна изъ дѣвушекъ сосватанныхъ (иногда, впрочемъ, выходятъ вмѣстѣ всѣ сосватанные или обрученные) и закрываетъ себѣ лицо, „чубромъ“, покрываломъ изъ холста. Тогда поютъ:

Ишла купалка сяломъ, сяломъ,
Закры*у*ши вочки чубромъ, чубромъ,
Довала хлопцамъ чаломъ, чаломъ, (въ это время дѣвушка кланяется на всѣ стороны).
Стали людзи дзивитися
Стала купалка сваритися:
Ахъ вы, людзи, вы дзі*у*ные!
Чи вы на вулку не ходзили,
Чи вы купалки не видзѣли,
Чи вы цвяточко*у* не сбирали,
Чи вы вяночко*у* не звивали
Чи вы *у* тапочикъ не ходзили,
Чи вы дзѣвокъ не зводзили?

Потомъ купальщица начинаетъ выбирать себѣ парня „до пары“. Въ прежнія времена брали того, кто попадется; теперь же умудряются выбрать или жениха или того, кто нравится, потому что парни обыкно-

венно подаютъ голосъ, перебрасываясь шутками, часто очень нескромными. Намъ приходилось слышать отъ „ревнителей старины и отеческихъ преданій“ порицаніе такому новшеству: „бяры того, хто попадзетца: на тое стародаўній звычай!“

Избранники снимаютъ съ купальщицъ покрывало и повязываютъ себѣ на руку или черезъ плечо, какъ это дѣлается на свадьбѣ. Это имъ даръ, „на рукавы“, какъ говорится въ Бѣлоруссіи. Въ это же время поютъ:

На мори вуточка купалася,
На бережку сушилася;
Млада Ганнулька зажурилася,
Што яе дары не прадзены,
Хоць прадзены, не сованы,
Хоць сованы, дыкъ не ткапы,
А хоть ткапы,—не бялены,
Хоць бялены,—не качапы,
Хоць качапы,—не рѣзапы,
Хоць рѣзапы,— не дзѣляны.
А хтожь тые дары дарпць будзе?
Будзе дарпць млада Ганнулька:
Гаму-сяму по локцику,
Свайму суженьку пя мѣручи.

Потомъ поются другія купальскія пѣсни, которыя, по своему содержанію очень напоминаютъ „масляничныя“ пѣсни. Тутъ нарѣканія на свекра, на мужа, которые не пускаютъ молодую „на купалійка, дзѣвоцкое гуляпійка“; тутъ преподаются совѣты за кого выходить замужъ—за стараго или молодого; какую

выбирать себѣ невѣсту—богатую или бѣдную и т. п. А также поется баллада, распространенная въ Бѣлоруссіи во множествѣ варіантовъ, о томъ, какъ братъ женился на сестрѣ и какъ они обратились въ „братки“—цвѣтокъ Иванъ-да-Марья. Пѣніе продолжается до тѣхъ поръ, пока колесо сгоритъ и костры потухнутъ. Тогда парни бросаются хватать дѣвушекъ. Поднимается свалка: женихъ отбиваетъ свою невѣсту, если она выбрала другого; поклонники одной и той же дѣвушки начинаютъ оспаривать ее другъ у друга; дѣвушки вырываются изъ рукъ тѣхъ парней, которые имъ не нравятся; другіе же счастливые пары стараются, подъ шумокъ, убраться подальше въ рожь, если они не успѣли этого сдѣлать прежде; наконецъ, такъ или иначе, вопросъ улаживается, и всѣ „пары“ расходятся по ржи, въ двоемъ коротать ночку, встрѣчать восходъ солнца.

Въ Лепельскомъ уѣздѣ этотъ обрядъ дареніе „рукавовъ“ совершался съ тою особенностію, что невѣста дарила *всѣхъ* парней.

Въ другихъ мѣстностяхъ мы этого обычая совершенно не встрѣчали. Просто жгутъ костры, иногда изъ разныхъ отбросовъ и негодныхъ вещей, поютъ пѣсни, прыгаютъ чрезъ огонь, и, пользуясь темнотою, мало по малу, расходятся влюбленныя пары.

Изъ того, что мы описали, можно подумать, что купалка праздникъ «свободной любви». Можетъ быть оно когда-нибудь такъ и было. Но въ послѣднее время это не болѣе, какъ обрядъ, и отношенія молодыхъ людей слишкомъ далеко не заходятъ. Могутъ, конечно,

быть исключенія, но они случаются и помимо купальскихъ обрядовъ и случаются всего чаще тамъ, гдѣ бытовой укладъ жизни бѣлоруса пошатнулся: въ мѣстечкахъ, городахъ, вблизи желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и заводовъ. Гдѣ же крѣпокъ коренной строй жизни бѣлоруса, тамъ этого почти не бываетъ. Въ такихъ мѣстахъ женихи года по два спятъ на однихъ сѣновалахъ съ невѣстами и однако это почти не отражается на нравственности молодыхъ людей. Главная причина такой сдержанности—сила общественнаго мнѣнія деревни. Въ Бѣлоруссіи широко распространенъ свадебный обычай „сводить“ жениха и невѣсту и потомъ предъявлять гостямъ рубаху. Если не окажется доказательствъ „чести“, то это покрываетъ позоромъ семью невѣсты и для нея самой влечетъ многія непріятныя послѣдствія. Обычай, конечно, въ высшей степени грубый, дикій, варварскій, но его вліяніе велико.

Однако надо отмѣтить, что въ послѣднее время многіе женихи, изъ числа побывавшихъ въ школѣ, нерѣдко протестуютъ противъ этого постыднаго обряда; но невѣсты все еще консервативны,—конечно, только тѣ изъ нихъ, которыя могутъ публично щегольнуть тѣмъ, что онѣ „блюли“ себя. Иногда даже плачутъ, если имъ отказываютъ въ этомъ варварскомъ тщеславіи, особенно въ томъ случаѣ, если было на счетъ ихъ „честности“ какое-либо сомнѣніе. Въ этомъ онѣ всегда встрѣчаютъ настойчивую поддержку въ старомъ поколѣніи, которое, съ одной стороны, довольно ревниво относится къ сохраненію старины, а съ другой—не желаетъ лишиться „солодкой горѣлки“.

Намъ кажется, что въ описанныхъ нами обрядахъ съ достаточной ясностью отразился древній обычай умыканія невѣстъ, а въ обрядѣ даренія парней и слѣпого выбора «пары», — намекъ на первобытное общинное право мужчинъ на всѣхъ женщинъ, принадлежащихъ къ данной общинѣ. Это нѣчто вродѣ выкупа, освобожденія себя отъ принадлежности всѣмъ мужчинамъ общины, для того, чтобы впослѣдствіи принадлежать исключительно одному, какъ о томъ поется въ купальской пѣснѣ:

Дружочкамъ на одну почку,
А сужаньку на *увесь* вѣкъ.

Не случайно, конечно, приноровлена къ празднованію Купалы и баллада „о браткахъ“, столь распространенная въ Бѣлоруссіи, какъ ни одна пѣсня. Вѣроятно она служитъ отголоскомъ того далекаго прошлаго, когда было въ обычаѣ супружеское сожительство въ ближайшихъ степеняхъ родства. На это также намекаютъ нѣкоторые обряды бѣлорусскаго свадебнаго ритуала, какъ напримѣръ, обрядъ выкупа женихомъ у брата невѣсты ея косы, съ которой обыкновенно соединяется понятіе о дѣвичествѣ.

Богачъ *). Въ Игуменскомъ уѣздѣ „Богачомъ“

*) Такъ какъ описаніе празднованія „богача“, сколько намъ извѣстно, впервые появляется въ печати, то, въ видахъ дальнѣйшаго дополненія нашего описанія, считаемъ нужнымъ указать, что мы наблюдали эти празднества въ Игуменскомъ уѣздѣ, гдѣ оно бытуетъ во многихъ деревняхъ, преимущественно Погорѣльской вол. Также „богачъ“ празднуется въ Волковыскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи.

называютъ Рождество Богородицы (8-го сентября); послѣднее названіе почти не извѣстно народу *).

Въ жизни земледѣльца это самое счастливое время—время сравнительнаго довольства, когда и убѣдняка есть хлѣбъ на столѣ, а у богатыхъ, „какъ князья скирды широко сидятъ, поднявъ головы“. Отсюда понятно, почему народъ называетъ „богачомъ“ праздникъ, совпадающій со временемъ окончательной уборки хлѣба и хозяйственнаго обилія. Но есть факты, заставляющіе думать, что „богачъ“—одно изъ земледѣльческихъ божествъ до-христіанскаго періода, одно изъ видоизмѣненій несторовскаго Даждь бога солнца, бога изобилія, богатства, на что указываетъ и самое имя его. Представленіе объ этомъ богѣ стерлось въ памяти народа, но указанія на то, что онъ, этотъ богъ, нѣкогда занималъ мѣсто въ вѣрованіяхъ бѣлоруса, сохранилось въ обрядахъ Хотя „богачемъ“ называютъ собственно Рождество Богородицы, но празднованіе „богача“ справляютъ не только въ этотъ день, а и въ другіе праздники, близкіе къ осеннему равноденствію. Если, напримѣръ, въ деревнѣ есть церковь или часовенька въ память святаго, празднуемаго въ это время, то и празднованіе „богача“ приноровливается къ этому дню.

Главную роль въ обрядѣ этого празднества играетъ „богачъ“ или „богатце“. Это „лубка“ ржи со вставленной въ нее восковой свѣчой. „Богачъ“ стоитъ въ

*) Въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи этотъ праздникъ зовется Малая Прачистая, въ отличіе отъ Успенія — Большой Прачистой.

теченіе цѣлаго года въ домѣ очереднаго хозяина, въ почетномъ углу, подъ иконами. Въ этотъ день свѣча зажигается. Приглашается священникъ для служенія молебствія, которое и служится прежде всего въ томъ домѣ, гдѣ стоитъ „богачъ“. Потомъ хозяинъ, вслѣдъ за священникомъ несетъ „богача“ въ слѣдующій дворъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ хозяева. Для встрѣчи ставятъ на дворѣ столъ, покрытый бѣлой скатертью и установленный „лубками“ ржи, пшеницы, ячменя или другаго хлѣба. „Богачъ“ ставится на столъ къ хлѣбамъ, и служится краткое молебствіе. Священникъ и всѣ его сопровождающіе приглашаются въ хату для угощенія, при чемъ „богачъ“ ставится на покути. И такъ обходятъ по очереди всѣ дома. Зерновый хлѣбъ, которымъ встрѣчали „богача“ идетъ въ пользу причта.

На другой конецъ села сгоняютъ весь скотъ, и когда обойдутъ всѣ дворы, то обносятъ „богача“ во кругъ скота. Послѣ этого относятъ его въ домъ къ очередному хозяину, гдѣ онъ и остается цѣлый годъ. Онъ, по повѣрію приноситъ, въ домъ богатство и счастье.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рожь и воскъ для „богача“ собирается со всей деревни и подмѣняется только тогда, когда „богачъ“, по очереди, обойдетъ всю деревню или же когда свѣча сгоритъ. А въ другихъ мѣстностяхъ рожь и свѣча подмѣняются ежегодно очереднымъ хозяиномъ, при чемъ рожь для этого вымолачиваютъ изъ перваго, „зажиночнаго“ снопа *).

*) Первый снопъ (зажиночный), подобно дожиночному вѣнку, повсемѣстно въ Бѣлоруссіи пользуется особымъ значеніемъ; его каждый хозяинъ, принеся домой, ставитъ въ почетномъ углу. Это соблюдается и тамъ, гдѣ „богача“ совсѣмъ не празднуютъ.

Въ послѣднемъ случаѣ подмѣненная „богачовая“ рожь смѣшивается съ обыкновенной и употребляется на сѣмена. Приготовленіе свѣчи сопровождается общей вечерей всѣхъ участниковъ и особыми пѣснями, напоминающими „дожинковыя“.

Не есть ли это соединеніе зернового хлѣба, символа благосостоянія, со свѣчею, символомъ свѣтоноснаго начала, не есть ли это прообразомъ солнца Даждьбога, источника свѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ покровителя земледѣлія, слѣдовательно бога обилія и благосостоянія? Вѣдь трудно придумать болѣе подходящую символизацію солнца, согласно первобытному представленію о немъ, какъ о богѣ земледѣлія. Кромѣ того, то обстоятельство, что празднованіе „богача“ болѣе или мѣнѣе совпадаетъ со временемъ осенняго равноденствія, также отчасти указываетъ на принадлежность этого празднества къ солнечному культу, и если это вѣрно то такимъ образомъ заполняется пробѣлъ въ циклѣ праздествъ въ честь солнца. Одно изъ этихъ праздествъ несомнѣнно должно было справляться осенью. Если коляды посвящались зимнему солнцу, масленица и великодни — весеннему, купала — лѣтнему, то было бы не понятно отсутствіе празднества въ честь осенняго солнца, тѣмъ болѣе непонятно и необъяснимо, что въ это именно время первобытный человѣкъ видѣлъ плоды его благодѣтельнаго вліянія.

Надо еще замѣтить, что по-бѣлорусски слово „богачъ“ не употребляется въ томъ смыслѣ, какъ въ русскомъ языкѣ — въ смыслѣ богатый человѣкъ. Въ этомъ смыслѣ бѣлоруссы употребляютъ „богатыръ“ или при-

лагательное —богатый. А „богачъ“ употребляется только въ вышеуказанномъ смыслѣ, т. е. какъ народное названіе Рождества Богородицы и лукошка съ зерновымъ хлѣбомъ и свѣчой; послѣднее, впрочемъ, не всюду называется „богачемъ“.

V.

Олицетвореніе зла.

Вообще человѣкъ субъективенъ, а первобытный человѣкъ въ особенности. Поэтому всѣ явленія внѣшняго міра онъ разсматриваетъ по отношенію ихъ къ самому себѣ и дѣлитъ ихъ на полезныя и вредныя для него, человѣка. На дальнѣйшей ступени своего интеллектуальнаго развитія, когда человѣкъ уже успѣетъ выработать начала нравственности, различеніе добра и зла, онъ склоненъ относить полезное для себя къ болѣе общей категоріи добра, а вредное къ категоріи зла.

Древнимъ славянамъ, какъ народу арійскаго корня, было не чуждо подобное подраздѣленіе; такъ мы встрѣчаемъ у нихъ бѣлъ-боговъ и черно-боговъ, и послѣдніе, вѣроятно, имѣли болѣе или менѣе демоническій характеръ, противились благимъ начинаніямъ бѣлъ-боговъ. Но славяне не стояли на такой высокой степени развитія, чтобы въ ихъ вѣрованіяхъ это раздѣленіе достигло той опредѣленности и того значенія, какъ въ религіи Зороастра. Съ принятіемъ же христіанства боги того и другого порядка еще болѣе смѣ-

шались, ибо съ точки зрѣнія христіанства тѣ и другіе—бѣсы. Однако бѣлоруссы еще и до сихъ поръ дѣлаютъ различіе между домовыми и олицетвореніями стихійныхъ силъ съ одной стороны и между чертями съ другой; по крайней мѣрѣ такое различіе сказывается въ воззрѣніяхъ бѣлорусса на тотъ и другой родъ нечистой силы.

Чортъ—это, такъ сказать, принципіальный противникъ всего благаго, это чистое олицетвореніе зла. И водяной, и лѣшій, и другіе стихійные боги могутъ дѣлать зло, но могутъ и не дѣлать его; а чортъ не можетъ: такова ужъ его натура. Если онъ и дѣлаетъ иногда будто бы добро, такъ это только въ видахъ достиженія большаго зла. Онъ неотступно слѣдитъ за человѣкомъ, норовитъ воспользоваться всякой возможностью, чтобы причинить ему вредъ, ввести его въ грѣхъ, погубить его душу. Онъ внушаетъ человѣку дурныя мысли и поступки. Онъ особенно силенъ и навязчивъ, когда воля человѣка слаба, сознаніе смутно, такъ напримѣръ, когда человѣкъ пьянъ. Тогда чортъ, смѣло выступаетъ на борьбу съ нимъ и не скрывается а принимаетъ свой настоящій видъ. Каковъ же этотъ *настоящій видъ?* Нѣчто вродѣ изображенія сатировъ: на головѣ рога, козлиная бородка, двухкопытныя или однокопытныя ноги, коровій хвостъ, на рукахъ длинныя когти, тѣло покрыто шерстью. Кто изъ чертей поважнѣе, тотъ, вдобавокъ, еще хромъ и горбатъ. Чортъ также часто принимаетъ образъ козла. Въ этомъ видѣ онъ любитъ подшучивать надъ простодушными людьми. Когда разразится гроза или дождь, чортъ

прикинется козликомъ и начинаетъ жалобно блеять. Сердобольный человѣкъ, возметъ его въ полу и несетъ домой, чтобы отогрѣть. А чорту только этого и надо: съ крещеной душой ему безопаснѣй отъ грома, да и пріятно заставить человѣка поднести себя. Чѣмъ дальше идетъ человѣкъ, тѣмъ козликъ становится тяжеле. Человѣкъ, изнемогая подъ тяжестью, еле дышетъ, а козлика жаль бросить—такъ онъ жалобно блеетъ. Но вотъ уже и домъ. Тутъ козликъ, выпрыгнувъ изъ полы, расхохочется дикимъ голосомъ, сдѣлаетъ неприличіе—и только его видѣли.

Чортъ любитъ сбивать путниковъ съ дороги, сбрасывать колеса съ осей во время ѣзды, заводить пьяныхъ въ болота или въ проруби.

Черти бываютъ бо́льшаго и меньшаго калибра, по величественнаго образа сатаны, какъ онъ рисуется воображенію поэтовъ, народъ не знаетъ: бѣлорусскій чортъ вообще мелкотравчатый. Мы уже говорили, что болѣе могущественными чертями считаются тѣ изъ нихъ, которые хромы и горбаты. По поводу пріобрѣтенія ими этихъ уродствъ существуетъ преданіе, что черти когда-то воевали съ ангелами, были побѣждены ими и сброшены съ неба на землю. Летѣли они, какъ черная туча, какъ снѣгъ, летѣли долгое время. Мелкіе черти во время паденія отдѣлались сравнительно дешево—получили легкіе ушибы и только; а крупные, какъ болѣе тяжелые, поломали ноги, понабивали горбы. Такъ и остались они навсегда хромыми и горбатыми. Кромѣ того, во время небесныхъ войнъ многіе изъ нихъ получили тяжелыя раны и увѣчья. А глав-

ный чортъ, который всѣми ими продводительствовалъ, былъ закованъ ангеломъ въ цѣпи и посаженъ въ каменную гору *). Когда этотъ чортъ поворачивается въ горѣ или въ ярости начинаетъ рвать цѣпи и метаться, то земля дрожитъ, горы трескаются. Цѣпь его чрезвычайно толста, но каждый годъ грѣхи людей переѣдаютъ ее, какъ ржа желѣзо. Случается, что къ Пасхѣ она становится тонка, какъ волосъ, но все таки держитъ чорта. Лишь только запоютъ «Христосъ воскресе» на пасхальной заутрени, она снова становится такою же толстой, какъ была прежде. Но когда грѣхи людей до того умножатся, что переѣдятъ цѣпь совершенно, тогда будетъ кончина міра: дьяволъ освободится и все разрушитъ; если же люди постараются поменьше грѣшить, то міру и конца не будетъ.

Бѣлорусы воображаютъ, что на днѣ неприступной трясины возсѣдаетъ старшій чортъ и оттуда разсылаетъ подвластныхъ ему чертей для искушенія люда, выслушиваетъ отчеты о ихъ дѣятельности, подаетъ имъ совѣты, какъ достичь болѣе успѣшныхъ результатовъ, и наказываетъ лѣнивыхъ. Между ними существуетъ довольно длинная іерархія, но честности въ ихъ средѣ нѣтъ и въ поминѣ; напротивъ, подчиненные всячески норовятъ обмануть начальниковъ, увильнуть отъ заданной работы, особенно если она тяжела и непріятна, и избѣжать наказанія. Такія черты ихъ характера сплошь и рядомъ встрѣчаются въ тѣхъ бѣлорусскихъ сказкахъ, гдѣ фигурируютъ черти. Пред-

*) Этого чорта нерѣдко называютъ *цмокомъ*. Цмокъ собственно значитъ драконъ.

полагаются у нихъ и половыя и возрастныя различія: есть черти, чертовки и чертенята. Однако чортъ не прочь вступить въ половую связь и съ обыкновенной смертной. Отъ такого общенія рождаются чудовища и уроды, не имѣщіе никакого подобія человѣческаго. Тотчасъ же послѣ рожденія они исчезаютъ съ визгомъ и хохотомъ.

Чортъ—источникъ зла на землѣ. По космогоническому преданію, широко распространенному въ Бѣлоруссіи, онъ, участвуя въ созданіи земли, внесъ въ нее все злое.

Вотъ это преданіе.

Въ началѣ вода покрывала землю. Богъ приказалъ чорту нырнуть на дно и достать оттуда горсть земли. Чортъ спустился на дно, захватилъ горсть земли, но не всю отдалъ Богу, а спряталъ часть во рту. Богъ взялъ въ руки горсть земли, благословилъ ее и бросилъ на воды,—и земля стала расти, расширяться, покрывать воду гладкимъ и ровнымъ, какъ токъ, слоемъ. Но стала расти и та земля, что была у чорта во рту, стала раздирать ему ротъ. Чортъ, корчась отъ боли, сталъ кататься по землѣ и выплевывать изо рта землю. Долго онъ катался такъ и плевалъ. Оттого поверхность земли сдѣлалась гористой, и земля мѣстами отравилась чортовой слюной. Поэтому, когда Богъ, подготовляя землю для человѣка, посѣялъ жито (рожь), пшеницу, ячмень, просо, яблони, груши и цѣлебныя травы, то мѣстами выросъ пырей, «кастеръ», лебеда, блекотъ (бѣлена), застыръ (терновникъ) и всѣ другія вредныя растенія. Потомъ

Богъ создалъ полезныхъ животныхъ: лошадей, коровъ, овецъ, собакъ... Но нѣкоторыя изъ нихъ, не умѣя различать полезныхъ травъ отъ вредныхъ, наѣлись ядовитыхъ и превратились въ волковъ, россомахъ, медвѣдей и прочихъ вредныхъ животныхъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока животныя не научились различать полезныя травы отъ ядовитыхъ. Слѣпилъ Богъ изъ глины человѣка, дохнулъ на него, и человѣкъ зашевелился, ожилъ. Чортъ это все видѣлъ. Онъ улучилъ минуту, когда человѣкъ спалъ, дохнулъ на него,—и вселился въ человѣка также и злой духъ, и человѣкъ получилъ склонность ко злу.

(М. Холопенчи, Борисовск. уѣзда)

Этотъ разсказъ циркулируетъ въ Бѣлоруссіи въ нѣсколькихъ варіантахъ; мы выбрали самый типичный, въ которомъ наиболѣе ясно и послѣдовательно проведена идея, что все зло на землѣ отъ чорта. Но не довольствуясь этимъ исконнымъ зломъ, онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы его увеличить, чтобы больше и больше причинять вреда людямъ, чтобы въ концѣ погубить ихъ души. Въ этомъ отношеніи и сами люди являются ему ревностными пособниками, вступая въ связь съ нечистой силой.

VI.

Сообщники нечистой силы.

Въ любой мѣстности Бѣлоруссіи вамъ укажутъ людей обоего пола, которые, какъ говорятъ бѣлоруссы, „знаютца зъ нечистикомъ, свояки чорту, свою душу ему запродали“. Называютъ ихъ разно: чаро*у*никами и чаро*у*ницами, (иногда, по рѣдко, колдунами), знахарями и знахарками, ворожбитами, вѣдзьмаками и вѣдзьмами, во*у*кулаками и пр. Всѣ эти названія упоминаются въ памятникахъ нашей древней письменности, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ другихъ, несохранившихся въ современномъ бѣлорусскомъ говорѣ, какъ напримѣръ—кудесникъ, волхвъ, вѣщая женка. Въ этихъ памятникахъ они употребляются какъ синонимы: вѣдунъ, знахарь, колдунъ, кудесникъ—все это названія, указывающія на *высшее вѣдѣніе*. Такъ называли людей одаренныхъ необыкновенною мудростью, даромъ предвидѣнія, пророчества, поэтическаго творчества, обладающихъ знаніемъ священныхъ заклятій, жертвенныхъ и очистительныхъ обрядовъ, умѣньемъ совершать гаданія и врачевать недуги. Въ настоящее время народъ дѣлаетъ нѣкоторыя различія между этими назва-

ніями, смотря по тому, съ какого рода нечистой силой имѣютъ дѣло данные чаровники, съ какою цѣлью употребляютъ они свое таинственное знаніе и по другимъ причинамъ. Быть вѣдьмой, вѣдьмакомъ, вовколакомъ, съ точки зрѣнія бѣлорусса, болѣе предосудительно, чѣмъ быть просто чаровникомъ: разные чаровники бываютъ. Вѣдьмой, вѣдьмакомъ, вовколакомъ бѣлоруссы ругаются, какъ чѣмъ-то позорнымъ, но этого не замѣчается относительно слова чаровникъ, ворожбитъ и знахарь. Слыть знахаремъ даже почетно. Знахари и знахарки употребляютъ свои познанія больше на пользу ближняго, а вѣдьмаки и вѣдьмы почти никогда. Чаровникомъ называютъ вообще того, кто умѣетъ совершать *чары*, то-есть такіе суевѣрные, таинственные обряды, заклинанія, которымъ подчиняются стихійныя и другія силы. Впрочемъ, не всякій чаровникъ умѣетъ совершать *всѣ* эти чары, а только тотъ, который душу чорту продалъ. Большинство же изъ нихъ знаютъ только что-нибудь одно. Въ этомъ и различіе между большими, «важными», «настоящими» чаровниками и малыми, узкими спеціалистами.

Профессіональное колдовство. Въ послѣднемъ смыслѣ считаются чаровниками тѣ люди, которые по своимъ знаніямъ поставлены въ близкое общеніе съ тою или другою стихіею, каковы кузнецы, мельники, лѣсники, пастухи, пасѣчники, пивовары и др. Предполагается, что каждый изъ нихъ хорошо изучилъ свойства той „нечистой силы“, съ которой приходится имѣть дѣло вслѣдствіе своей профессіи. Плохъ былъ бы тотъ мельникъ, который не зналъ бы, какъ уго-

дить водяному; или тотъ пастухъ, который не умѣлъ бы изгнать хлѣвника. Поэтому мельника съ „вѣтрака“ приглашаютъ лѣчить „подвѣй“ (параличъ); мельники съ водяныхъ мельницъ умѣютъ „дать воды“, т. е. нашептывать на воду заговоры для излѣченія болѣзней или съ цѣлію насыланія ихъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, опираясь на помощь своего нечистика, могутъ производить чары, не относящіяся прямо къ предмету ихъ профессіи. А при томъ никто, конечно, не воспрещаетъ, наприм., мельнику, изучить ремесло лѣсника или ворожбита, онъ можетъ быть и вовкулакомъ, и жена его можетъ быть отличной вѣдьмой. Но все это необязательно. А вотъ угодить водяному, чтобы онъ давалъ постоянно достаточное количество воды, чтобы мельница не стояла, когда много „завозу“, — все это мельникъ долженъ знать или пусть не берется не за свое ремесло. И мельникъ съ вѣтряной мельницы долженъ умѣть „запречь вѣтеръ“ и, само собою разумѣется, тѣхъ духовъ, которые производятъ вѣтеръ, вихрь, бурю и т. п. Онъ долженъ все предусмотрѣть: не пасловать вѣтра, чтобы тотъ не разсердился и на долго не улегся; долженъ умѣть вызвать его въ затишье, когда надо молоть, а также умилостивить бурю, чтобы она не поломала мельничныхъ крыльевъ.

Опытный мельникъ съ водяной мельницы, при первыхъ заморозкахъ, когда вода покрывается тонкой скорлупой льда, опускаетъ водяному подъ колесо кусокъ сала, „кабъ колесы не скрипѣли“, какъ объяснялъ это старый мельникъ, Григорій Порѣцкій (Хо-

лонецичи, Борисовск. уѣзда); а когда убиваютъ свинью, то бросаютъ и цѣлое стегно. Впрочемъ, неразборчивый водяной иногда довольствуется и частью свиныхъ кишекъ, покрытыхъ кишечнымъ жиромъ. Не принеси мельникъ этой жертвы водяному, то не наберешься смазки для колесъ: водяной будетъ вылизывать ее изъ буксъ и слизывать съ осей, а кромѣ того и бѣдъ можетъ причинить не мало.

Мельникъ съ вѣтрака, чтобы поднять затихшій вѣтеръ, взбирается на «шашку» своей мельницы и бросаетъ горстями муку „на *узвѣй* вѣцеръ“, какъ говорятъ бѣлоруссы.

Лѣсникъ, въ свою очередь, долженъ умѣть умилостивить лѣшаго, а не то онъ можетъ наслать на него какого нибудь опаснаго звѣря, который, чего добраго, можетъ поранить или растерзать. И вотъ, въ искупленіе себя, взамѣнъ своего тѣла, лѣсникъ добровольно приноситъ часть его въ жертву лѣшему,— часть, впрочемъ, самую безобидную.

Замѣнять цѣлое частью въ такихъ случаяхъ—дѣло обычное у некультурныхъ народовъ. Такъ нѣкоторыя дикія племена, избивавшія въ прежнія времена на могилахъ своихъ вождей ихъ женъ и рабовъ для загробныхъ услугъ, теперь допускаютъ нѣкотрый компромиссъ въ этомъ отношеніи; именно выбиваютъ обреченнымъ по одному зубу или отрѣзываютъ мизинцы, волосы, ногти и бросаютъ въ могилу.

Такъ поступаютъ и наши «знающіе на рѣчахъ» лѣсники. Отправляясь на Благовѣщеніе въ лѣсъ, они несутъ съ собою кусокъ хлѣба съ солью; въ него вти-

скиваютъ немного своихъ волосъ, а иногда и ногтей. Придя на опушку лѣса, становятся лицомъ къ востоку и приговариваютъ, кружа хлѣбъ около головы:

Усю зиму морозы трещали,
Бури выли, вѣтры шумѣли,
Сосны и ели скрыпѣли;
Ваўки хадзили, галаснли—
Ѣсьци праспли:
Чи ты дай голову авеччу,
Чи чалавѣччу.
На святое Благавѣщенпя
Уси звяры на вырай пашли;
Ваўки выюць, свипьни стогнуць,
Мядзвѣдзи мармочуць,
Зубами скрыгочуць,
Ѣсьци хочуць:
Чи ты дай галаву авеччу,
Чи чаловѣччу!

— Досыць манхъ валасоў! — трижды восклицаетъ лѣсникъ, и послѣ этихъ словъ, бросаетъ хлѣбъ, на отмашь, далеко въ сторону. По другому варіанту въ концѣ приговариваютъ: „Апрічь (кромѣ) маей галавы!“

Тутъ будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о заговариваніи ружья.

Бѣлорусскіе крестьяне увѣрены, что искусные лѣсники, благодаря знанію особыхъ заговоровъ, могутъ стрѣлять безъ промаха, могутъ прострѣлить кому нибудь шейный платокъ, не тронувъ шеи, а другимъ могутъ «портить» ружья такъ, что они будутъ «живить»: такимъ ружьемъ какъ ни подстрѣли дичь, а

она улетитъ или убѣжитъ. Иные такъ, дескать, „заговорятъ“ ружье, что послѣ выстрѣла дробь остается въ стволѣ или выстрѣлъ не попадаетъ въ цѣль, или, наоборотъ, весь зарядъ будетъ попадать въ мелкую дичь, такъ что она будетъ никуда негодна.

Опытные люди совѣтуютъ держать дробь во рту, когда заряжаешь ружье, чтобы ее «не заговорили». А при томъ — нужно знать соотвѣтствующіе заговоры. Въ нашемъ распоряженіи имѣется одинъ изъ нихъ:

На синемъ мори,
На боражочку,
На жоутымъ пясочку,
Стоитъ дубъ зяленый,
Къ зямлѣ пахиленый.
А съ того дуба
Якъ узнималися
Шуры да буры,
Вѣтры кавуры (?);
Якъ напасили
Гяусцоу (глухарей), цяцерекъ,
Гусей и вутокъ,
Малаго птаства,
Якъ цемной хмары (тучи);
Якъ нагаяли
Лисицъ и зайцоу,
Ласей и дзикоу (кабановъ)
Мнѣ на потребу
(Или — Сколькн мнѣ треба).
Ой, ляцице пташки
И шѣрыя вутки

Ка мнѣ стральцу - малайцу!
Бѣжице лисицы
И шѣрыя зайцы
На мою стрѣльбу (ружье)!
А моя стрѣльба
Ручепая—вученая,
Кабъ маху не давала,
Усякое живела
На мѣсьти клала.

Этотъ заговоръ произносится, когда входитъ охотникъ въ лѣсъ, чтобы тянула къ нему дичь *).

«*Настоящіе*» *чаровники*. Всѣ указанные нами виды профессіональнаго колдовства, если оно не выходитъ изъ очерченныхъ нами рамокъ, немногими въ Бѣлоруссіи считается дѣломъ предосудительнымъ; напротивъ, большинство смотритъ на все это, какъ на высшее знаніе данной профессіи, существенно необходимое для ея успѣшнаго выполненія. Но чтобы быть заправскимъ чаровникомъ, обладающимъ высшей степенью могущества, нужно продать чорту свою душу. Для этого надо порвать всякую связь съ церковью и совершить нѣчто чрезвычайно кощунственное: во время причащенія не проглатывать св. Таинъ, а удержать ихъ во рту; потомъ вынести ихъ «на розстаньки» (перекрестокъ дорогъ), положить на одномъ изъ крестовъ, которые

*) По части профессіональнаго колдовства кузнецовъ, насѣчниковъ и пр. у насъ не имѣется матеріаловъ; что же касается пастуховъ и колдовства, связаннаго съ ихъ занятіемъ, то мы попутно сообщали о немъ при описаніи обрядовъ изгнанія хлѣвника и празднованія Юрья.

почти всюду въ Бѣлоруссіи ставятся на перекресткахъ, и выстрѣлить въ св. Причастіе. Въ это время, какъ говорятъ, видится Христосъ Распятый.

Можно предполагать, что если на подобный поступокъ и рѣшались, то развѣ только въ глубокой древности, когда христіанство боролось съ язычествомъ. Этимъ актомъ, вѣроятно, знаменовалось отреченіе отъ христіанства и окончательный возвратъ къ прежнимъ вѣрованіямъ, къ прежнимъ богамъ. Нынѣ же почти всюду въ Бѣлоруссіи такъ много распространено разсказовъ о томъ, что большинство стрѣлявшихъ въ Св. Причастіе (если только это когда нибудь дѣлалось) сходили съ ума, превращались въ дикихъ звѣрей и тому подобнымъ подвергались наказаніямъ, что едва ли кто-нибудь рѣшится совершить такое кощунство.

Кто совершитъ такой поступокъ, тому-де до его смерти будетъ служить чортъ, исполнятьвсѣ его приказанія. Что скажетъ такой чаровникъ, то и сбудется.

(По народнымъ воззрѣніямъ, желаніе „очаровать“ кого-нибудь является у чаровника стихійно, непроизвольно, иногда помимо его сознанія. Онъ тогда чародѣйствуетъ, когда „кроу яму вочи залѣць“, когда „нячистая сила къ галавѣ надступиць, у галаву ударыць“,—такъ народъ выражаетъ ту мысль, что чаровникъ дѣйствуетъ какъ бы въ изступленіи, въ полузабытьи. Будучи въ такомъ состояніи, онъ долженъ непремѣнно кого-нибудь „очаровать“. Тогда ему на глаза не попадайся—за ничто пропадешь.)

Извѣстные чаровники пользуются среди населенія наружнымъ почетомъ, въ большинствѣ случаевъ—

неискреннимъ. Во время семейныхъ торжествъ — свадебъ, крестинъ — ихъ сажаютъ на почетныя мѣста, обращаютъ на нихъ исключительное вниманіе, особенно усердно угощаютъ, чтобы не раздражить ихъ и тѣмъ не повредить будущему счастію новобрачныхъ или новорожденнаго. Такое отношеніе къ своей особѣ чаровникъ принимаетъ какъ нѣчто должное, вполнѣ заслуженное и не стѣсняется угрожать хозяевамъ или тому, кѣмъ онъ недоволенъ, что счаруетъ. — "Ну, будзеце жь вы мяне помніць". — „Я вамъ дамся у цямки!" — говоритъ въ такихъ случаяхъ чаровникъ. Присутствующихъ при этомъ охватываетъ страхъ. Навлекшіе неосторожно гнѣвъ одного чаровника, стараются разрѣшить его чары при помощи другого. Бываютъ случаи, что впечатлительные люди, при угрозѣ чаровника повредить имъ, падаютъ въ обморокъ, а иногда серьезно заболѣваютъ первымъ разстройствомъ. Это еще болѣе увеличиваетъ славу чаровника и вселяетъ суевѣрный страхъ къ нему.

Вѣдьмы и вовколаки. Мы уже имѣли случай упомянуть, что, изъ числа сообщниковъ нечистой силы, самой дурной репутаціей среди бѣлоруссовъ пользуются вѣдьмы. Это, во-первыхъ, объясняется тѣмъ, что вѣдьма, по понятіямъ народа, — чортова любовница, что она находится въ непосредственной связи именно съ чортомъ, а не съ какою-нибудь другою, болѣе безобидною, нечистой силою. Во-вторыхъ, въ Бѣлоруссіи были порѣдкостью, даже въ прошломъ вѣкѣ, публичныя сожженія вѣдьмъ, что, несомнѣнно, должно было ухудшать ихъ и безъ того дурную славу въ народѣ.

Правда, въ Бѣлоруссіи формально не существова-

ло священной инквизиціи и потому сожженія вѣдьмъ производились не въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ и обставлялись далеко не такъ торжественно, какъ въ Западной Европѣ; но и того, что по этой части творилось у насъ, было достаточно, чтобы произвести сильное впечатлѣніе на умы. Насколько проста была у насъ процедура этихъ изувѣрческихъ актовъ, видно изъ письма управляющаго имѣніемъ графа Тышкевича, письма, относящагося къ половинѣ прошлаго столѣтія. Вотъ что пишетъ нашъ доморощенный инквизиторъ:

„Ясновельможный панъ! Съ возвращающимися крестьянами доношу, что съ вашего позволенія сжегъ я шесть чаровницъ: три сознались, а остальныя — пѣть. Двѣ изъ нихъ престарѣлыя, третья тоже лѣтъ пятидесяти, да къ тому же одиннадцать дней онѣ всѣ просидѣли у меня подъ чаномъ, такъ, вѣрно, и другихъ заколдовали. Вотъ и теперь господская рожь въ двухъ мѣстахъ заломана. Я собираю теперь съ десяти костеловъ святую воду и буду на ней варить кисель: говорятъ, непремѣнно всѣ колдуны прибѣгутъ просить киселя; тогда еще будетъ мнѣ работа! Вотъ и г. Эпернетти, по нашему примѣру, сжегъ женщину и мужчину... Этотъ несчастный ни въ чемъ не сознался, за то женщина созналась во всемъ и съ великимъ отчаяніемъ пошла на тотъ свѣтъ *)“.

Авторъ этого письма, какъ видите, говоритъ о сожженіи восьми человѣкъ, какъ о дѣлѣ самомъ простомъ, самомъ заурядномъ, ни на минуту, повидимому,

*) Аѳанасьевъ. Поэтич. возр. слав. на прир., т. III.

не сомнѣваясь въ своей правотѣ. Судя по этому наивному тону, отъ котораго вѣетъ безсознательной жестокостью, холоднымъ ужасомъ, немногое требовалось, чтобы попасть на костеръ ..

Почва, которая порождала столь печальныя явленія, какъ вѣдовство и многочисленные процессы вѣдьмъ, и у насъ, и въ западной Европѣ, была одна и та же. Это, во-первыхъ, повальное невѣжество, благодаря которому и въ высшихъ и въ низшихъ слояхъ народа упорно держались остатки древнихъ вѣрованій; во-вторыхъ, чрезмѣрное закрѣпощеніе крестьянъ. Крѣпостное состояніе давило народъ экономически, держало его въ постоянной нищетѣ, изнуряло непосильнымъ трудомъ... Оно особенно тяжело отзывалось на положеніи женщины, во-первыхъ, потому, что она физически слабѣе мужчины, а во-вторыхъ потому, что она была закрѣпощена вдвойнѣ: и мужу, и помѣщику. Чрезмѣрный трудъ, горе, болѣзни въ конецъ расшатывали организмъ женщины. На этой почвѣ легко возникало нервное разстройство, которое проявлялось въ разныхъ формахъ и при томъ дѣйствовало заразительно, какъ напримѣръ, кликушество. Понятно, что могли являться такіе люди, которые въ силу особаго болѣзненнаго состоянія своей нервной системы, воображали, что они дѣйствительно находятся въ общеніи съ дьяволомъ.

Но обратимся къ народнымъ воззрѣніямъ на вѣдьмъ.

Благодаря своей любовной связи съ чортомъ, вѣдьма научилась отъ него колдовству, узнала таинственныя свойства нѣкоторыхъ травъ и кореньевъ. Прибавляя

къ этимъ травамъ лисичье сердце *) и кошачью печень, причитывая извѣстныя ей заклинанія, она вывариваетъ изъ нихъ волшебную жидкость, которая имѣетъ свойство придавать вѣдьмѣ молодость и чудную красоту или же, не измѣняя ея внѣшности, сообщаетъ ей необыкновенную привлекательность, совершенно неотразимую для простого смертнаго. Кромѣ того, когда выпьетъ вѣдьма добытую ею чудесную жидкость, то становится легкою, какъ пухъ, и можетъ носиться по воздуху, или «по вѣтру», какъ говорятъ бѣлоруссы. Такъ летаетъ вѣдьма на таинственныя бѣсовскія игрища, шабаши, которые совершаются почью, гдѣ-нибудь на высокой горѣ (такая гора, отъ соприкосновенія съ нечистой силой, становится „лысой“). Главный шабашъ происходитъ одинъ разъ въ году, въ самую бурную ночь между Ильинымъ и Успеньевымъ днемъ. Эта ночь почему-то называется *рябиновой*, *воробьиной*, иногда, но рѣдко, *громовой*. Страшный громъ, непрестанная молнія отличаютъ ее отъ другихъ ночей. И вотъ подъ грохотъ грома, ослѣпительный блескъ молніи, завываніе бури слетается нечистая сила на свой годовой праздникъ. Далѣе этого народная фантазія не идетъ. Ничего напоминающаго «Черную обѣдню» въ памяти бѣлоруссовъ не сохранилось.

Кромѣ полового общенія съ сатаной и очаровыванія мужчинъ, вѣдьмы еще отбираютъ у чужихъ коровъ молоко (вѣдьмы-коровницы), *заламываютъ заломы* во

*) Между прочимъ, лисичье сердце считается вѣрнѣйшимъ средствомъ отъ пьянства. Сердце сушатъ, размельчаютъ въ порошокъ, настаиваютъ его на водкѣ и даютъ пить пьяницамъ.

ржи на неурожай, на болѣзнь и смерть людей, на падежъ скота. Онѣ могутъ сглазить беременную женщину, могутъ своимъ взглядомъ убивать плодъ въ утробѣ матери и тѣмъ производить выкидышъ; онѣ тайно выкрадываютъ младенцевъ у роженицъ. Вѣдьма также можетъ оборачиваться въ сороку и черную кошку.

Послѣднее свойство вѣдьмы — оборотничество — роднитъ ее съ такъ называемыми въ Бѣлоруссіи *воукулаками*.

Вовкулакъ — это человѣкъ, превращающійся въ волка. Въ волчьемъ видѣ онъ пожираетъ и людей и скотъ. Такой волкъ-оборотень чрезвычайно кровожаденъ и поэтому опасенъ. Ростомъ онъ больше обыкновеннаго волка; особенно велика у него голова; у него четыре глаза: два на лбу, два на затылкѣ, такъ что онъ видитъ во всѣ стороны.

Чтобы скинуться волкомъ, нужно трижды перевернуться черезъ ножъ, воткнутый въ землю, произнося при этомъ особое заклятіе. Но его-то намъ никто и не могъ сообщить.

Когда такой волкъ вдоволь напьется человѣческой крови и захочетъ снова стать человѣкомъ, онъ долженъ трижды перевернуться черезъ тотъ же ножъ, но въ обратную сторону. А если кто нибудь подстережетъ эти превращенія и, въ отсутствіи вовкулака, выдернетъ ножъ изъ земли, то вовкулакъ такъ навсегда и останется волкомъ. Впрочемъ, и обыкновеннаго человѣка, силою чаръ, можно превратить въ волка; онъ также волей не волей, будетъ питаться людьми и животными, но когда его станешь травить собаками или хочешь убить, то онъ плачетъ человѣчьими слезами.

Вѣра во всевозможные виды превращеній вообще свойственна міросозерцанію первобытныхъ народовъ. Достаточно вспомнить отраженіе этого вѣрованія въ нашемъ былинномъ эпосѣ, хотя бы въ образѣ Вольги Всеславьича, который научился хитрости-мудрости — сѣрымъ волкомъ рыскать по полю, сизымъ орломъ летать подъ облака, шукой рыбой плавать въ морѣ.

Убѣжденіе въ возможности подобныхъ превращеній основывалось на множествѣ наблюденій, дурно понятыхъ и невѣрно истолкованныхъ. Видѣлъ, напримѣръ, первобытный человѣкъ, что сѣмячко превращается въ растеніе, завязь въ плодъ, яйцо въ птицу; онъ видѣлъ окаменѣлыя деревья и еще много подобныхъ примѣровъ, которые должны были укрѣплять его въ мысли, что переходъ изъ одного состоянія въ другое — дѣло возможное. Въ самомъ дѣлѣ, если зерно превращается въ растеніе, завязь въ плодъ, яйцо въ птицу, дерево въ камень, то почему человѣкъ не можетъ превратиться въ волка, въ кошку, въ сороку? На этотъ вопросъ первобытный человѣкъ, не знающій границъ, гдѣ кончается возможность превращеній, долженъ былъ отвѣчать утвердительно.

Это первобытное воззрѣніе сохранилось, въ извѣстной степени, въ міросозерцаніи бѣлоруссовъ и до нашихъ дней.

Ворожбитки и знахарки. Въ Бѣлоруссіи гораздо больше встрѣчается ворожбитокъ, чѣмъ ворожбитовъ, и знахарокъ, чѣмъ знахарей. Эти люди хотя и причисляются къ сообщникамъ нечистой силы, но тѣмъ не

менѣе пользуются въ народѣ искреннимъ почетомъ и уваженіемъ, особенно тѣ изъ нихъ, которые избрали своею спеціальностью исключительно врачеваніе болѣзней и разрушеніе колдовства другихъ. Они хотя и прибѣгаютъ къ нашептываніямъ и другимъ таинственнымъ дѣйствіямъ, но также знаютъ и довольно раціональные способы и средства лѣченія болѣзней: вправляютъ вывихи, связываютъ поломы костей, выравниваютъ у маленькихъ дѣтей искривленія ногъ, позвоночника и др.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторые знахарскіе средства лѣченія болѣзней. Насколько они, эти средства, раціональны—судить не беремся, предоставляя это людямъ, болѣе насъ компетентнымъ въ медицинѣ.

Средства противъ лихорадки. Мелко изрубленныя листья полыни смѣшиваютъ со свѣжимъ хлѣбомъ; изъ этой смѣси катаютъ шарики величиною съ грецкій орѣхъ или немного поменьше и даютъ ихъ глотать больному.

Иногда даютъ больному ѣсть полынь въ чистомъ видѣ, безъ всякихъ примѣсей.

Не менѣе дѣйствительнымъ средствомъ отъ той же болѣзни считается сердцевина подсолнечника, очищенная отъ коры и высушенная на солнцѣ. Ее толкутъ въ порошокъ и даютъ больному приблизительно столовую ложку этого порошка, размѣшавъ его въ полустаканѣ воды.

Отъ *ревматизма* и *ломоты въ костяхъ*, кромѣ натиранія камфорой, употребляется корень цикуты. Его сушатъ, толкутъ въ порошокъ, который смѣши-

ваютъ со свѣжимъ коровьимъ масломъ, и этой смѣсью натираютъ больныя мѣста.

Ломоту въ костяхъ лѣчатъ посредствомъ втиранія медвѣжьяго жира; больное мѣсто, послѣ каждаго втиранія обвязываютъ заячьей шкуркой, шерстью внизъ.

При ломотѣ въ спинѣ или плечахъ натираютъ больное мѣсто мелко-истертымъ хрѣномъ или рѣдькой. Это натираніе производится въ банѣ, въ сильномъ духу.

Въ самый разгаръ полевыхъ работъ многіе крестьяне, истомленные чрезмѣрнымъ трудомъ, жалуются обыкновенно на боль и ломоту во всемъ тѣлѣ, особенно въ сочлененіяхъ костей. Причиной этой боли они считаютъ застой крови. Для оздоровленія они парятся и натираются въ банѣ, въ сильномъ духу, крапивой-жигучкой, такъ что все тѣло покрывается волдырями. Это средство считается радикальнымъ и предпочитается постановкѣ рожковъ и піявокъ.

Отъ *чахотки* и другихъ *грудныхъ болѣзней*. Кладутъ телячьи легкія (отъ одного теленка) въ глазированный горшокъ, прибавляютъ туда фунтъ свѣжаго коровьяго масла и фунтъ меду-липцу. Горшокъ герметически закупориваютъ, обмазывая крышку тѣстомъ, и ставятъ на цѣлыя сутки въ жарко-натопленную печь. Образовавшуюся въ горшкѣ жидкость даютъ больному 3 раза въ день по столовой ложкѣ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ собираютъ смолистые молодые отростки сосны, которые въ народѣ называютъ шишками. Ихъ сушатъ на солнышкѣ и, по мѣрѣ надобности, кипятятъ въ водѣ. Получившійся настой, когда онъ остынетъ, пьютъ по два, по три стакана въ день.

Съ тою же цѣлью собираютъ смолу-живицу (для этого нарочно очищаютъ отъ коры сосны съ солнечной стороны); ее кладутъ въ бутылки, наливаютъ криничной водой и ставятъ на солнцѣ. По истеченіи, приблизительно, недѣли спиваютъ настой изъ первой бутылки и вновь наливаютъ ее, потомъ изъ второй и такъ до послѣдней (бутылокъ бываетъ отъ 5 до 7). Затѣмъ снова принимаются за первую и т. д.

Послѣднія два средства считаются не только излѣчивающими чахотку, но и вызывающими аппетитъ, придающими здоровый цвѣтъ лицу, вообще оздоравляющими.

Кромѣ того, отъ грудныхъ болѣзней практикуютъ слѣдующее средство. Кипятятъ въ молокѣ, а при недостаткѣ молока и въ водѣ, высушенные корни пырея. Пьютъ три или два раза въ день по стакану или по полстакана.

Также совѣтуютъ чахоточнымъ пить настой на бобовникѣ (болотное растеніе) или же полынной водки по полрюмки въ день.

Геморрой лѣчатъ ваннами, при чемъ въ ванну вливаютъ отваръ «двиносила», а больному, прежде чѣмъ садиться въ ванну, привязываютъ горячій кирпичъ къ крестцу.

Отъ *золотухи* даютъ пить настой на «чистецѣ» (чистотѣлѣ). Его же варятъ въ водѣ и отваръ вливаютъ въ ванну, которую приготовляютъ для больного разъ десять черезъ день.

Худосочнымъ дѣтямъ даютъ сосать несоленое свиное сало.

Болѣзнь, называемую въ народѣ „жоутачкой“, причину которой приписываютъ *разлитію желчи*, знахарки лѣчатъ довольно оригинальнымъ средствомъ. Изъ куринаго кала выдѣляютъ бѣлыя части, толкутъ и смѣшиваютъ наполовину съ мѣломъ; составленный такимъ образомъ порошокъ всыпаютъ въ воду и пьютъ. Понятно, что своимъ пацiентамъ знахарки не говорятъ, какое лѣкарство онѣ даютъ имъ. Какъ ни странно это средство, но мы должны сказать, что видѣли нѣсколькихъ больныхъ разлитiемъ желчи, употреблявшихъ это средство и излѣчившихся.

Мелко-истолченная сѣра, смѣшанная съ жиромъ, употребляется какъ средство противъ *чесотки*. Больной влѣзаетъ въ теплую печь и тамъ натирается этой мазью.

Чесоточныхъ также купаютъ въ очищенномъ дегтѣ.

Если кого нибудь укуситъ гадюка за руку или за ногу, то укушенный членъ перевязываютъ, чтобы остановить движенiе зараженной крови, и къ распухшему мѣсту прикладываютъ брюхомъ живыхъ лягушекъ.

Сильные *ожоги*, а равно отмороженные члены лѣчатъ слѣдующимъ способомъ. Изъ созрѣвшаго плавуна вытряхиваютъ желтую пыль и этой пылью посыпаютъ пораженныя морозомъ или обожженныя мѣста, а сверху обвертываютъ полотномъ.

Мы здѣсь привели далеко не всѣ средства, изъ числа извѣстныхъ намъ. Мы имѣли въ виду только дать нѣкоторое понятiе о той сторонѣ знахарства, которая, хотя отчасти намекаетъ на рацiональность. Но

намъ извѣстна незначительная часть знахарскихъ средствъ, вообще многочисленныхъ, которыя еще ждутъ своего изслѣдователя.

Вѣра въ *ворожбу* такъ сильно распространена между бѣлоруссами, что рѣдкій изъ нихъ начнетъ сколько нибудь важное дѣло, не побывавши предварительно у ворожеи. Эта послѣдняя, если она особа умная, пользуясь знаніемъ тайныхъ и явныхъ дѣлъ почти каждаго семейства своей округи, часто довольно большой, имѣетъ возможность давать дѣльные совѣты обращающимся къ ней. Такая ворожея, благодаря превосходному знанію мѣстныхъ дѣлъ, пользуется нерѣдко обширнымъ вліяніемъ на народъ. Конечно, встрѣчаются среди ворожей такія, которыя сознательно обманываютъ темный людъ; но большинство изъ нихъ искренно вѣрятъ въ возможность тѣмъ или другимъ способомъ проникнуть за таинственную завѣсу неизвѣстнаго будущаго. Въ семьѣ автора этой статьи была настолько популярная ворожея, что по праздничнымъ днямъ ея изба была биткомъ набита желающими ворожить. Авторъ былъ поставленъ въ наилучшія условія для наблюденій, какъ эта ворожея относилась къ своему ремеслу, и долженъ сказать, что относилась она съ полной вѣрой, что она была глубоко убѣждена въ существованіе таинственной связи между извѣстными комбинаціями картъ, расположеніемъ линій на рукѣ и прошедшей или грядущей судьбой данной личности. Вмѣстѣ съ тѣмъ она обладала замѣчательной наблюдательностью и какой-то прирожденной, инстинктивной проницательностью, которая болѣе всего содѣйство-

вала ея популярности, какъ искусной гадалки. Эта безсознательная догадливость приводила въ изумленіе всѣхъ домашнихъ *и ее самое*. Помнится, какъ однажды какой-то деревенскій скептикъ, котораго ворожбитка вовсе не знала и окольными путями справокъ о немъ не наводила, захотѣлъ испытать — насколько соотвѣтствуетъ дѣйствительности слава о ея ворожбѣ, и для этой цѣли попросилъ ее погадать о его женитьбѣ, что онъ-де жениться хотѣлъ бы, такъ что̀ ему выйдетъ на картахъ или на черепочкахъ. Но ворожбитка, не гадая, лишь только взглянула на него, отвѣтила: „ты женатъ!“ что и было на самомъ дѣлѣ. Подобныхъ случаевъ встрѣчалось въ ея практикѣ не мало. Безсознательность, инстинктивность такихъ угадываній укрѣпляла ворожбитку въ вѣрѣ, что она орудіе какой-то таинственной силы, проявляющейся чрезъ ея посредство. Между прочимъ, это была натура энергичная, сильная волей и вмѣстѣ съ тѣмъ чуткая, впечатлительная, даже экзальтированная. Внѣшность ея вполнѣ соотвѣтствовала внутренней личности и поэтому производила сильное впечатлѣніе на ея кліентовъ и паціентовъ (она была и лѣкарка). Ея ремесло не мѣшало ей, однако, строго выполнять всѣ церковные обряды, а также тѣ эпитиміи, которыя налагало на нее духовенство на исповѣди, за ворожбу и знахарство. Но не смотря на требованія священниковъ, она не могла оставить своихъ знахарскихъ занятій хотя и считала ихъ дѣломъ грѣховнымъ. Единственный компромиссъ, который она допускала въ этомъ отношеніи — это не гадать въ среду и пятницу и въ установленные церковью

посты; но даже и въ то время „лавала воду“ больнымъ и свои „зелья“. Иногда, впрочемъ, рѣшалась и ворожить въ постные дни, если, по ея мнѣнію, поводъ для ворожбы былъ уважительный, напримѣръ—пропажа у крестьянина лошади или что-нибудь въ этомъ родѣ. При этомъ потерпѣвшій соглашался обыкновенно взять на свою душу грѣхъ.

Въ семьѣ нашей ворожбитки настолько сильна была вѣра въ таинственность ея ремесла, что ни одна изъ дочерей ея не рѣшилась усвоить способы ворожбы и знахарства, когда старуха-ворожбитка, чувствуя близость смерти, предлагала имъ научиться ея искусству.

VII.

Способы лѣченія, основанные на суевѣрныхъ представленіяхъ, и колдовство.

Выше мы знакомили читателя со способами лѣченія, которые составляютъ болѣе или менѣе положительную сторону народной медицины, въ которыхъ проглядываютъ нѣкоторый опытъ, наблюденія. Но на ряду съ этими сравнительно раціональными способами рекомендуются знахарями, а также практикуются самими крестьянами, и такіе способы, которые прямо вытекаютъ изъ сущности фетишистическаго или анимистическаго строя мышленія относительно происхожденія болѣзней. Такъ мы уже говорили о „вогникѣ“,—болѣзни, которая, по мнѣнію бѣлоруссовъ, насылается раздраженнымъ огнемъ, въ отместку за свое осквернение. По всей вѣроятности такое мнѣніе о происхожденіи огника возникло изъ сходства этой накожной болѣзни со струпьями отъ ожеговъ: отъ сходства слѣдствій сдѣлано заключеніе объ однородности причинъ. Перенося, сверхъ того, на огонь свойства своей личности, первобытный человѣкъ объяснялъ ожоги, вѣроятно, тѣмъ, что огонь не любитъ, чтобы къ нему прикасались „голоручь“, что за это онъ

кусается. Про ожегъ и по сей день говорятъ: „укусила жижа“ *). Приведемъ еще примѣръ. Если переходить черезъ круги, начерченные кѣмъ нибудь на землѣ, или ступить на кругъ, оттиснутый днемъ ведра, или же ходить по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ лошадь качалась, то отъ этого пойдутъ по тѣлу лишаи, а на головѣ появятся плѣши. По этой причинѣ совѣтуютъ обходить круги или, еще лучше, сглаживать ихъ, чтобы незнающихъ предохранить отъ болѣзни. Таково народное возрѣніе. Спрашивается, — какимъ образомъ оно могло возникнуть? Намъ кажется, что здѣсь все дѣло именно *въ подобіи, въ уподобленіи*: есть, во-первыхъ, лишаи, имѣющіе форму круга, а во-вторыхъ, то мѣсто, гдѣ качался конь, называютъ плѣшью, подобно тому, какъ плѣшью же называется мѣсто на головѣ, лишенное волосъ стригущимъ лишаемъ. Повидимому для первобытнаго ума было достаточно сходства въ формѣ и въ названіи, чтобы заключить, что кругъ или плѣшь какъ бы перешли съ земли на тѣло того человѣка, который къ нимъ прикасался. Лѣчатъ лишаи такъ. Сначала обводятъ концомъ веретена кружокъ около лишая, чтобы онъ не распространялся далѣе, а затѣмъ обмываютъ его или водой, осѣвшей на окнахъ, или помоями отъ посуды.

Ниже мы еще встрѣтимся съ разными суевѣріями, которыя показываютъ — какое значеніе въ возрѣніяхъ бѣлорусса имѣютъ уподобленія (напримѣръ, лѣченіе

*) Надо замѣтить, что „жижа“ (названіе огня), „зюзя“ (названіе зимы, холода) — употребляются только въ дѣтскомъ языкѣ или, вѣрнѣе, въ разговорѣ взрослыхъ съ дѣтьми

„ячменя“, нарыва на глазномъ вѣкѣ, ячменными зернами и многое другое); теперь же, для полноты картины, напомнимъ читателю, что большинство бѣлорусскихъ заговоровъ построены на фигурахъ уподобленія, напримѣръ: водяные ключи закрывалися, Юрдань-рѣка станавилася: закрыйцися, жилы кровавыя! стань, но цичи, кроу чирвоная!“ или же: рѣка стала — и кроу стань“ и т. д. Подобные обороты такъ часто встрѣчаются, что даютъ основаніе заключить, что именно въ уподобленіи, по мнѣнію бѣлоруссa, и полагается главная сила заговора.

Есть и еще случаи фетишистическаго объясненія происхожденія болѣзней, но господствующее воззрѣніе на причины ихъ грубо-анимистическаго характера. Изъ этихъ воззрѣній можно заключить, что болѣзнь представляется бѣлоруссу, какъ невидимая, но матеріальная сущность, которая можетъ входить въ человѣческое тѣло или обволакивать собою его и тѣмъ причинять боль; или же болѣзнь — это злой духъ, вошедшій въ тѣло во время сна или испуга. Точно также причиной болѣзни можетъ быть „порушенье души“, при которомъ душа, хотя и находится въ тѣлѣ, но не на своемъ настоящемъ мѣстѣ.

Всѣ эти объясненія происхожденія болѣзней логически вытекаетъ изъ анимистическихъ воззрѣній. Если нашъ духъ можетъ входить и выходить изъ тѣла, что, какъ думаютъ дикари, случается во время сна, то почему же не можетъ сдѣлать это и всякій другой духъ? Первобытный человѣкъ не имѣлъ основаній отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно; напротивъ, много

было данныхъ, чтобы отвѣтить на него утвердительно. Его побуждали къ этому характерные признаки многихъ болѣзней, именно болѣзней, сопряженныхъ съ горячечнымъ бредомъ, корчами, судорожными, непроизвольными движеніями, дрожью и т. п. Соображая, что движенія нашего тѣла зависятъ отъ присутствія въ немъ души (послѣ смерти — въ отсутствіи души — тѣло неподвижно) и что въ этомъ случаѣ наши движенія сравнительно цѣлесообразны, болѣе или менѣе разумны, и сравнивая это нормальное состояніе человѣка съ болѣзненнымъ, напримѣръ, когда человѣкъ одержимъ припадками эпилепсіи, лихорадкой, сумашествіемъ и тому подобными болѣзнями, подъ вліяніемъ которыхъ онъ производитъ такія движенія, совершаетъ такіе поступки, которые прямо клонятся къ вреду его и дорогихъ ему людей—изъ всего этого дикарь долженъ былъ заключить, что ихъ производитъ враждебный, злой духъ, вселившійся какимъ-то образомъ въ тѣло больного. При тѣхъ познаніяхъ, которыми обладаетъ дикарь, иного заключенія онъ и не могъ сдѣлать, оставаясь логичнымъ. Напримѣръ, во время сильныхъ приступовъ лихорадки, дикарь употребляетъ всѣ усилія, чтобы не дрожать, не дѣлать судорожныхъ движеній, однако тѣло его трясется, напружинается, его руки и ноги сгибаются, челюсти дрожатъ... Очевидно, что эти движенія производитъ кто-нибудь постороній ему. Часто во снѣ ему приходилось вздрагивать, подпрыгивать... Кто это его подбрасываетъ? Очевидно, не самъ онъ, ибо это было помимо его воли, а кто-нибудь другой. И мало ли въ немъ совершается непроизвольныхъ

движеній? Онъ чихаетъ, икаетъ—все это совершается вопреки его волѣ. Но кто-нибудь производитъ-же эти движенія? И этотъ „кто-нибудь“ невидимъ, неосязаемъ, слѣдовательно—онъ духъ.

Исходя изъ того взгляда, что большинство болѣзней происходитъ отъ вселенія въ человѣка чего-то невидимаго и что это невидимое и причиняетъ болевыя ощущенія; что, затѣмъ, всякая нечистая сила, какъ могущая быть невидимой можетъ вселяться въ насъ и всячески мучить насъ, — человѣкъ дѣлаетъ заключеніе, что тѣ люди, которые находятся въ близкомъ общеніи съ нечистой силой, какъ напримѣръ, разнаго рода чаровники, могутъ насылать всякую „нечисть“ на людей и тѣмъ причинять имъ всевозможныя болѣзни. Такой взглядъ раздѣляютъ и бѣлорусы, и про всякую, сколько нибудь серьезную, болѣзнь говорятъ, что она *сдьлана* кѣмъ-нибудь, что ее тотъ или другой чаровникъ «зрабіу», «поддзѣлаў», «паслаў».

Сообразно съ такимъ мнѣніемъ о происхожденіи громаднаго большинства болѣзней, практикуются соотвѣтственные способы и средства для ихъ излѣченія. Нѣкоторыя болѣзни только хорошій знахарь можетъ вылѣчить, а другія лѣчатся, такъ сказать, домашнимъ порядкомъ: настолько способы лѣченія ихъ популярны.

Если болѣзнь есть нѣкоторая матеріальная сущность, вошедшая въ человѣка, или если ее производитъ поселившійся въ тѣлѣ человѣка какой-нибудь посторонній духъ, то, очевидно, больной только тогда выздоровѣетъ, когда будетъ устранена причина болѣзни, то есть изгнанъ враждебный духъ. Вопросъ — какъ его

изгнать? Самый простой способъ, диктуемый первобытнымъ умомъ, есть способъ, такъ сказать, механическій, подобный тому, какъ, напримѣръ, выгоняютъ воздухъ изъ пузыря, выжимаютъ воду изъ мокрой тряпки и т. п.

И дѣйствительно, такіе чисто механическіе способы широко распространены въ нашей деревенской медицинѣ.

Если болѣзнетворный духъ поселяется въ человѣкѣ, то, надо думать, что всего скорѣе онъ можетъ поселиться въ полостяхъ грудной и брюшной, которыя прямо сообщаются съ внѣшнимъ міромъ. А если это такъ, то всего легче изгнать духа посредствомъ давленія на грудную и брюшную полости, такъ сказать — выжимать его.

Тонтаніе. Такъ и поступаютъ въ бѣлорусскихъ деревняхъ. Кладутъ больного у порога животомъ книзу, а на спину ему становится нарочно выбранный для этой цѣли человѣкъ и трижды слегка подпрыгиваетъ, стоя у больного на спинѣ. Это повторяется три раза подъ рядъ, съ небольшими промежутками. Дѣлается это утромъ и вечеромъ каждый день, пока больной не поправится или не обратится къ другому средству. Тонтаніе больного считается въ бѣлорусской первобытной медицинѣ самымъ первымъ средствомъ противъ всякихъ внутреннихъ болѣзней.

Передъ порогомъ кладутъ больного для того, чтобы вышедшій изъ него духъ нашелъ скорый выходъ изъ избы и не поселился въ комъ нибудь изъ присутствующихъ.

Перворожденные слывутъ наиболѣе пригодными для роли тонтальщиковъ.

Катаніе. На ряду съ топтаніемъ практикуется сродное ему средство — катаніе больного. Оно употребляется особенно тогда, когда болитъ животъ, но не пренебрегаютъ имъ и при головной боли. Больного кладутъ на дерюгу и, взявъ въ руки концы ея, качаютъ его съ конца въ конецъ дерюги.

Растираніе. Также въ ходу растираніе руками больныхъ частей тѣла, особенно живота. Смотря по характеру болѣзни, растираніе производится то сильное, то легкое и притомъ въ разныхъ направленіяхъ. Мы полагаемъ, что и этотъ деревенскій массажъ находится въ связи съ представленіемъ о возможности изгнанія болѣзней путемъ механическаго давленія.

Грызеніе. Наросты на костной ткани, припухлости, вздутіе жилъ, грыжу и тому подобныя болѣзни лѣчатъ посредствомъ легкаго грызенія зубами больного мѣста. Вѣроятно этимъ способомъ думаютъ устранить боль. Знахарки, впрочемъ, губами вдавливаютъ внутрь пупочную грыжу.

Ставленіе горшка. Къ механическимъ средствамъ лѣченія должно быть отнесено и ставленіе горшка на животъ; оно практикуется при болях въ животѣ, при „порушеніи“, т. е. предполагаемомъ перемѣщеніи внутреннихъ органовъ брюшной полости, вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія. Способъ слѣдующій: кладутъ больному на животъ корку хлѣба или небольшую дощечку, на ней зажигаютъ клочекъ льна и покрываютъ печнымъ горшкомъ средней величины. Послѣдующій процессъ понятенъ: происходитъ то же, что и при ставленіи рожковъ, только въ гораздо большихъ раз-

мѣрахъ: иногда животъ вдавливается въ горшокъ до четверти его высоты.

Откидываніе. «Ячмень», небольшой нарывъ на глазномъ вѣкѣ, лѣчатъ особымъ способомъ, который зовется въ народѣ «откидываніемъ». Отсчитываютъ девять ячменныхъ зеренъ и каждое изъ нихъ, предварительно обмахнувъ трижды вокругъ больного глаза, отбрасываютъ наотмашь въ сторону. Потомъ пускаютъ въ избу курицу, чтобы она поклевала эти зерна.

Леченіе болѣзней, происходящихъ отъ испуга. Вздрагиваніе при испугѣ бѣлорусскіе крестьяне объясняютъ тѣмъ, что это „душа выскочить хацѣла". Если испугъ будетъ очень силенъ, то полагаютъ, что душа можетъ отъ этого очутиться „не на мѣстѣ" или совершенно выскочить изъ тѣла. Въ первомъ случаѣ человѣкъ претерпѣваетъ легкое разстройство, а во второмъ можетъ серьезно заболѣть, и такая болѣзнь будетъ сопровождаться горячечнымъ бредомъ, нецѣлесообразными движеніями, галлюцинаціями и т. п.

Это сдѣлалось «съ пуду», «съ переполоху», т. е. отъ испуга, говорятъ бѣлоруссы. Въ первомъ случаѣ, при легкомъ разстройствѣ, практикуется слѣдующее средство. Берутъ четыре горячихъ уголька изъ своего очага и опускаютъ ихъ одинъ за другимъ въ сосудъ съ чистой ключевой водой, и этой водой обмываютъ больного.

Если же болѣзнь болѣе серьезнаго характера, то, чтобы возвратить испуганный духъ, стригутъ понемногу волосъ у тѣхъ лицъ, которыя, по предположенію, могли испугать больного, и тѣми волосами подкуриваютъ

его, заставляя глотать дымъ. Если причиной испуга было какое нибудь животное, то и его стригутъ, и шерстью или перьями подкуриваютъ. Такъ поступаютъ, основываясь повидимому на томъ соображеніи, что вмѣстѣ съ дымомъ войдетъ въ больного его испуганный духъ, который могъ опочить на комъ нибудь изъ бывшихъ при испугѣ или послужившихъ причиной испуга.

Въ Новогрудскомъ уѣздѣ „переполохъ“ лѣчатъ нѣсколько иначе. Тамъ, въ этомъ случаѣ, пускаютъ въ ходъ *выливаніе* и *выпырываніе*,—средства, свойственныя не только одной этой мѣстности, а довольно широко распространенныя, съ разными, впрочемъ, видоизмѣненіями.

Выливаніе. Надо взять воды „съ лотока“, т. е. съ желоба, поддерживающаго крышу, если изба крыта дранкой. Для этого, взобравшись на крышу, льютъ воду на желобъ и тутъ же собираютъ ее, подставивъ горшокъ подъ конецъ желоба. Это продѣлывается нѣсколько разъ. Воду кипятятъ и сыплютъ въ нее золу. Затѣмъ раздѣваютъ больного до гола и льютъ ему воду на макушку или только обмываютъ грудь и животъ, собирая ту же воду въ миску. При этомъ произносится заговоръ:

«Выходь переполохъ изъ ручекъ, изъ ножекъ, изъ всякихъ косточекъ, изъ всякихъ суставочкоў! Можа чяго сполохоўся, можа воўка, чи мядзѣдзя, мо лиса, мо кота, мо сабаки, усякаго звѣра, мо якого дурного чилавѣка». *(Щорсы, Новогрудск. у.)*.

Собранную воду процѣживаютъ чрезъ полотенце,

надѣясь найти въ немъ волосъ того животнаго, которое причинило переполохъ.

Вымѣриваніе. Берутъ клубокъ нитокъ и измѣряютъ больного по всѣмъ направленіямъ и всѣ части тѣла, произнося тотъ же заговоръ, что приведенъ выше. Когда вымѣриваніе окончено, нитку обрываютъ, свертываютъ въ мотокъ и сжигаютъ. Золу отъ нитки сыплютъ въ воду и эту воду даютъ пить больному.

Но испугъ можетъ быть, по мнѣнію бѣлоруссовъ, и хорошимъ врачебнымъ средствомъ, въ тѣхъ именно случаяхъ, когда больной одержимъ злымъ, болѣзнетворнымъ духомъ. Такъ испугомъ лѣчатъ „припадокъ", падучую болѣзнь, и говорятъ, что помогаетъ. Такого больного стараются подкараулить гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, нарядившись предварительно какимъ нибудь страшилищемъ, и стараются возможно сильнѣе испугать эпилептика. Если испугъ будетъ настолько силенъ, что больного сейчасъ же „конецъ припадокъ" (явится пароксизмъ падучей), то больной, какъ увѣрены бѣлоруссы, непремѣнно выздоровѣетъ, и выздоровѣетъ вслѣдствіе того, что отъ испуга изъ него выскочилъ болѣзнетворный духъ.

Сурочы или *урочы.* Глаза нѣкоторыхъ людей, въ особенности черные, и глаза колдуновъ и вѣдьмъ обладаютъ особымъ свойствомъ „взварушиваць душу", тревожить ее, „сурочить", какъ говорятъ въ Бѣлоруссіи. Сурочить (сглазить) можно и взглядомъ и удивленіемъ; послѣднее менѣе вредно, но и „съ подзиву" также приключаются заболѣванія. Для извѣченія „суроцъ" или „подзива" нужно, чтобы тотъ, кто сурочилъ, далъ

изо рта воды, и этой водой обмываютъ больного. Но если не знаютъ опредѣленно, кто бы могъ сурочить, то даютъ изо рта воду всѣ домашніе и тѣ люди, которые видѣли въ послѣднее время заболѣвшаго.

Вода дается такъ: наливаютъ въ миску чистой воды (предпочтительно—криничной) и поочередно набираютъ этой воды въ ротъ и выпускаютъ ее изо рта обратно въ миску; это дѣлается трижды.

Можно сурочить невольно, и бѣлорусы, при чьемъ нибудь удивленіи, высказываемомъ по поводу человѣка или животнаго, говорятъ: „соль табѣ у вочи, галавешка у зубы“. Этимъ замѣчаніемъ они думаютъ предохранить предметъ удивленія отъ опасныхъ послѣдствій сурочонья.

Лѣченіе лихорадки. „Трасца“, или лихорадка, какъ извѣстно, характеризуются дрожью, судорожными движеніями и т. п., т. е. такими признаками, которыя, по мнѣнію бѣлорусскихъ крестьянъ, отличаютъ болѣзни, производимыя враждебными духами, вселившимися въ человѣка. И лѣченіе этой болѣзни строго-послѣдовательно направляется къ изгнанію предполагаемой причины ея, т. е. болѣзнетворнаго духа.

Принимая во вниманіе, что желанія, высказываемыя больнымъ,—не его желанія, а болѣзнетворнаго духа, и что, слѣдовательно, исполняя эти желанія, мы только поблажали бы болѣзни и тѣмъ дѣлали бы пріятнымъ для нея пребываніе въ тѣлѣ больного, рекомендуется поэтому поступать какъ разъ наоборотъ, т. е. дѣлать противное волѣ больного. А чтобы сдѣлать пребываніе трасцы въ организмѣ человѣка

рѣшительно невыносимымъ для нея, совѣтуютъ выкуривать ее чѣмъ нибудь особенно вонючимъ. Она особенно не любитъ дыма сухихъ дождевиковъ; ими-то и совѣтуютъ раза три въ день подкуривать больного.

Вообще нужно замѣтить, что всевозможныя подкуриванія, какъ врачебное средство, въ большомъ ходу въ Бѣлоруссіи.

Лѣченіе „сцѣни“. Теперь намъ предстоитъ ознакомиться съ новымъ способомъ врачеванія, примѣняемаго къ особой болѣзни, которую бѣлорусскіе знахарки называютъ „сцѣнь“, что значитъ — тѣнь.

Какъ пониманіе этой болѣзни, такъ и способъ ея лѣченія находятся въ тѣсной связи съ тѣмъ первобытнымъ воззрѣніемъ, что тѣнь — это наше второе „я“, совершенно самостоятельная сущность, которая можетъ отъ насъ отдѣляться, которую мы можемъ потерять и, наконецъ, которую колдуны могутъ у насъ похитить. Словомъ, тѣнь, въ глазахъ дикаря, та же душа. И бѣлорусскіе крестьяне раздѣляютъ это мнѣніе, свойственное первобытному состоянію ума, какъ равно и то, что люди, продавшіе чорту душу, порою не имѣютъ тѣни. Отсюда понятно, что если лишиться тѣни, а тѣмъ болѣе вмѣсто своей получить чужую, да еще злую, враждебную, то человѣку не сдобровать: онъ непремѣнно заболѣетъ. Такъ какъ у „нечистика“ есть въ запасѣ много тѣней, принадлежавшихъ намъ, грѣшнымъ людямъ, колдунамъ, чаровникамъ, то онъ и посылаетъ эти тѣни мучить людей. Ихъ также насылаютъ и колдуны.

„Сцѣнь“ характеризуется горячечнымъ бредомъ и

галлюцинаціями, такъ что, по выраженію знахарей, человѣкъ, «ажъ на сцѣну дзяретца». Такого больного выносятъ въ солнечный день на дворъ, кладутъ навзничь на широкую доску, заранѣе приготовленную, и очерчиваютъ углемъ ту тѣнь, которую онъ отбрасываетъ на доскѣ. Иногда обрѣзываютъ пилой тѣ части доски, которые выходятъ за предѣлы очертанія тѣни, но это не строго соблюдается. Эту доску съ очертаніемъ на ней тѣни потопляютъ въ криницѣ, съ приговоромъ: „кабъ ты не ворочалася, кабъ ты утапилася". Когда возвращаешься домой послѣ потопленія тѣни, нельзя осматриваться назадъ. Иногда сжигаютъ тѣнь (вѣрнѣе—ту доску, на которой она была очерчена) въ печи или такъ гдѣ-нибудь: на дворѣ, на огородѣ.

Подвой и его лѣченіе. Параличъ бѣлорусы зовутъ *подвоемъ*. По ихъ понятіямъ,эту болѣзнь производитъ тотъ духъ, который кружится въ вихрѣ. Лѣченіе этой болѣзни относится къ тому виду волхрованія, которое церковныя поучительныя слова и помоканоны осуждали подъ именемъ „паузъ".

Знахарь или знахарка сучитъ предварительно длинную нитку изъ дикой конопли или крапивы. Больного сажаютъ передъ топящейся печью; потомъ начинаютъ просить подвѣй, чтобы онъ оставилъ больного въ покоѣ; отъ просьбъ переходятъ къ угрозамъ, что если онъ, подвѣй, не оставитъ больного, то его силой свяжутъ и сожгутъ. Но такъ какъ со стороны подвѣя „ни гласа, ни послушанія", то и приступаютъ къ его связыванію. Знахарь обвиваетъ нитку вокругъ головы больного, со словами, произносимыми шепотомъ:

«вяжу тваю галаву»,—и завязываетъ концы нитки въ узелокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они сошлись, такъ что получается петля въ мѣру головы; затѣмъ вяжутъ животъ, со словами: „вяжу твой животъ"; далѣе, такимъ же образомъ, связываютъ грудь, руки и ноги больного. Всѣ эти завязки бросаютъ въ печь, въ огонь, а больному предлагаютъ встать или поднять руку, смотря потому, какая часть его тѣла поражена параличемъ. Такое вязанье подвѣя повторяется нѣсколько разъ.

Моръ По бѣлорусскимъ преданіямъ, предъ наступленіемъ мора, иногда появляется *моровая панна*, которая, носясь по воздуху, машетъ чернымъ платкомъ. И надъ какой деревней она помашетъ своимъ смертоноснымъ платкомъ, въ той деревнѣ и проявится моръ. Иногда она машетъ платкомъ, просунувши руку въ окно какой нибудь хаты, и тогда въ этой хатѣ начнутъ умирать люди. Эта моровая панна, несомнѣнно, олицетвореніе повальной болѣзни.

Чтобы избавиться отъ мора, въ былыя времена, по разсказамъ стариковъ, практиковали слѣдующій способъ. Молодыя дѣвушки запрягались въ соху, а старухи брали въ руки сковородки, косы и тому подобные бренчащіе предметы и, раздѣвшись до нага, съ возможнымъ крикомъ, визгомъ, шумомъ, трескомъ обводили борозду вокругъ деревни. Весь этотъ шумъ имѣлъ, вѣроятно, цѣлію испугать моровую панну и прогнать ее изъ села, если она въ немъ засѣла; а борозда — это своего рода „чуранье", обращеніе къ покровительству Чура, чтобы онъ не пускалъ болѣзнь чрезъ границу владѣній своего рода. Послѣднее, впро-

чемъ, наше личное мнѣніе. Народъ только вѣритъ, что чрезъ такую границу моръ не проникнетъ.

Всѣ заранѣе оповѣщаются объ этомъ прокладываніи границы. Мужчины не должны участвовать въ этой церемоніи, а если который изъ нихъ попадется на пути, то его избиваютъ до полусмерти.

Другимъ средствомъ противъ мора считается *однодневное полотно*.

Въ назначенный день, до восхода солнца, собираются дѣвушки со всего села въ одну избу и каждая изъ нихъ приноситъ съ собой по горсти льна. Онѣ дружно, но въ глубокомъ молчаніи, принимаются за работу: прядутъ ленъ, снуютъ основу, ставятъ кросна и ткутъ полотно. Когда полотно готово, всѣ жители выходятъ за деревню и обходятъ вокругъ нея, причемъ дѣвушки, ткавшія полотно, несутъ его надъ головой съ заунывнымъ пѣніемъ: аю-га! Когда сдѣлаютъ полный обходъ, то на томъ мѣстѣ, съ котораго вышли, раскладываютъ небольшой огонь изъ щепокъ или лучинокъ, принесенныхъ съ каждаго двора. Двѣ дѣвушки держатъ за концы полотно надъ огнемъ, а всѣ жители деревни переходятъ черезъ огонь подъ полотномъ и переносятъ дѣтей и больныхъ. Когда всѣ выполнятъ эту церемонію,—полотно сжигаютъ на томъ же огнѣ.

Все это должно быть продѣлано въ теченіе одного дня, съ восхода до заката солнца.

Колдовство на смерть. Самый распространенный способъ колдовства „на смерть“ основанъ на томъ примитивномъ мнѣніи, о которомъ мы уже говорили, что часть въ извѣстномъ смыслѣ замѣняетъ цѣлое, и

то, что мы сдѣлаемъ съ частью, сдѣлается съ цѣлымъ. Основываясь на этомъ мнѣніи, для умерщвленія кого нибудь посредствомъ колдовства, стараются добыть волосъ того человѣка, и эти волосы кладутъ въ воскъ или глину и лѣпятъ подобіе человѣческой фигуры. Эту фигуру кладутъ въ маленькій гробикъ, закапываютъ въ землю и навалпваютъ камнемъ. Тотъ человѣкъ, чьи волосы положены въ закопанную фигуру — полагаютъ — вскорѣ долженъ умереть. Волосы можно замѣнять ногтями, частью одежды, землею со слѣда. Иногда лѣпятъ фигуру и безъ всего этого, но въ такомъ случаѣ ее нужно „окстить“, т. е. назвать именемъ того человѣка, котораго чаруютъ на смерть.

Другой способъ волхованія представляетъ варіантъ, вѣроятно позднѣйшій, только-что описаннаго. Волосы кладутъ въ воскъ, но изъ воска лѣлаютъ свѣчку, а не фигурку человѣка. Свѣчку ломаютъ пополамъ и, сломанную, зажигаютъ передъ иконой. Полагаютъ, что подобно тому, какъ таетъ воскъ, растаетъ, сгоритъ жизнь того человѣка, чьи волосы были положены въ свѣчку. Этотъ способъ волхованія, между прочимъ, употребляется обманутыми дѣвушками, чтобы отомстить обманщику. Впрочемъ, „ломаютъ свѣчку“ на чью нибудь погибель и безъ волосъ.

Также „*вынимаютъ слѣдъ*“ и вынутую изъ слѣда землю зашиваютъ въ мѣшочекъ и сушатъ. Такъ долженъ изсохнуть тотъ человѣкъ, чей слѣдъ былъ вынутъ.

Но самымъ опаснымъ способомъ волхованія считается „*заламываніе заломовъ*“ во ржи. Это тѣ же древнія „наузы“, о которыхъ мы уже упоминали; въ

данномъ случаѣ онѣ состоятъ въ завязываніи узловъ во ржи на чью нибудь смерть. Оно сопровождается соотвѣтствующимъ заговоромъ, въ которомъ говорится, на чью голову заломъ ломается, какія страданія тотъ человѣкъ имѣетъ претерпѣть, какою смертію долженъ онъ умереть *). Заломы ломаютъ на людей и на домашнихъ животныхъ, на болѣзнь и на смерть. Когда находятъ во ржи завитки, это повергаетъ въ ужасъ хозяевъ нивы, и они тотчасъ же, не трогая залома, обращаются къ чаровнику, чтобы онъ вырвалъ заломъ. За это чаровникъ получаетъ приличную плату и угощеніе. А если кто-нибудь изъ интеллигентныхъ людей, на виду у испуганныхъ крестьянъ, вѣрящихъ, что отъ прикосновенія къ залому можетъ отсохнуть рука или поразить другая болѣзнь, вырветъ заломъ безъ всякаго вреда для себя, то такой случай крестьяне объясняютъ тѣмъ, что грамотному чародѣйство не вредитъ или что онъ тоже „мае мухи у носѣ“, т. е. умѣетъ чаровать.

Любизникъ. Есть нѣсколько приворотныхъ средствъ,

*) Подлинный заговоръ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ, мы, къ сожалѣнію, утеряли. Впрочемъ это былъ подборъ самыхъ обыкновенныхъ проклятій, которые пускаются въ ходъ бѣлорусами во время ссоры, въ родѣ: „кабъ табѣ ручки—у кручки, ножки—у качарежки; кабъ яму вочи вывернуло, языкъ высуловило“ и т. п. Должно сказать, что заговоры на смерть, на болѣзнь весьма мало распространены въ народѣ, даже среди знахарей, такъ что, пожалуй, можно сомнѣваться въ томъ, что такого рода заговоры существуютъ; а если существуютъ, то какъ исключительное достояніе не большаго числа лицъ, считающихъ себя „настоящими“ чаровниками. Возможно, что они не хотятъ дѣлиться своимъ сокровеннымъ достояніемъ, придавая ему необыкновенную цѣну. Заговоры заурядныхъ знахарей—все предохранительнаго и цѣлительнаго свойства.

„любизниковъ“ по-бѣлорусски, по самымъ дѣйствительнымъ изъ нихъ считаются двѣ косточки летучей мыши — вилочки и крючокъ. Добывать ихъ рекомендуютъ такъ: надо посадить летучую мышь въ новый горшокъ, завязать его новымъ же кускомъ холста и закопать ночью въ муравейникѣ. Возвращаясь домой, нельзя оглядываться назадъ и нужно заткнуть уши, чтобы не слышать писка летучей мыши. Черезъ три недѣли нужно вынуть горшокъ изъ муравейника. Муравьи съѣдятъ всю летучую мышь, оставятъ только двѣ волшебныя косточки: крючокъ и вилочки. Чтобы приворожить кого нибудь — стоитъ только незамѣтно потянуть къ себѣ того человѣка крючкомъ: будетъ такъ льнуть, что не отвяжешься безъ помощи вилочекъ; а надоѣло — стоитъ только оттолкнуть его вилочками, и весь любовный *шалъ* какъ рукой сниметъ.

Если же желаютъ разстроить счастье новобрачныхъ, то разбиваютъ вдребезги горшокъ передъ свадебнымъ поѣздомъ, когда онъ возвращается послѣ вѣнчанія молодыхъ.

VIII.

Разныя мелкія суевѣрія.

Въ этой статьѣ мы намѣрены сгруппировать всѣ тѣ пережитки древняго міросозерцанія, которые, при систематизаціи нашихъ матеріаловъ, мы упустили изъ виду отнести къ тому или другому отдѣлу или затруднялись сдѣлать это. Мы уже имѣли случай замѣтить, что бѣлорусы держатся весьма многихъ суевѣрій совершенно безотчетно, не давая имъ никакого объясненія. И если вы спросите: почему то-то и то-то нужно дѣлать, а того-то нельзя, то въ большинствѣ случаевъ вамъ отвѣтятъ: кто его знаетъ; такая отъ старыхъ людей *повелася* идетъ; старые люди знали, потому что умнѣе насъ были; такъ отцы и дѣды дѣлали и намъ приказывали и т. п. Но если и существуютъ въ народѣ объясненія тѣхъ или другихъ суевѣрій и предразсудковъ, то, разумѣется, нельзя ожидать отъ нихъ раціональности; однако какъ бы ни были нераціональны эти объясненія, они важны и сами по себѣ, какъ матеріалъ для изученія народнаго міросозерцанія, а также важны и въ томъ отношеніи, что они часто дополняютъ пережитки старины и этими дополненіями нерѣдко ставятъ ихъ въ связь съ тою или другою особенностью народнаго міросозерцанія и

быта. Если же возможно установить связь между двумя или нѣсколькими пережитками, если возможно обобщить ихъ, тогда легко сдѣлать тотъ или другой выводъ, тогда легче придать имъ раціональное объясненіе. Но повторяемъ: въ міросозерцаніи бѣлоруса есть немало совершенно безсвязныхъ, одиноко стоящихъ суевѣрій. Такія одиночныя суевѣрія напоминаютъ собою ходячія присловья, заключительныя сентенціи изъ народныхъ анекдотовъ и правоучительныхъ разсказовъ, въ родѣ, напримѣръ, присловія: „семипудовый пшикъ", которое непонятно безъ соотвѣтствующаго ему анекдота, хотя оно и употребляется самостоятельно и хотя анекдотъ мало кому извѣстенъ; или въ родѣ пословицы: „отстунь, мара, — я твой богъ" (такъ говорятъ навязчивому человѣку), — пословицы, которая напоминаетъ заклятіе и очевидно имѣетъ миѳологическое происхожденіе; но ея первоначальное значеніе и смыслъ утеряны, забыты и могутъ быть возстановлены только при посредствѣ догадокъ, сопоставленій и остроумныхъ соображеній. То же можно сказать и относительно многихъ пережитковъ: когда-то народъ умѣлъ себѣ объяснить — почему, напримѣръ, отъ переполоха надо обмывать больного водой, въ которую опущено четыре уголька, а теперь онъ не отдаетъ себѣ въ этомъ отчета, но все-таки дѣлаетъ. Такіе пережитки, повидимому, уже не имѣютъ живыхъ корней въ народномъ мышленіи, а удерживаются въ немъ только въ силу косности народнаго ума и его приверженности къ старинѣ. Мы уже немало сообщили ихъ на предшествующихъ страницахъ, въ этой же главѣ помѣстимъ только остатки на-

ихъ записей, которые, по той или другой причинѣ, не вошли въ предыдущія главы.

Говоря о вѣрѣ бѣлоруссовъ въ магическую силу слова, мы упустили изъ виду кое-что небезынтересное для характеристики этого вѣрованія.

Бѣлоруссы, вслѣдствіе убѣжденія, что слова могутъ повредить, когда сообщаютъ о какомъ либо несчастіи, предварительно оговариваются: „ня тутъ кажучи“ (не здѣсь говоря), и затѣмъ ужъ сообщаютъ, что случилось. Разсказывая о чьей нибудь болѣзни, когда приходится, для ясности, указать мѣсто, пораженное болѣзнью, на тѣлѣ своемъ или того, кому разсказываешь, то надо предварительно прибавить: „не равнуючи“, т. е. не сравнивая,—иначе та же болѣзнь можетъ приключиться. Фактъ этотъ не только служитъ иллюстраціей вѣрованія, что отъ слова станется, но также показываетъ, какое значеніе въ первобытномъ мышленіи имѣетъ уподобленіе.

Если сообщаютъ что нибудь непріятное по адресу отсутствующаго или клянутъ его, то тѣ, которые не желаютъ, чтобы это случилось съ нимъ, обыкновенно замѣчаютъ: „якъ ёнъ ня чуиць, дыкъ нехай яму не валзиць (не вредитъ)“.

При упоминаніи чорта, надо прибавлять: „ня *у* гэтымъ свяцономъ мѣсьци кажучи“, иначе въ домѣ можетъ поселиться нечистая сила.

— У Бога дни р*о*ўные, да часы ня р*о*ўные,—говорятъ бѣлоруссы и вѣрятъ, что есть такіе несчастные моменты, въ которые, если начнешь что-нибудь дѣлать—не будетъ удачи, а если скажешь что нибудь

дурное—непремѣнно случится; поэтому благоразумные люди, начиная какое нибудь дѣло или сообщая о чемъ нибудь дурномъ, не желательномъ, въ первомъ случаѣ говорятъ: „дай, Боже, у добрый часъ начать“, а во второмъ: „дай, Боже, у добрый часъ сказать, а у злый помо*л*чать“. Послѣдней формулой, между прочимъ, починаются свадебныя „благословенія“ молодыхъ.

Вопреки приведенному возрѣнію, что у Бога всѣ дни равны, считается, что понедѣльникъ — несчастный день. Въ этотъ день нельзя выѣзжать въ дорогу или начинать что нибудь важное. Но эти два противорѣчивыя возрѣнія мирно уживаются въ мышленіи бѣлорусса, какъ и многое другое противорѣчивое.

Суевѣрія, основанныя на уподобленіи. Мы уже говорили, какое значеніе имѣютъ уподобленія въ возрѣніяхъ бѣлоруссовъ на происхожденіе болѣзней и ихъ лѣченіе. Но кромѣ того есть не мало разныхъ суевѣрій и примѣтъ, которыя, повидимому, основываются только на уподобленіяхъ. Можно думать, что это составляетъ особенность грубой мысли — считать подобное въ какомъ нибудь отношеніи за тождественное.

Напримѣръ, чтобы у дѣтей скоро прорѣзывались зубы, надо имъ вѣшать на шею волчій зубъ. Таково повѣріе. Повидимому здѣсь вся сила въ нѣкоторомъ уподобленіи. Вѣшая ребенку на шею волчій зубъ, полагаютъ, что у него будутъ зубы также скоро расти, какъ у волченка.

Вотъ еще повѣріе. Надо носить въ кошелькѣ двойной орѣхъ, „спорышъ“, чтобъ деньги „спори-

лись". Здѣсь, кажется, все дѣло въ сдохствѣ понятій спорыш и спориться.

Крестьяне не позволяютъ дѣтямъ дѣлать кресты изъ лучинокъ и подражать церковному пѣнію, полагая, это этимъ накликается смерть. Замѣтивъ что-нибудь въ этомъ родѣ, говорятъ: Что ты вѣщуешь? Хочешь, каб бацька, абы матка померли!

Есть повѣріе, что не слѣдуетъ качать пустую колыбель: отъ этого можетъ ребенокъ умереть. Весьма вѣроятно, что здѣсь все дѣло *въ пустоть*, что качая пустую колыбель при живомъ ребенкѣ, мы какъ бы накликаемъ несчастіе, вслѣдствіе котораго колыбель должна *опустѣть*. Но возможно и другое объясненіе. Бѣлоруссы говорятъ, напримѣръ, что нельзя качать ногами, потому что тогда на ноги садится нечистая сила и такимъ образомъ мы ее качаемъ. Можетъ быть когда-нибудь полагали, что качая порожнюю колыску, мы привлекаемъ въ нее нечистую силу, которая можетъ причинить вредъ ребенку, когда потомъ положимъ его въ колыбель, и отъ этого онъ можетъ заболѣть и умереть.

Если невѣста не желаетъ, чтобы у нея рожались дѣти, то, по совѣту зрахарокъ, отправляясь къ вѣнцу, кладетъ запазуху замкнутый замокъ; этотъ же замокъ въ первую брачную ночь надо положить подъ подушку. Если же выходитъ замужъ пожилая женщина, которая, по извѣстнымъ физіологическимъ признакамъ, уже не надѣется имѣть дѣтей, а желала бы имѣть ихъ, то кладетъ запазуху открытый замокъ. Очевидно, въ этомъ суевѣріи закрытый замокъ дол-

жень предрѣшать закрытіе женской утробы, прекращеніе дѣторожденія, а открытый — наоборотъ.

Приметы. Если идешь или ѣдешь по дѣлу и встрѣтишь кого нибудь съ полными ведрами — будетъ удача, а съ пустыми — не жди добра. Примѣта очевидно построена на уподобленіи: полныя ведра знаменуютъ *исполненіе* желанія. Напримѣръ, встрѣчаютъ молодыхъ съ полными ведрами и высказываютъ пожеланіе, чтобы ихъ жизнь была такъ полна счастья. И вообще, если несущій воду встрѣчаетъ кого нибудь идущаго по дѣлу, то высказываетъ нѣчто въ родѣ привѣтствія: „съ *по*лнымъ цябе!“ и ему отвѣчаютъ: „дзякуй“, т. е. благодарю.

Встрѣча съ попомъ предвѣщаетъ несчастіе. Чтобы предохранить себя отъ него, — надо плюнуть. Это суевѣріе является отголоскомъ той далекой борьбы, которую вело закоснѣлое язычество съ христіанскимъ вѣроученіемъ, съ христіанской церковью и ея служителями. Такъ какъ въ то время священники, по княжескому повелѣнію, должны были крестить язычниковъ, хотя бы насильно, и наблюдать за исполненіемъ постановленій христіанской церкви новокрещенами, а также требовать отъ нихъ знанія молитвъ и важнѣйшихъ правилъ вѣры, и подвергать незнающихъ и неисполняющихъ наказанію, то, понятно, что наши предки, будучи христіанами только по имени, уклонялись отъ встрѣчи съ священникомъ, такъ какъ она часто влекла за собою наказаніе, иногда весьма суровое.

Если волкъ перебѣжитъ дорогу — это хорошая примѣта: будетъ удача въ дѣлахъ (отсюда присловье:

„Ему волкъ дорогу перебѣгъ“. когда что-нибудь счастливо окончилось), а если перебѣжитъ заяцъ—лучше возвращайся назадъ: не будетъ успѣха. Трудно сказать, на чемъ основано это суевѣріе. Вѣроятно корни его кроются въ какомъ нибудь миѳологическомъ возрѣніи общаго характера, которое теперь заглохло, потому что, если допустить, что здѣсь имѣло мѣсто какое нибудь случайное совпаденіе, грубый, непровѣренный опытъ, то тогда нельзя было бы объяснить широкаго распространенія этого суевѣрія. Впрочемъ, такихъ непонятныхъ суевѣрій много есть. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ надеждѣ, что сопоставленіе ихъ съ вѣрованіями другихъ народовъ, сравнительное изученіе, раскроетъ ихъ скрытый смыслъ и непонятное значеніе.

Приметы и суевѣрія на счетъ домашнихъ животныхъ. Когда продаешь лошадь или корову, вообще что-нибудь живое, и желаешь, чтобы „пошло рукой“, то не надо передавать ихъ новому хозяину голыми руками: не будутъ плодиться. Въ такомъ случаѣ „бьютъ по рукамъ“ и передаютъ купленное „косматой рукой“, т. е. завернувши руку въ полу платья. Въ поясненіе можно сказать, что косматое считается символомъ богатства.

Когда продаешь поросенка, ягненка, курицу и т. п. на расплодъ, и если посадишь продаваемое животное въ мѣшокъ впередъ головой, держа за заднія ноги, то у продавца эти животныя переведутся, а у покупателя расплодятся; если же будешь сажать въ мѣшокъ задними ногами, то продавцу хорошо, а у покупателя

не будетъ приплода. Поэтому, чтобы никому обиды не было, слѣдуетъ сажать въ мѣшокъ спиною, держа за ноги.

Вѣрятъ, что у извѣстнаго хозяина могутъ водиться только извѣстной масти животныя. Поэтому, когда болѣетъ какое либо домашнее животное, его перепродаютъ другому за копѣйку, за двѣ (конечно—номинально), надѣясь, что съ перемѣной хозяина оно поправится.

Мѣсто, на которомъ стоятъ хлѣвы, можетъ быть счастливымъ или несчастливымъ; когда часто околѣваетъ скотъ, совѣтуютъ переставить на другое мѣсто хлѣвы.

Есть люди съ „легкой рукой“, отъ которыхъ если что-нибудь пріобрѣтешь, будетъ «ручить», т. е. множиться, счастливо вестись.

Если жеребенокъ или телепокъ много бѣгаетъ, рѣзвится—признакъ, что его съѣстъ волкъ.

Когда воютъ собаки—это онѣ предчувствуютъ или накликаютъ смерть или другое несчастье. Чтобы они перестали выть надо что нибудь изъ посуды перевернуть кверху дномъ.

Когда въ избѣ заводется много мышей—это значитъ, что онѣ кого нибудь выживаютъ; значитъ—предстоитъ смерть или отъѣздъ кого нибудь изъ семьи.

Разныя суевѣрія. Если беременная женщина придетъ просить чего - нибудь одолжить, не слѣдуетъ удовлетворять ея просьбы—иначе мыши будутъѣсть хлѣбъ и платье. Иногда это случается даже и тогда, когда откажешь въ одолженіи. Чтобы предотвратить эту непріятность, нужно вслѣдъ этой женщинѣ бросать угли или кусочки печной глины. Но тогда ея ребенокъ, который родится, будетъ ѣсть угли и глину.

Не слѣдуетъ сидѣть на порогѣ, когда черезъ него

проходитъ женщина, потому что, если она будетъ въ это время „не чистая", то у того, кто сидитъ, пойдутъ по всему тѣлу болячки.

Нельзя бросать куда попало истоптанные лапти (отопки), а надо класть ихъ на крышу. Почему?— намъ не умѣли объяснить.

Нельзя разговаривать черезъ порогъ или черезъ окно: это къ ссорѣ.

Нельзя спать передъ закатомъ солнца: заболѣешь лихорадкой.

Нельзя класть ножъ вверхъ остріемъ: будетъ непріятность.

Нельзя ступать на соломенки, лежащіе накрестъ: можетъ заболѣть нога.

Охъ, еще много чего нельзя!... но на этомъ мы закончимъ нашъ очеркъ.

Мы не касались въ немъ пережитковъ обычнаго права, а также суевѣрныхъ обрядовъ, совершаемыхъ бѣлорусами на родинахъ, крестинахъ, свадьбѣ и нѣкоторыхъ другихъ семейныхъ празднествахъ. Да и въ той области, которую мы себѣ намѣтили при написаніи этой статьи, мы не исчерпали и десятой части суевѣрныхъ воззрѣній бѣлорусскаго крестьянина: мы выбирали изъ нихъ самое типичное и наиболѣе распространенное или, по нашему мнѣнію, цѣнное для науки. Но и изъ приведеннаго нами достаточно видно, какой густой сѣтью суевѣрій и предразсудковъ опутанъ умъ бѣлоруса, какъ затемнено его мышленіе порожденіями первобытнаго мрака и какъ необходимъ свѣтъ науки, свѣтъ истиннаго познанія, чтобы разсѣять всѣ эти призраки, все это царство тьмы...

КРАТКІЙ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Авлясье (Власія) — конское свято, страница 98.
Анимизмъ, опредѣленіе, 45.
Анимистическія, воззрѣн. на происхожд. болѣзн. 156, 157, 158.

Бабы — празднество, 56.
Беременность и связан. съ ней суевѣр., 179.
Блюда на кутью, 86;
— на похоронахъ, 51.
Богатце — названіе огня, 17.
Богачъ — праздненст. и олицетвор. солнца, 122, 123.
Богачовая свѣча, 124.
Божества усадебныя, 65.
Братки (цвѣтокъ) и связан. съ ними повѣр., 120.
Вампиры, 57.
Великодни (Пасха), 106.
Весновка, 105.
Веснянки — пѣсни, 101, 102.
Вирь — мѣстопребыв. водяника, 71.
Вовколаки, 145.
Водяникъ, 76.
Вода и связан. съ ней повѣрія, 19, 40.
Волосы въ повѣр. и колдов., 68, 137, 169.
Волочебники, 106.
Волочебныя пѣсни, 107.
Волчій зубъ — повѣр., 175.
Ворожбитки, 146.
Ворожба, 151.
Вой собаки — повѣр., 179.

Встрѣча — съ волкомъ, 178;
— съ зайцемъ, 178;
— съ попомъ, 177;
— съ полными ведрами, 177.
Выливаніе, какъ лѣченіе, 162.
Выкликаніе весны, 101.
Выниманіе слѣда, 159.
Вымѣриваніе, какъ лѣчен., 163.
Вѣдьмы, 146.
— коровницы, 113.

Гаданіе землей, 20;
— огнемъ, 19;
— по хлѣбу, 22;
— по внутренностямъ живот., 85;
— на коляды, 87;
Горы — связан. съ ними повѣр., 25;
— мысли, 26.
Грызеніе, какъ лѣченіе, 160.

Даваніе воды, 40.
Дѣды, 55.
Девятины, 52.
Домовой, 66.
Душа — понятіе, 50.

Евникъ — олицет. 69.

Женитьба комина, — обр.
— Горешки, игра, 90.
Животныя, повѣр. 31.

Заговоры — значеніе, 37, 38, 43;
Заговоръ отъ огника, 16;
— отъ мочницъ, 16;
— предъ отъѣздомъ, 39;
— отъ укушенія змѣи, 38;
— отъ золотника, 38;
— отъ вывиха, 38;
— отъ кровотеч. 39;
— путаныхъ болѣзней, 40, 41;
— отъ уроцъ, 42;
— отъ хлѣвника, 72;
— отъ ружья, 138;
— отъ переполоха, 162;
Загробный міръ, 51.
Закатъ солнца — повѣр., 180.

Заломы — колдов. 169, 170.
Замокъ — повѣр., 176.
Земля — воззрѣн., 20.
Змѣи, 32.
Змѣй-деньгоносецъ, 73.
Змѣиный сыръ, 33.
Змѣиное мясо, 33, 34.
Знахарки, 146.
Знахарскія средства:
— отъ геморроя, 149;
— — груди. болѣзн., 148;
— — желтачки, 150;
— — золотухи, 149;
— — лихорадки, 147;
— — ломоты, 148;
— — ожога, 150;
— — ревматизма, 147;
— — укушен. змѣи, 150;
— — чесотки, 150.

Иванъ да Марья, 120.
Прасолица купалу, 111.
Игры колядн., 88.
Испугъ и его лѣчен., 161, 162, 163;
— какъ лѣченіе, 163.

Камни — воззрѣн., 23.
Каменныя бабы, 24.
Катаніе — лѣчен., 160.
Катаніе пустой колыбели, 176.
Катаніе ногами, повѣр., 176.
Клады, 112.
Клиттникъ — олицет., 74.
Коза — колядной обычай, 96, 97.
Колдовство профес., 72, 134, 155;
— на смерть, 168, 169.
Колядa — общ. понят., 82.
Коляда постная, 84, 86;
— богатая, толстая, 84, 88.
Колядныя гаданія, 87;
— обряды, 86;
— обычаи и игры, 88.
Колядовщики, 95, 96.
Конское свято, 98.
Косматая рука, 178.
Культъ предковъ, 51.
Купала, 111;
Купалка, растеніе, 111.
Купальскіе дары, 117;
— зелье, 115;
— обряды, 115; 120.

Купальскія пѣсни, 115—120;
— роса, 114;
Купальскій дѣдокъ, 30.
Кутья, 84.
Кривые вечера, 89.

Лазьникъ, олицет. 70.
Лапти, повѣр., 180.
Легкая рука, 179.
Лисичье сердце, какъ лѣкарст., 144.
Лихорадка лѣчен, 164, 164.
Лишай происх., и лѣчен., 155.
Ломанье свѣчи, колд., 169;
Льняй олицетвор., 77, 78.
Леченіе огнемъ., 15, 16;
— заговорами, 37-43;
— механическ. пріем. 159, 160;
— знахарское, 147-150;
— знахарское и общеизвѣстное, 155-168;
Любизникъ приворотн. зелье, 170.

Масленица, 98;
Масленичн. пѣсни, 99.
Маточникъ, 78.
Механическое лѣчен. 159, 160.
Микольщина, 110.
Миколинъ батька, 110.
Милостыня, значеніе ея для загробн. міра, 53, 54.
Моръ и средство противъ него, 167.
Моровая панна олиц., 167.
Мышн и связан. съ ними суевѣріе, 179.
Мыло въ обряд., 65.

Наузы, 71, 163, 166, 169 и 170.
Небесныя войны, 129.
Небожчицкій великъ-день 56.
Ноги въ повѣр. и колд., 68, 169.
Ножъ — относящ. къ нему суевѣр., 180.
Ночницы — болѣзнь и олицетвор., 16.

Огникъ (вогникъ), 15.
Однодневное полотно, 168.
Олицетворенія стихій, 75.

Олицетворен. зла, 127.
Отбираніе молока, 113.
Откидываніе лимена, 161;
Очагъ, 17.

Папоротникъ, 30.
Перворожденные, 159.
Переполохъ—лѣчен., 161.
Переходы души, 51.
Перунъ—олицет., 75, 76.
Перуновы стрѣлы, 25.
Погодки—обрядъ, 52.
Подвытый—олицет. 79;
— его лѣченіе, 166;
Подпечникъ, 66.
Подзивъ, 163, 164.
Подобіе въ объяснен. происхожд. болѣзн., 155.
Номинальн. столы, 51;
Похорон. обряды, 51-53.
Приворотное средство, 170.
Прикладзины—обрядъ, 52.
Примѣты, 177.
— и суевѣр. насчетъ домашн. животн. 178.
Проведеніе борозды, какъ средство противъ мора, 167.
Профессъ. колдовство, 134;
— мельника, 155;
Профес. колд. лѣчника, 136;
— пастуха, 72;
Птицы—вѣщія, 34.
Пѣніе курицы, 34.

Радовница, 56.
Разбиваніе горшка, колдов. 171.
Разныя суевѣрія, 179, 180.
Разрывъ-трава, 31.
Растенія—суевѣрн. воззр. 29.
Ралешники (волочебники) 107.
Растираніе, какъ лѣченіе, 160.
Русалки, 77.
Русальная недѣля, 20, 77.
Рябиновая ночь, 141.

Сѣчка бочачевая, 124.
Сонъ и сновидѣніе, 48.
Сообщники нечистой силы, 133
Сороки, 101.
Сорочины—обрядъ, 52.
Спорышъ, 176.
Суевѣрія при продажѣ животн. 178.

Суевѣрія основан. на уподобленіи, 175, 176;
Сурочы—163, 164;
Ставленіе горшка, лѣчен. 160;
Сѣнь и ея лѣчен., 165.

Толкован. снов, 49;
Топтаніе—лѣчен., 159.
Тризнить—значен. слова, 49.

Угли въ обрядахъ и лѣчен. 65, 161.
Ужи. 32.
Уподобленіе въ происхожд. болѣзн., 155;
— въ заговорахъ, 156;
— въ другихъ суевѣріяхъ, 175.
Урочы—лѣчен., 163, 164.
Усадебныя божества, 65, 66.

Фетишизмъ—опредѣл., 13.
Фетишизмъ слова, 35, 174.

Хавтуры (похороны), 51, 52;
Хатникъ—олицет., 66.
Хлѣбъ въ воззрѣн., 21.
Хлѣвникъ — олицетвор., 70, 71.

Цмокъ, 130.
Церковн. пѣніе, суевѣрн. взглядъ на подражан. ему, 176.
Цѣпляные колодокъ, (маслен. обыч.), 99.

Чаровники, 149.
Чортъ, 128;
— какъ источникъ зла, 131.
Чуръ, 64.
Чуранье, 65, 167.

Шестины—обрядъ, 62;
Шопты (заговоры), 37.

Щедрикъ, 84.

Юрья, 109.
Юрьева роса, 109.
Юрьевск. обыч. 109.

Ящуръ—игра, 93.

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. И. КЛОЧКОВА.
СПБ., ЛИТЕЙНЫЙ 55.

Изд. ИЗ
Магазин 14
15 р.

Цѣна 60 коп.

(безъ пересылки).

2007237615